

T. 17 • № 1 • 2023

THE WORLD OF NEW ECONOMY

ISSN 2220-6469 (Print)
ISSN 2220-7872 (Online)

МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ЖУРНАЛ НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ И УСПЕШНЫХ БИЗНЕС-РЕШЕНИЙ

DOI: 10.26794/2220-6469

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-82263
от 23 ноября 2021 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-82263
of 23, November, 2021

Периодичность издания – 4 номера в год

Publication frequency – 4 issues per year

Учредитель: Финансовый университет

Founder: Financial University

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 42131 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 42131 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 17 • No. 1 • 2023

WORLD OF NEW ECONOMY

JOURNAL OF SCIENTIFIC HYPOTHESES AND SUCCESSFUL BUSINESS DECISIONS

DOI: 10.26794/2220-6469

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА

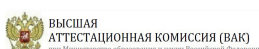

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Леочи П., д-р, профессор Университета Саленто (Италия);

Симон Г., д-р, профессор, председатель правления «Саймон, Кухер энд партнерс стрэтэджи эндмаркетинг консалтенс» (Германия);

Хан С., д-р, профессор, руководитель департамента экономики Блумсбургского университета (США);

Хирш-Крайсен Х., д-р, профессор Дортмундского технологического университета (Германия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Порфирьев Б.Н., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, Научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН;

Агеев А.И., д-р экон. наук, проф., генеральный директор Института экономических стратегий (ИНЭС), проф. МГИМО;

Балацкий Е.В., д-р экон. наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований Финансового университета;

Головнин М.Ю., д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН;

Ершов М.В., д-р экон. наук, проф. Финансового университета, главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов;

Иванов В.В., канд. техн. наук, д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, заместитель президента РАН;

Миркин Я.М., д-р экон. наук, проф., заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН;

Нуреев Р.М., д-р экон. наук, проф., научный руководитель департамента экономической теории Финансового университета.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сильвестров С.Н., главный редактор, д-р экон. наук, проф., Заслуженный экономист РФ, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета;

Казанцев С.В., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, проф., главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН;

Подвойский Г.Л., заместитель главного редактора, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН;

Юданов А.Ю., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, проф. департамента экономической теории Финансового университета;

Варнавский В.Г., д-р экон. наук, проф., заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН;

Куприянова Л.М., канд. экон. наук, доцент департамента бизнес-аналитики, заместитель заведующего кафедрой «Экономика интеллектуальной собственности» Финансового университета;

Медведева М.Б., канд. экон. наук, проф., заместитель руководителя по учебно-методической работе департамента мировых финансов Финансового университета;

Рубцов Б.Б., д-р экон. наук, проф. департамента банковского дела и финансовых рынков Финансового университета;

Толкачев С.А., д-р экон. наук, проф., первый заместитель руководителя департамента экономической теории Финансового университета.

Журнал входит в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

INTERNATIONAL PUBLISHING COUNCIL

Leoci P., Doctor, Professor of the University of Salento (Italy);

Simon G., Doctor, Professor, President of “Simon, Kucher & Partners Strategy & Marketing Consultancy” (Germany);

Khan S., Doctor, Professor, Head of Economics Department of Bloomsburg University (USA);

Hirsch-Kreisen H., Doctor, Professor of Dortmund Technical University (Germany).

EDITORIAL COUNCIL

Porfiriev B.N., Doctor of Economics, Chairman of the Editorial Board, Professor, Academician of RAS, Research Supervisor of the Institute of Economics Forecasting of RAS;

Ageev A.I., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Economic Strategies (INES), Professor MGIMO;

Balackij E.V., Doctor of Economics, Professor, Director of the Center of macroeconomic researches of the Financial University;

Golovnin M. Yu., Doctor of Economics, Corresponding member of RAS, Director of the Institute of Economics of RAS;

Yershov M.V., Doctor of Economics, Professor of the Financial University, Major Director of Financial Research of the Institute of Energy and Finance;

Ivanov V.V., Ph D. (Tech. Sciences), Doctor of Economics, Corresponding member of RAS, Vice-President of the Russian Academy of Sciences;

Mirkin Ya.M., Doctor of Economics, Professor, Head of International Capital Markets Department IMEMO;

Nureev R.M., Doctor of Economics, Professor, Science Coordinator of the Economic Theory Chair of the Financial University.

EDITORIAL BOARD

Silvestrov S.N., Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor, Honored Economist of the Russian Federation, Director of the Economic Policy Institute and the problems of economic security of the Financial University;

Kazantsev S.V., Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Chief Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences;

Podvoiskiy G.L., Deputy editor-in-Chief, Ph.D. of Economics, Leading Researcher of the Russian Academy of Sciences (RAS);

Yudanov A. Yu., Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Professor of the Economic Theory Chair of the Financial University;

Varnavskiy V.G., Doctor of Economics, Professor, Head of the Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences;

Kupriyanova L.M., PhD in Economics, Associate Professor of the Chair of Business Analytics, Deputy Head of “Economics of intellectual property” faculty of the Financial University;

Medvedeva M.B., PhD in Economics, Professor, Deputy Head for Educational and Methodical Work of the Global Finance Chair of the Financial University;

Rubtsov B.B., Doctor of Economics, Professor of the Banking and Financial Markets Chair of the Financial University;

Tolkachev S.A., Doctor of Economics, Professor, First Deputy Head of the Economic Theory Chair of the Financial University.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission

© Журнал
МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ /
THE WORLD OF NEW
ECONOMY.
Свидетельство
ПИ № ФС77-82263
от 23 ноября 2021 г.
Издается с 2007 г.
Учредитель: Финансовый
университет

Т. 17, № 1/2023

Учредитель журнала
и главный редактор с 2007
по 2015 год д-р экон. наук,
профессор Н.Н. Думная

Главный редактор
С.Н. Сильвестров

Заведующий редакцией
научных журналов
В.А. Шадрин

Выпускающий редактор
Ю.М. Анютина

Переводчик
В.И. Тимонина

Референс-менеджер
В.М. Алексеев

Корректор
С.Ф. Михайлова

Верстка
С.М. Ветров

Оформление подписки
в редакции
8 (499) 553-10-71
(вн. 10-80)
e-mail: sfmihajlova@fa.ru
С.Ф. Михайлова

Адрес редакции:
123995, ГСП-5, Москва,
Ленинградский пр-т,
д. 53, к. 5.6
Тел.: +7(499) 553-10-74
(вн. 10-88).
E-mail: julia.an@mail.ru;
wne.fa.ru

Подписано в печать:
20.04.2023
Формат 60 × 84 1/8
Заказ № 430
Усл. печ. л. 13,5
Отпечатано
в отделе полиграфии
Финансового университета
(Ленинградский пр-т, 49)

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Лю Ч., Исаев В.А.

Традиционные и новые методы пенсионных аутентификаций Китая: причины, методы и проблемы 6

Кудрявцева О.В., Абрамова П.С., Марков Н.И.

Анализ конкуренции и уровня доминирования на рынке легковых автомобилей в Республике Корея 12

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Шапкин И.Н.

Изменение системы управления и формирование военно-мобилизационной экономической модели России в годы Первой мировой войны 31

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Филатов В.И., Побываев С.А.

Смена экономической модели развития России как ответ на новую геоэкономическую реальность 45

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Воронов Ю.П.

Теория и практика борьбы с экономическим кризисом (о Нобелевской премии по экономике в 2022 году) 56

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА

Жукова Т.В.

Оценка влияния пенсионных институтов на развитие глобальных финансов 68

Дорофеев М.Л.

Переоценка роли и функций российского финансового рынка в условиях структурной трансформации экономики 83

ЭКСПЕРТНЫЙ ДОКЛАД

Ларионов А.В., Подвойский Г.Л.

Анализ волатильности денежных потоков в сфере трудовых отношений для мониторинга устойчивости экономики России 94

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР

Шеломенцева Н.Н., Грушина О.В., Красноштанова Т.А.

Моделирование согласования интересов экономических субъектов в жилищном строительстве 103

WORLD ECONOMY*Liu Zh., Isaev V.A.***Traditional and New Methods of Pension Authentication in China: Reasons, Methods and Problems 6***Kudryavtseva O.V., Abramova P.S., Markov N.I.***Analysis of Competition and Dominance Level on the Passenger Car Market of Republic of Korea 12****ECONOMIC HISTORY***Shapkin I.N.***Change of the Management System and Formation of the Russian Wartime Mobilization Economy Model during the First World War 31****ECONOMIC POLICY***Filatov V.I., Pobyvaev S.A.***Change of the Economic Model of Russia's Development as a Response to the New Geo-Economic Reality 45****ECONOMIC THEORY***Voronov Y.P.***Theory and Practice of Overcoming an Economic Crisis (on the Nobel Prize in Economics in 2022) 56****FINANCIAL ANALYTICS***Zhukova T.V.***Assessing the Impact of Pension Institutions on the Development of Global Finance 68***Dorofeev M.L.***Reassessment of the Role and Functions of the Russian Financial Market in the Context of Structural Transformation of the Economy 83****EXPERT REPORT***Larionov A.V., Podvoysky G.L.***Analysis of the Volatility of Cash Flows in the Field of Labor Relations for Monitoring the Sustainability of the Russian Economy 94****REAL SECTOR***Shelomentseva N.N., Grushina O.V., Krasnoshtanova T.A.***Simulation of Interest Coordination of Economic Subjects in Housing Construction 103**

© WORLD OF NEW ECONOMY

Journal Certificate
PI No. ФC77-82263.
of 23, November, 2021.
Issued since 2007.
Founders: Financial
University

Vol. 17, No. 1/2023

Founder and editor
of the magazine from 2007
to 2015 Doctor of Economics,
Professor N.N. Dumayaya*Editor-in-chief*
S.N. Silvestrov*Science journal editorship
manager*
V.A. Shadrin*Publishing editor*
Yu.M. Anyutina*Translator*
V. I. Timonina*Reference Manager*
V.M. Alekseev*Proofreader*
S.F. Mihaylova*Makeup*
S.M. VetrovEditorial office address:
123995, GSP-5, Moscow,
Leningradskiy prospekt,
53, room 5.6
Tel.: +7(499) 553-10-74
(internal 10-88).
E-mail: julia.an@maul.ru;
wne.fa.ruSigned off to printing:
20.04.2023
Format 60 × 84 1/8
Order № 430
Relative printer's sheet 13,5
Printed in the Department
of Polygraphy of the
Financial University
(Leningradskiy prospekt, 49)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-6-11
УДК 339.9(045)
JEL A14, E01, E21, E24, H55, I38

Традиционные и новые методы пенсионных аутентификаций Китая: причины, методы и проблемы

Ч. Лю, В.А. Исаев

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется цифровизация пенсионных систем КНР, распространение новых методов социальной аутентификации и новая для КНР система подтверждения пенсионных выплат. Из-за проблемы старения населения Китайской Народной Республики правительство вынуждено разрабатывать новые методы социальной поддержки пенсионеров. В статье рассмотрены проблемы пенсионных подтверждений китайцев, находящихся за границей, а также методы решения данного вопроса. Особое внимание уделяется пенсионной аутентификации через китайские многофункциональные центры (МФЦ) за рубежом. В работе изучены основные положительные и отрицательные стороны традиционных и новых методов пенсионной аутентификации.

Ключевые слова: старение населения; цифровизация; пенсионная аутентификация; IT-технология в пенсионной системе; электронная система; институционализация; стандартизация; управления пенсионного фонда; единая база данных

Для цитирования: Лю Ч., Исаев В.А. Традиционные и новые методы пенсионных аутентификаций Китая: причины, методы и проблемы. *Мир новой экономики*. 2023;17(1):6-11. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-6-11

ORIGINAL PAPER

Traditional and New Methods of Pension Authentication in China: Reasons, Methods and Problems

Zh. Liu, V.A. Isaev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article discusses the topic of the digitalization of the pension systems in the People's Republic of China, the spread of the new social authentication methods and the new pension payment confirmation system in the country. The population ageing problem is forcing the government of the People's Republic of China to develop new methods of social support for the retired citizens. The article deals with the problems of pension payment confirmation for the Chinese, who are currently abroad, as well as the methods of solving the issue. Special attention is paid to the problem of pension authentication through overseas Chinese multifunctional centers (MFC). The article studies the main positive and negative aspects of "traditional" and "new" methods of pension authentication.

Keywords: population ageing; digitalization; pension authentication; IT technology in the pension system; electronic system; institutionalization; standardization; pension fund management; single database

For citation: Liu Zh., Isaev V.A. Traditional and new methods of pension authentication in China: Reasons, methods and problems. *The World of the New Economy*. 2023;17(1):6-11. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-6-11

ВВЕДЕНИЕ

Население Китайской Народной Республики, по оценкам на 2020 г., составляет более 1,4 млрд чел., что делает ее самой населенной страной мира. Кроме того, в Китае — самый высокий показатель сред-

него возраста, что стало следствием проводимой в течение длительного времени политики «одна семья — один ребенок». Коэффициент естественного прироста населения Китая составляет всего 3,88%, (137-е место в мире на 2020 г.). Согласно результатам

© Лю Ч., Исаев В.А., 2023

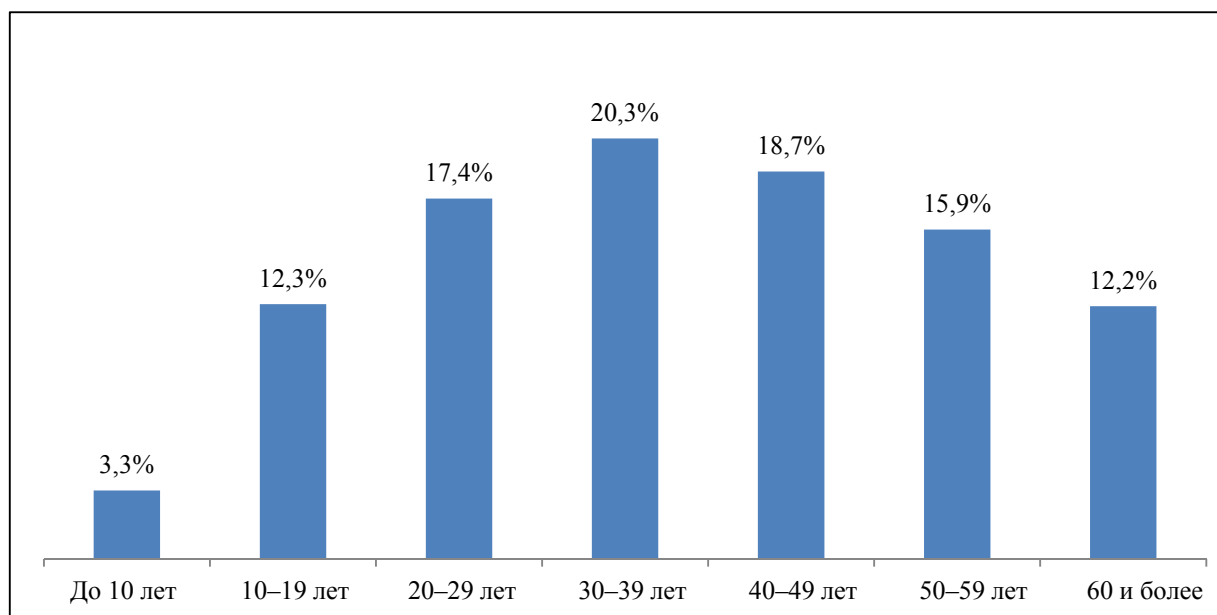

Рис. / Fig. Процентное соотношение пользователей интернета Китая по разным возрастным категориям в 2020 г. / Percentage of Internet users in China by different age categories in 2020

Источник / Source: URL: <http://surf.li/bhmst>

седьмой национальной переписи населения страны доля людей старше 65 лет в общей численности в 2020 г. достигла 13,5%¹, в результате чего в скором времени, по международным стандартам, Китай станет считаться стареющим обществом. Для снижения остроты данной проблемы китайское правительство стало активно внедрять и разрабатывать новые методы социальной поддержки пенсионеров.

В 2010 г. Китай впервые столкнулся с трудностями аутентификации пенсионеров по социальному страхованию и выплатам. Дело в том, что многие граждане по достижении пенсионного возраста не могут пройти процедуру регистрации в пенсионном фонде, чтобы в будущем получать социальные выплаты. Основными барьерами при этом являются:

1. Отсутствие информации о порядке получения данной услуги.
2. Незнание или плохое владение информационными технологиями.
3. Отсутствие возможности лично оформить пенсионные выплаты.
4. Отсутствие институционализации и стандартизованного управления пенсионного фонда.
5. Неадаптированная база данных людей пенсионного возраста.

¹ Седьмая национальная перепись населения. Официальный сайт правительство КНР. URL: http://www.gov.cn/guoqing/2021-05/13/content_5606149.htm

С развитием цифровой экономики и внедрением новейших IT-технологий Китай вошел в тройку самых крупных стран по индексу развития IT-индустрии (см. рисунок). Согласно 48-му «Статистическому отчету о развитии Интернета в Китае» [опубликованному Китайским информационным центром интернет-сетей (CNNIC) 27 августа 2021 г.], по состоянию на июнь 2021 г., число пользователей интернета в стране достигло 1,011 млрд а уровень охвата населения интернетом составляет 71,6%. Таким образом, китайское население на данный момент является крупнейшим и наиболее активным цифровым обществом в мире [1].

Однако новейшие IT-технологии в первую очередь разрабатываются для государственных организаций, но при этом недостаточно адаптивны для населения. Поэтому людям (особенно пожилым) порой очень сложно освоить их, и полноценно пользоваться новейшими технологиями может лишь определенный слой населения. Таким образом, в будущем те, кто имеют навыки обращения с цифровой техникой, смогут сравнительно легко адаптироваться к новым цифровым инструментам, а остальное население будет все сильнее отставать в этом вопросе. В настоящее время китайское правительство активно борется с данной проблемой, создавая специальные курсы для пожилых людей.

Внедрение информационных технологий в сферу пенсионной системы Китая принесет свои плоды.

Еще недавно, когда оснащение населения в стране смартфонами и компьютерами было на невысоком уровне, пожилым людям при необходимости надо было лично обращаться в пенсионный фонд или местную администрацию. Все данные о получателе, естественно, хранились на бумажных носителях в архивах города или в соответствующих местных организациях. Будущему пенсионеру предстоял очень сложный процесс по сбору и подаче своих документов. Особые трудности испытывали жители сельской местности или отдаленных районов, так как, не имея уполномоченных структур поблизости, они были вынуждены ездить в близлежащие городские уезды или города, что, конечно же, затормаживало процесс оформления пенсии. Другая категория людей, для которых это является проблемой, — китайцы, живущие за границей. Согласно миграционной статистике в 2021 г. за пределами страны проживало более 45 млн китайцев, среди которых около 17% — люди пенсионного возраста. Вернуться домой для оформления пенсии, а в будущем ежегодно приезжать в КНР для ее получения может далеко не каждый².

В быстро развивающемся современном мире традиционный метод оформления и получения пенсионных выплат уже непригоден. Помимо вышеуказанных проблем, он имеет ряд существенных недостатков. Например, хранение баз данных на бумажном носителе является не самым надежным способом. В частности, в провинции Хэйлуцзян в 90-е гг. XX в. года во время пожара пропал целый архив документов. Из-за этого некоторые работники по достижении пенсионного возраста были вынуждены самостоятельно восстанавливать свои данные [2]. Такая процедура была специфична: бывшим работникам необходимо было найти своих бывших начальников, чтобы те подтвердили их стаж под свою ответственность. Помимо этого, необходимо было предоставить документы, подтверждающие тот факт, что в период трудовой деятельности человека завод оплачивал его страховые взносы. Документы могли быть в виде чека об оплате, бухгалтерского отчета, выписки из банка получателя и т.д.

Существует еще одно достаточно весомое упущение в традиционном методе получения/подтверждения пенсии, причем данная проблема напрямую

исходит от самих получателей. Нередко из-за таких факторов, как состояние здоровья, отдаленность проживания, загруженность пенсионера и т.п., получатель оформляет нотариальную доверенность на кого-либо, чтобы тот забирал его пенсию. Такой способ нередко провоцирует недобросовестных людей на спекулятивные методы. Во-первых, случалось, что после смерти пенсионера доверенное лицо продолжительное время получало его пенсионные выплаты. Во-вторых, довольно часто доверенные лица присваивали себе данные выплаты, и денежные средства не доходили до адресата. Конечно, такие противозаконные действия пресекаются законом, но не всегда пенсионный фонд и другие уполномоченные структуры могут полностью отследить все денежные выплаты. Правительство разрабатывало разные методы борьбы с противоправным присвоением пенсии третьими лицами. Например, ежегодно сотрудники местного управления навещали пенсионеров и проводили опрос об их благосостоянии. К сожалению, такой метод не всегда давал положительные результаты [3].

Такие риски возникают из-за отсутствия систематического, научного и стандартизованного механизма обработки данных, нечеткого выполнения персоналом своих обязанностей, неправильного делегирования полномочий. Дело в том, что традиционные методы надзора за фондами социального обеспечения довольно архаичны, полномочия разделены, а отдельные люди надеются на случайность, что провоцирует их совершать преступления.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ

Поиски способа решения этих вопросов и проблем побудили правительство Китая создать новый метод страхования, подтверждения и получения пенсионных выплат путем цифровизации данных процедур. Основная причина операционных рисков фонда социального обеспечения заключается в том, что население (доходы) и экспорт (расходы) фонда не «управляются» должным образом. Поэтому, чтобы довести «цепочку» пенсионного страхования до логического конца, необходимо начать с модернизации и контроля структуры управления операциями внутри самого пенсионного фонда.

2019 г. был объявлен в Китае Годом прогресса фонда социального страхования по предотвращению рисков и контролю над ними. В первую очередь была проделана серьезная работа по оценке и сверке

² Тенденции распространения и развития зарубежных китайцев. Официальный сайт Отдела пограничных дел Госсовета КНР. URL: <http://qwgzzyj.gqb.gov.cn/yjyt/155/1830.shtml>

баз выплат и доходов застрахованных. Для этого была создана «пятисторонняя система проверки», идея которой заключается в том, что такие уполномоченные органы, как внутренний финансовый отдел компании (место работы застрахованного), коммерческий отдел, местное налоговое управление, банки и финансовый отдел пенсионного фонда должны работать в тесном взаимодействии. Любые денежные поступления или пенсионные выплаты должны совершаться только после одобрения всеми этими пятью отделами. В случае появления каких-то проблем или любого подозрения каждый из этих органов имеет право обратиться в другие структуры для уточнения данных.

Задача платформы «пятисторонней системы проверки» заключается в обработке больших баз данных и извлечении важной взаимосвязанной информации, такой, например, как уровень самой высокой и самой низкой заработной платы застрахованных лиц. В то же время искусственный интеллект проводит проверку сомнительной информации в системе социального обеспечения, чтобы предотвратить или исправить дублирование страхования, а также закрыть такие лазейки, как занижение отчетности и недоплата в фонды социального страхования. В целом, данная платформа служит государственным программным обеспечением для бизнеса и финансов, которое позволяет информации «работать больше», данным «говорить правду», уменьшить человеческое вмешательство, добиться четкого сбора и выплаты денежных средств, автоматически совершать финансовый учет, следить за статистикой данных социального обеспечения, проводить аудит внутреннего управления, а также управлять информацией и контролировать взаимозависимые ключевые позиции. Данная система способствует эффективному предотвращению рисков, которые могут возникнуть в ключевых департаментах, на ключевых должностях и в ключевых звеньях управления работой пенсионного фонда.

Что касается преимуществ новейшей (электронной) системы оформления пенсии, то данный метод способствовал упрощению всех процедур подачи необходимых документов. Например, при традиционном оформлении социальной выплаты человек зачастую не всегда понимал, какие документы ему надо собрать и в каком порядке это необходимо сделать. С приходом электронной системы ему просто необходимо зарегистрироваться в приложении (на сайте), заполнить электронную анкету с указанием личных данных, и программа автома-

тически делает запрос во все нужные структуры [4]. Будущему пенсионеру всего лишь останется обратиться лично в пенсионный фонд для получения готового пенсионного удостоверения. Данная программа позволяет пенсионеру узнать, какие выплаты он получит в будущем.

Согласно традиционным правилам застрахованное лицо обязано ежегодно лично посещать пенсионный фонд для подтверждения своих данных во избежание лишних выплат или присвоения пенсионных выплат третьими лицами в случае смерти пенсионера. Теперь, благодаря цифровизации баз данных и интеграции всех процедур в электронную систему, пенсионер может подтвердить свой пенсионный статус со смартфона, не выходя из дома. Ему достаточно зайти в приложение, выполнить все действия по имеющейся в нем инструкции и программа автоматически обновит его данные и подтвердит социальный статус. Для аутентификации приложение предложит пользователю в режиме онлайн, например, указать фамилию и имя, номер удостоверения личности, сосчитать до десяти, посмотреть налево, направо, моргнуть и т.д. [5] Все эти физические действия записываются на фронтальную камеру смартфона и транслируются в электронную систему пенсионного фонда. После завершения всех процессов в личном кабинете у пенсионера появится статус «утвержден» с указанием срока действия аутентификации. Однако в случае непрохождения подтверждения биометрии или выявления системой какого-либо подозрения в процессе аутентификации приложение предложит пройти данную процедуру повторно через сутки или лично обратиться в службу поддержки для устранения проблемы и дальнейшего разбирательства.

Преимущество данной системы заключается в том, что теперь человек может пройти процедуру аутентификации в любое удобное ему время. Также отсутствует необходимость личного посещения соответствующих организаций. Данная система надежно защищает сбережения, а в случае подозрительных действий на пенсионном счете автоматически блокирует транзакции и сообщает владельцу о блокировке и способе устранения данной проблемы.

Что касается китайцев, проживающих за рубежом, то еще недавно оформление пенсионных выплат и подтверждение своего пенсионного статуса было для многих из них «головной болью». В настоящее время для такой категории пенсионеров действует достаточно гибкая политика оформления докумен-

тов. На данный момент за границей функционируют специальные многофункциональные центры, которые решают множество вопросов, связанных с оформлением пенсионных документов для китайских граждан. Одна из важнейших услуг — оформление пенсионных выплат и подтверждение социального статуса для китайцев, проживающих за границей. В архивах зарубежных китайских многофункциональных центров можно найти записи по оказанию услуг, например: «Г-н Ван, китаец из Вэньчжоу, много лет проработавший в Китае, теперь поселился в Милане, Италия. Г-н Ван, достигший установленного законом пенсионного возраста в октябре 2019 г., через китайский многофункциональный центр в Милане узнал, что теперь ему нет необходимости возвращаться в город Вэньчжоу для оформления пенсии. Данную процедуру можно оформить в Милане. Через китайский многофункциональный центр г-н Ван добавляет в мессенджере WeChat контакты местного персонала Милана по вопросам работы с гражданами города Вэньчжоу. После заполнения формы заявления на получение базовой пенсии и отправления ее сотруднику через WeChat, г-ну Вану назначается время для онлайн-встречи с представителями пенсионного фонда Китая. В назначенное время г-н Ван прибывает в МФЦ, где под руководством персонала установлена видеосвязь с пенсионным фондом Китая. Когда процедура запускается, видеосистема автоматически распознает и сравнивает лицо г-на Вана с его фотографией на удостоверении личности и, если результат сравнения положительный, то сотрудники пенсионного фонда Китая записывают и формируют документ, который удаленно отправляется обратно г-ну Вану для проверки и подтверждения подписи. Весь процесс обработки архивируется посредством видеозаписи. После установления видеосвязи опекун (родственник) г-на Вана, проживающий в городе Вэньчжоу, на следующий день получает доверенность, выданную вэньчжоуским пенсионным фондом для прохождения конечной процедуры получения пенсии для г-на Вана» [6].

На данный момент за границей существуют 6 китайских МФЦ, базирующихся в Италии (Милан, Рим, Прато), Франции (Париж), Южной Африке (Йоханнесбург) и в ОАЭ (Дубай) [6]. В ближайшем

будущем правительство Китая планирует строительство подобных многофункциональных центров в других крупных странах с большой концентрацией китайских мигрантов, а также расширение полномочий самих МФЦ.

ВЫВОДЫ

Внедрение новых информационных инструментов в пенсионные структуры позволило улучшить административную работу, контроль качества, проверку безопасности и т.п. Обычным пользователям данные новейшие технологии помогли упростить процесс оформления документов, получить точный расчет сумм пенсионных выплат, а гражданам, находящимся за пределами Китая, дали возможность оформления страховых выплат. Правда, следует заметить, что на данный момент «новый метод» еще проходит стадии адаптации и развития. В процессе применения метода подтверждения пенсионного статуса пока существуют некоторые трудности, а именно:

1. В Китае на данный момент еще существуют отдаленные регионы, где нет интернета, и поэтому жители вынуждены решать пенсионные проблемы традиционным методом.

2. В стране есть определенный процент населения, которое не умеет пользоваться интернетом, и поэтому им необходимо обращаться к кому-то за помощью.

3. Данная система пока еще не имеет единой базы (как, например, «Госуслуги» в России), т.е. в настоящий момент в каждой провинции она своя, и людям необходимо устанавливать приложение именно для своего района.

4. Сравнительно небольшое количество китайских МФЦ за рубежом вынуждает проживающих там китайских граждан решать свои вопросы по старинке.

Цифровизация — это инструмент будущего. Развитие информационных технологий способствует систематизации многих процессов, что упрощает жизнь населению. Активное внедрение и использование цифровых технологий особенно актуально в период пандемии коронавируса и социальных ограничений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чжан Шуай. Отчет CNNIC: уровень проникновения Интернета в Китае достиг 71,6%. URL: <http://surl.li/bhmst> (На кит.)
2. Ю Цзюнь, Чжан Ицюань. Новости труда и социального обеспечения. *Социальное страхование Китая*. 2019;(9):87–87. (На кит.)

3. Дун Кэюн. Отчет о развитии пенсий в Китае за 2018 год. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам; 2018. 482 с. (На кит.).
4. Сюй Жуй. Законы и положения о социальном обеспечении. Пекин: Юридическое изд-во; 2018. 626 с. (На кит.).
5. Хэ Боян, Цай Цзе, Цю Цзяньфэй. Улучшение системных «навыков» для защиты безопасности средств. *Социальное страхование Китая*. 2019;(11):76–77. (На кит.).
6. Чань Цзайчжи. Беспрепятственное оформление пенсионных выплат для китайцев, проживающих за рубежом. *Социальное страхование Китая*. 2019;(11):46–47. (На кит.).

REFERENCE

1. Zhang Shuai. CNNIC report: China's Internet penetration reached 71.6%. URL: <http://surl.li/bhmst> (In Chinese).
2. Yu Jun, Zhang Yiquan. Labor and Social Security News. *Social Security of China*. 2019;(9):87–87 (In Chinese).
3. Dong Keiyong. Report on the development of pensions in China 2018. Beijing: Social Science Literature Publishing House; 2018. 482 с. (In Chinese).
4. Xu Rui. Social Security Laws and Regulations. Beijing: Legal Publishing House; 2018. 626 с. (In Chinese).
5. He Boyan, Cai Jie, Qiu Jianfei. Improving systemic «skills» to protect the security of funds. *Social insurance of China*. 2019;(11):76–77. (In Chinese).
6. Chan Zaizhi. Unobstructed retirement benefits for Chinese living abroad. *Social Insurance of China*. 2019;(11):46–47. (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Чжэньюй Лю — аспирант Института стран Азии и Африки, МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия

Zh. Liu — post-graduate student at the Institute of Asian and African Studies, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-1889-7867>

Автор для корреспонденции / Corresponding author
mr.lyumis@mail.ru

Владимир Александрович Исаев — доктор экономических наук, профессор Института стран Азии и Африки, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Vladimir A. Isaev — Dr Sci. (Econ.), Professor, The Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-1797-3143>

v-isaev@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.06.2022; после рецензирования 25.07.2022; принята к публикации 15.11.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.06.2022; revised on 25.07.2022 and accepted for publication on 15.11.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-12-30
УДК 339.137.2(045)
JEL D47, L11, L13, L38, L62

Анализ конкуренции и уровня доминирования на рынке легковых автомобилей в Республике Корея

О.В. Кудрявцева, П.С. Абрамова, Н.И. Марков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье проводится анализ статистических данных об объеме продаж легковых автомобилей различных брендов на рынке Республики Корея в период с 2010 по 2021 г., предоставляемых Комитетом автопроизводителей Ассоциации Европейского Бизнеса (АЕБ). Описана история становления и современные тренды рассматриваемого рынка, а также перечислены и кратко изложены ранее проводимые исследования по данной теме. В ключевой части статьи дается обзор конкурентной среды в рамках рассматриваемого рынка, а также определяются лидирующие компании с помощью инструмента конкурентного анализа — матрицы SV. На основе результатов исследования представлена интерпретация, включающая пояснение динамики изменения рыночной доли компаний внутри выбранного временного отрезка, описание специфики современного развития лидеров рынка и причины существующей конкурентной ситуации. Сделан вывод об относительной стабильности южнокорейского автомобильного рынка, который на протяжении всего исследуемого периода имеет в качестве лидера национального производителя и ритейлера. Также высказано обоснованное предположение о релевантности модели развития автомобильного рынка Южной Кореи для соответствующего рынка Российской Федерации.

Ключевые слова: автомобильный рынок; автомобилестроение; конкурентный анализ; экономическое доминирование; Южная Корея; матрица SV; производители; теория экономического доминирования

Для цитирования: Кудрявцева О.В., Абрамова П.С., Марков Н.И. Анализ конкуренции и уровня доминирования на рынке легковых автомобилей в Республике Корея. *Мир новой экономики*. 2023;17(1):12-30. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-12-30

Analysis of Competition and Dominance Level on the Passenger Car Market of Republic of Korea

O.V. Kudryavtseva, P.S. Abramova, N.I. Markov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of statistical data provided by the Committee of Automakers of the Association of European Businesses (AEB) on the volume of sales of passenger cars of various brands on the market of the Republic of Korea from 2010 to 2021. The article describes the history and current trends of the market in question. Moreover, the authors summarize previously conducted research on this topic, providing a list of relevant studies. By using the competitive analysis tool — SV matrix, the study aims to provide information of scientific importance on the subject of competitive environment within the market under consideration, as well as to identify leading companies. An interpretation based on the results of the study is presented as well. It includes an explanation of the dynamics in the market, including changes in the market share of companies within the selected time period, a description of the specificities of the modern market leaders development and the reasons for the existing competitive environment. The conclusion is made about the relative stability of the South Korean automobile market, which has a national manufacturer and retailer as a market leader throughout the analyzed period. Moreover, quite a reasonable assumption is made about the relevance of the development pattern of the South Korean automobile market for the corresponding market of the Russian Federation.

© Кудрявцева О.В., Абрамова П.С., Марков Н.И., 2023

Keywords: automobile market; automotive industry; competitive analysis; economic dominance; South Korea; SV matrix; manufacturers; theory of economic dominance

For citation: Kudryavtseva O.V., Abramova P.S., Markov N.I. Analysis of competition and dominance level on the passenger car market of Republic of Korea. *The World of New Economy*. 2023;17(1):12-30. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-12-30

ВВЕДЕНИЕ

Анализ автомобильного рынка Республики Корея (Южная Корея) представляет значительный научный интерес, что обусловлено его довольно стабильным ростом. Динамика объема продаж автомобилей на современном этапе (с 2010 по 2021 г.) в рамках рассматриваемого рынка представлена на *рис. 1*.

Учитывая продолжающуюся напряженность в отношениях с КНДР (которая накладывает отпечаток на внешнюю и внутреннюю политику Республики Корея и в XXI в¹), на *рис. 1* можно заметить, что объем продаж на южнокорейском рынке автомобилей в период с 2010 по 2015 г. рос, а с 2016 по 2021 г. — оставался довольно устойчивым, несмотря на незначительные спады (наиболее заметный произошел в 2021 г.). При этом, по сравнению с началом периода, к его середине объемы продаж иностранных брендов на территории Южной Кореи значительно выросли и, по состоянию на 2021 г., составляли 19,3% от общего объема рынка в абсолютном выражении. Таким образом, некоторая геополитическая неопределенность, а также внутренние вызовы, наподобие COVID-19², не делают рассматриваемую страну менее привлекательной для иностранных инвестиций и брендов.

Несмотря на весомое отличие южнокорейского автомобильного рынка от российского (в связи с волатильностью последнего на фоне нынешней геополитической нестабильности в регионе, санкций и нарушения логистических связей), стратегии развития компаний на авторынке Южной Кореи могут стать хорошей базой для дальнейшего становления отечественного рынка. Это обусловлено тем, что национальным лидером в сфере автомобилестроения и авторитейла является конгломерат Hyundai Motor Group (HMG), который, по состоянию на 2021 г., занимал 73,9% рынка (при совокупном учете марок Hyundai, Kia и Genesis). В рамках современного автомобильного рынка РФ такую роль может взять на себя АО «АвтоВАЗ» из-за ухода многих иностранных

производителей с российского рынка и уже имеющих институциональных преимуществ [1].

Изучению южнокорейского автомобильного рынка посвящено много работ. Так, Д. Труэтт и Л. Труэтт в своем исследовании доказали, что южнокорейские автомобильные компании достигли минимально эффективного масштаба производства в период с 1977 по 2006 г. Д. С. Ли провел конкурентный анализ автомобильных рынков Республики Корея и Франции с 2000 по 2016 г. с помощью индекса выявленных сравнительных преимуществ (RCA)³, индекса торговой специализации (TSI)⁴ и индекса доли международного рынка. В результате анализа было выявлено, что в области импортно-экспортных отношений корейский автомобильный рынок является более конкурентно-способным по сравнению с французским, при этом в его структуре значительно преобладает экспорт [2–5].

Становление южнокорейской автомобильной отрасли стало прямым результатом государственной промышленной политики, проводимой с 1962 г. [6, 7]. Государство принимало следующие меры: запрет импорта иностранных комплектующих и/или автомобилей (в разное время), льготные займы, экспортные субсидии и налоговые послабления для отечественных производителей и ритейлеров, а также конечных потребителей [4, 6]. Важной частью развития южнокорейской экономики начиная с 1960-х гг. стали «чеболи» (chaebol) — семейные конгломераты, целью которых было повышение ВВП Кореи, разработка инноваций и создание стабильных, хорошо оплачиваемых рабочих мест, так как на тот момент их сильно не хватало [8]. В связи с этим «чеболи» вплоть до 1990-х гг. получали основную часть государственного финансирования — зачастую в виде льготных кредитов [9]. В начале 1990-х гг. государство фактически потеряло институциональные рычаги влияния на данные

¹ URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-pacific-15292674> (дата обращения: 24.10.2022).

² Paul Dyer Policy and institutional responses to COVID-19: South Korea. URL: <https://www.brookings.edu/research/policy-and-institutional-responses-to-covid-19-south-korea/> (дата обращения: 24.10.2022).

³ Рассчитывается как отношение удельного веса экспорта продукции по определенному виду в общем объеме экспорта страны к удельному весу того же вида продукции в мировом объеме экспорта. Индекс предложен венгерским экономистом Б. Балашша.

⁴ Индекс используется для анализа конкурентного положения и стадии развития продукта, помогающий определить, может ли страна являться экспортером или импортером продукта.

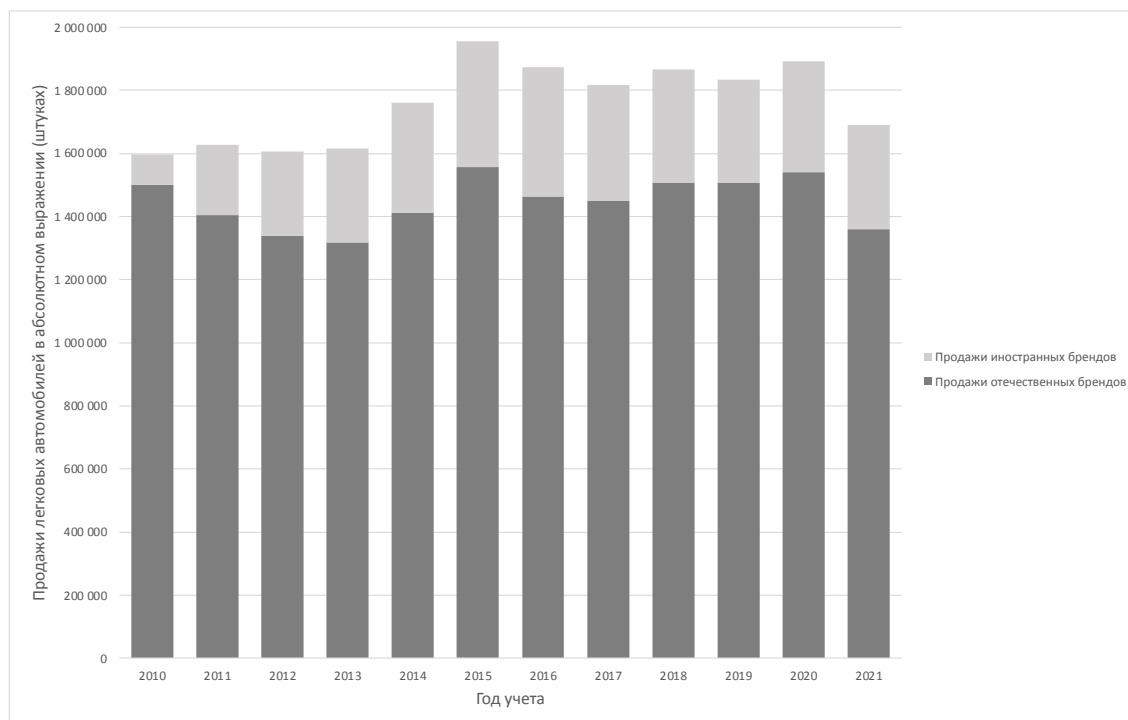

Рис. 1 / Fig 1. Динамика продаж легковых автомобилей в Южной Корее в период с 2010 по 2021 г., в тыс. ед. / Passenger car sales dynamics in South Korea from 2010 to 2021 in thousand units

Источник / Source: составлено авторами по URL: https://auto.vercity.ru/statistics/sales/asia/2021/south_korea/01-12/ / compiled by the authors per the URL: https://auto.vercity.ru/statistics/sales/asia/2021/south_korea/01-12/

компании, и их суммарный ВВП был выше национального [10], однако после азиатского финансового кризиса некоторые конгломераты обанкротились из-за недостатка гибкости крупных компаний, что привело к изменению государственной политики и ориентации на развитие малых и средних предприятий [11]. На данный момент к крупнейшим представителям «чеболей» относятся, в том числе, Hyundai Motor Company, Kia, Samsung, и др. [9, 12].

В условиях поддержки «чеболей» в начале 1960-х гг. относящиеся к ним Kia Industrial и Shinjin Motors стали расширять свое производство, основанное на технологическом сотрудничестве с японскими компаниями [13]. И только в 1968 г., по факту открытия (при помощи технологических разработок Ford) своего завода, Hyundai Motor Company (HMC) вышла на рынок. В том же году выпуск четырехколесных автомобилей в коммерческих масштабах начала Asian Auto Company при помощи технологий Fiat и FFSA [7]. Таким образом, в 1968 г. на автомобильном рынке Южной Кореи сформировалась конкурентная среда, что связано именно с четырьмя перечисленными доминирующими компаниями-первопроходцами. Важным фактом является также то, что каждая из них использовала иностранные технологические наработки для выхода

на внутренний рынок и завоевания его значительной доли [14].

Следующий этап становления конкуренции на рассматриваемом рынке начался с 1990-х гг., когда на нем было представлено 9 конкурирующих компаний с консолидированным производством в 1,5 млн единиц в год [7, 15]. Однако с 1997 по 2001 г. на фоне азиатского финансового кризиса численность ключевых компаний в результате реструктуризации рынка сократилась до 5 производителей. Так, Daewoo Automotive провела сделку по слиянию с Ssangyong Motor Company, превратившись в Ssangyong Motors. HMC поглотила ASIA Motors. В 2000 г. Renault выкупила Samsung Motors, а Daewoo Motors продали General Motors. В итоге лидирующими компаниями стали: Hyundai, Kia (конгломерат HMG), GM Daewoo, Ssangyong и Renault-Samsung [7]. Важно отметить, что, по состоянию на октябрь 2022 г., в качестве ключевых членов Корейской Ассоциации Автопроизводителей (КАМА) выступают именно эти 5 компаний, однако GM Daewoo теперь называется GM Korea, а Renault-Samsung переименовалась в Renault Korea⁵. Hyundai и Kia с 2001 г. начали резко наращи-

⁵ Korea Automobile Manufacturers Association. URL: <https://www.kama.or.kr/MainController?cmd=eng> (дата обращения: 24.10.2022).

Рис. 2 / Fig 2. Доля рынка импортных автомобилей в Корее и Японии в период с 1987 по 2018 г., % / Market share of the imported cars in Korea and Japan from 1987 to 2018, %

Источник / Source: [16].

вать объемы производства и расширять поставки на рынки развивающихся стран [7]. Данный тренд привел к тому, что в 2001 г. HMG получила долю порядка 70% отечественного автомобильного рынка и продолжала удерживать позиции примерно на этом уровне вплоть до 2013 г. [3, 6, 7].

Также спецификой автомобильного рынка Южной Кореи является историческое доминирование национальных автопроизводителей над импортными. Вплоть до 2007 г. доля иностранных автомобилей не превышала 4% от общего объема рынка [16] (рис. 2). Это было обосновано жесткими барьерами и тарифными ограничениями на поставку импортных автомобилей (вплоть до 50%), а также общей структурой рынка, где преобладали компании-«чеболи», которые пользовались государственными субсидиями и усложняли вход новых игроков на внутренний рынок [16, 17]. Однако впоследствии, в отличие от японского автомобильного рынка, корейский стал более открытым иностранным производителям в первую очередь в силу упомянутых выше слияний.

Базой для современного развития южнокорейского автомобильного рынка стали государственные реформы и стратегии компаний по увеличению инновационной составляющей промышленного сектора [18]. На данный момент Республика Корея является одним из ключевых производителей и поставщиков инновационных технологий, которые, в том числе, зарождаются на базе автомобильной отрасли. Данный тренд находит отражение и в научной литературе [19–22]. На текущем этапе особый акцент делается на «зеленые» технологии и производство электромобилей. Предполагается,

что в рамках концепции перехода на стандарт по выбросам «Евро-7» к 2035 г. будет введен запрет на приобретение автомобилей с двигателями внутреннего сгорания. Только в первой половине 2022 г. было продано 70 тыс. электрокаров, что на 73,5% больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года⁶.

Анализ конкуренции и долей компаний в рамках автомобильного рынка Южной Кореи был представлен в научных статьях на корейском языке, отдельных англоязычных статьях [7], а также в отчетах отраслевых и региональных ассоциаций [23]. Тем не менее до настоящего времени не проводились глубинные исследования на тему специфики конкуренции и доминирования на рассматриваемом рынке, скорее всего, приводились материалы о конкретных аспектах его функционирования (в том числе, в рамках SWOT-анализа) [24], влиянии и инициативах государства [6, 15], общем векторе развития и истории становления национального лидера — Hyundai Motor Company [7, 13, 25] и воздействии прямых иностранных инвестиций (FDI) на рынок принимающей страны [26].

Таким образом, после изучения научных трудов об автомобильном рынке Республики Корея можно сделать вывод о том, что ощущается нехватка исследований на тему конкуренции в его рамках. Следовательно, более глубокий анализ позволит определить специфику взаимодействия компаний на рынке, выявить лидеров и устойчивость их по-

⁶ URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20220731000133> (дата обращения: 24.10.2022).

зиций, а также подтвердить предположение об относительной стабильности рынка с преобладанием отечественных производителей в структуре продаж.

ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ МЕТОД

Ключевым методом, используемым для проведения исследования, выступает матрица SV (Strength/Variety), которая представляет собой модернизированный инструмент изучения взаимодействия компаний, стран или других хозяйственных единиц в рамках конкретного рынка [27]. Матрица дает возможность понять, существует ли на анализируемом рынке доминирующая группа, определить ее структуру и специфику внутренних связей.

Важную роль в понимании и интерпретации результатов, полученных с помощью матрицы SV, играет теория экономического доминирования (ТЭД) [28]. Согласно данной теории компании разделяются на три вида: 1) альфа-компании; 2) бета-компании и 3) гамма-компании. Важной отличительной чертой альфа-компаний является возможность пользоваться институциональными преимуществами, которые им доступны за счет близкого сотрудничества с государством. К ним можно отнести: льготное кредитование, финансирование долгов, субсидии на ведение бизнеса и др. На южнокорейском рынке таковыми являются компании-«чеболи», о которых говорилось выше.

Для построения матрицы применяется следующий инструментарий: коэффициент Линда и индекс Херфиндаля-Хиршмана, а также несколько видоизмененные индексы концентрации рынка CR и коэффициента Холла-Тайдмана HT (CRSV и HTSV). Данный подход позволяет структурировать собранные статистические данные по рассматриваемому рынку и определить тип конкуренции в его рамках совместно со спецификой взаимоотношений внутри компаний доминирующей группы [27].

Матрица SV представляет собой график, состоящий из четырех квадрантов — областей, в рамках которых может находиться исследуемый рынок в определенный временной период. Приведем описание каждого из квадрантов и укажем их значение для понимания конкурентной ситуации на рынке:

1. Квадрант G — доминирующая группа, которая занимает более 65% рынка. Тем не менее есть значительные различия между ее участниками, к примеру, в доминирующую группу входят два игрока, однако один из них имеет долю в разы больше и фактически регулирует деятельность рынка.

2. Квадрант В 4 — в рамках которого лидеры также имеют долю более 65% рынка, однако между собой компании обычно довольно схожи по показателям.

3. Квадрант RO (Red Ocean), где доля рынка, которую занимают альфа-компании, менее 65% (обычно от 30 до 65%); тем не менее между собой компании схожи.

4. Квадрант I, где игроки рынка сильно дифференцированы между собой, однако совокупно занимают долю менее 65%. Им присущи черты либо естественной монополии, либо, наоборот, рынка с отсутствием входных барьеров.

Аналогичные приведенному в настоящей статье исследования проводились на базе автомобильных рынков России, Бразилии и ЮАР, где анализировались показатели продаж лидирующих марок [1; с. 29–31]. Авторы изучают структуру внутреннего рынка перечисленных стран, определяют тип конкуренции и доминирующие группы компаний в конкретные периоды времени. Также посредством матрицы SV проводится анализ конкуренции между компаниями в рамках группы и визуализация результатов. Однако матрица SV успешно применяется не только для анализа автомобильных рынков, но и, к примеру, рынка сельскохозяйственных организаций [32], что обуславливает ее универсальность. В силу того, что подобные исследования не проводились для рынка автомобилей Республики Корея, можно констатировать, что данный анализ обладает научной новизной.

ОПИСАНИЕ ДАННЫХ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Авторами были собраны статистические данные по продажам новых автомобилей на территории Южной Кореи. Мерой исчисления служит количество проданных за год автомобилей в штуках, при этом рассматриваемый в работе временной отрезок ограничивается периодом с 2010 по 2021 г., что составляет в общей сложности 12 лет. Базой данных, используемых в исследовании, послужил сервис Auto Vercity, в рамках которого представлена статистика как по месячному, так и по годовому объему продаж новых автомобилей в Республике Корея, в зависимости от конкретной марки автомобиля⁷. Данные, приведенные на сайте, предоставляются Комитетом автопроизводителей Ассоциации европейского бизнеса (АЕБ). Первичные данные собраны в *табл. 1*.

⁷ Общая статистика продаж новых автомобилей в Южной Корее. URL: https://auto.vercity.ru/statistics/sales/asia/2021/south_korea/01-12/ (дата обращения: 26.10.2022).

Таблица 1 / Table 1

Продажи новых автомобилей в Республике Корея в период с 2010 по 2021 г., в штуках /
New cars sales in the Republic of Korea from 2010 to 2021, units

Год, бренд	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Итого	Доля за период, %
Hyundai	659 570	684 157	667 777	638 995	685 191	713 591	610 508	632 323	660 645	685 041	679 471	588 082	7 905 351	38,6
Kia	484 512	493 003	482 060	458 000	465 200	527 500	535 000	521 550	531 700	521 145	552 400	535 018	6 107 088	29,8
Samsung	155 697	109 221	59 926	60 027	80 003	80 017	111 087	99 846	84 954	79 081	90 300	57 480	1 067 639	5,2
Chevrolet		104 216	124 794	118 393	131 723	130 139	154 910	107 246	72 645	56 938	68 621	50 816	1 120 441	5,5
Daewoo	128 094	25 686	10 304	14 386	6 967	9 246	8 785	6 691	5 901	5 349	4 439	1 989	227 837	1,1
SsangYong	32 459	38 651	47 700	63 972	69 036	99 664	103 554	106 677	109 140	107 829	87 889	56 363	922 934	4,5
BMW	16 798	23 293	28 152	33 066	40 174	47 877	48 459	59 624	50 524	44 191	58 393	65 669	516 220	2,5
Mercedes-Benz	16 115	19 534	20 389	24 780	35 213	46 994	56 343	68 861	70 798	78 133	76 879	76 152	590 191	2,9
Volkswagen	10 154	12 436	18 395	25 649	30 719	35 778	13 178		15 390	8 510	17 615	14 364	202 188	1,0
Audi	7 920	10 345	15 126	20 044	27 647	32 538	16 718	962	12 450	11 930	25 513	25 615	206 808	1,0
Toyota	6 629	5 020	10 795	7 438	6 840	7 825	9 265	11 698	16 774	10 611	6 154	6 441	105 490	0,5
Mini	2 220	4 282	5 927	6 301	6 572	7 501	8 632	9 562	9 191	10 222	11 245	11 148	92 803	0,5
Volvo	1 638	1 480	1 768	1 960	2 976	4 238	5 206	6 604	8 524	10 570	12 798	15 053	72 815	0,4
Genesis						530	48 134	56 616	61 345	56 801	108 384	138 756	470 566	2,3
Прочие	34 187	48 350	48 610	64 976	71 991	89 855	95 654	105 030	103 070	94 975	73 663	65 013	895 374	4,4
Общие продажи	1 555 993	1 579 674	1 541 723	1 537 987	1 660 252	1 833 293	1 825 433	1 793 290	1 813 051	1 781 326	1 873 764	1 707 959	20 503 745	

Источник / Source: составлено авторами по URL: https://auto.vercity.ru/statistics/sales/asia/2021/south_korea/01-12/ / compiled by the authors per the URL: https://auto.vercity.ru/statistics/sales/asia/2021/south_korea/01-12/

Из табл. 1 видно, что на протяжении рассматриваемого периода ключевыми игроками рынка были Hyundai и Kia, несмотря на периодические спады. Средняя доля данных компаний за период равна 38,6 и 29,8% соответственно, что суммарно составляет 68,4%, т.е. более половины южнокорейского автомобильного рынка. 1% рынка и больше занимали следующие марки: Chevrolet, Samsung, SsangYong, Mercedes-Benz, BMW, Genesis, Daewoo, Volkswagen и Audi. Суммарно за период это составляло 26% рынка. Следовательно, между остальными мелкими участниками была распределена доля всего рынка, равная 5,6% в рамках рассматриваемого периода. Для большинства из перечисленных выше брендов динамику объема продаж можно считать несколько колеблющейся: с периодами потери доли рынка и ее возвращения. Однако более подробно следует рассмотреть динамику брендов Daewoo и Genesis. Будучи четвертой по объему продаж компанией в 2010 г. с долей рынка в 8,2%, Daewoo начала стремительно и стабильно терять позиции (общий темп отрицательного прироста за период составил 98,4%). Напротив, после начала массового производства автомобилей Genesis в 2015 г. на базе отдельного премиального суббренда Hyundai (до этого в 2008 г. Hyundai выпустила модель GENESIS⁸), продажи данного бренда из года в год начали показывать прирост (общий темп прироста за период составил 188,3%). Таким образом, по состоянию на 2021 г., Genesis имеет долю рынка в 8,1% и находится на третьем месте по объему продаж.

Авторы ранжировали собранные данные по размеру доли рынка компании и отобрали ключевых игроков за каждый год. Доли десяти наиболее крупных брендов отдельно для каждого года и результаты расчета необходимых для построения матрицы индексов представлены в табл. 2.

На основании расчетов, приведенных в данной таблице, выявляются два неоспоримых лидера автомобильного рынка Южной Кореи — Hyundai и Kia, которые фактически и представляют собой доминирующее ядро. Также есть пять брендов, которые стабильно находились в рейтинге по объему продаж: Samsung, Chevrolet, SsangYong, BMW и Mercedes-Benz. При этом доля Genesis растет, начиная с 2015 г., и в 2020 и 2022 гг. марка занимала неоспоримое третье место по объему продаж. Остальные компании в основном не занимают доли более 2% рынка.

⁸ Hyundai Experiences, Vehicle History 2000. URL: <https://www.hyundai.com/worldwide/en/footer/hyundai-experiences/vehicle-history/2000/genesis> (дата обращения: 30.10.2022).

На рис. 3 представлена матрица SV для автомобильного рынка Южной Кореи.

В течение рассматриваемого периода — с 2010 по 2021 г. — автомобильный рынок Южной Кореи передвигался между тремя квадрантами В4 (олигополия), RO (красный океан) и даже G (лидерование одного игрока). Однако 9 лет из 12 рынок находился в области В4 (с 2010 по 2013 г., в 2015 г. и с 2018 по 2021 г.), тогда на нем было два схожих лидера — Hyundai и Kia. Причем именно в 2021 г. упомянутые марки имели наиболее приближенные друг к другу доли рынка — 34,4 и 31,3% соответственно. В 2014 г. рынок перешел в квадрант G, что было обусловлено более весомым отрывом Hyundai (41,3% рынка) от Kia (28,0% рынка), поскольку, по сравнению с 2013 г., доля первой компании сократилась всего на 0,2%, в то время как доля второй уменьшилась на 1,8%. 2015 г. стал переломным, тогда рынок находился в области В4, однако Hyundai начал терять позиции, фактически отдавая свою долю более мелким игрокам. Данная динамика привела к тому, что в 2016 и 2017 гг. рынок находился в квадранте RO, доминирующая группа имела консолидированную долю менее 65% рынка, а такие бренды, как Chevrolet, SsangYong, BMW, Mercedes-Benz и Genesis, «забрали» часть потребителей. Можно сказать, что именно данный период стал началом успешного роста бренда Genesis. В соответствии с этим научный интерес представляет также построение матрицы SV для автомобильного рынка Южной Кореи, но при условии совместного учета доли Hyundai и Genesis, так как оба эти бренда являются частью Hyundai Motor, а дальнейший рост доли Genesis в перспективе может привести к очередному отрыву Hyundai от Kia и переходу в квадрант G. Расчетные данные для второго варианта матрицы SV представлены в табл. 3.

На базе приведенных выше данных составлена матрица (рис. 4).

При анализе второй матрицы SV, где доли Hyundai и Genesis учитываются совокупно, можно заметить, что на протяжении рассматриваемого периода рынок находился преимущественно в квадранте В4. Важно отметить, что в случае суммарного расчета доли Hyundai и Genesis рынок ни в одном году не перемещается в квадрант RO, что фактически говорит о том, что в рамках предыдущего сценария в 2016 и 2017 гг. именно Genesis сыграл ключевую роль в некоторой дифференциации рынка и его смещении в область RO. При рассмотрении второго варианта матрицы SV рынок можно считать еще более устойчивым. В основном он изменяет положение внутри квадранта В4,

Таблица 2 / Table 2

Доли ключевых компаний южнокорейского рынка автомобилей в период с 2010 по 2021 г., %* / Shares of key companies in the South Korean automotive market from 2010 to 2021, %*

Год, бренд	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Hyundai	42,4	43,3	43,3	41,5	41,3	38,9	33,4	35,3	36,4	38,5	36,3	34,4
Kia	31,1	31,2	31,3	29,8	28,0	28,8	29,3	29,1	29,3	29,3	29,5	31,3
Genesis							2,6	3,2	3,4	3,2	5,8	8,1
Mercedes-Benz	1,0	1,2	1,3	1,6	2,1	2,6	3,1	3,8	3,9	4,4	4,1	4,5
BMW	1,1	1,5	1,8	2,1	2,4	2,6	2,7	3,3	2,8	2,5	3,1	3,8
Samsung	10,0	6,9	3,9	3,9	4,8	4,4	6,1	5,6	4,7	4,4	4,8	3,4
SsangYong	2,1	2,4	3,1	4,2	4,2	5,4	5,7	5,9	6,0	6,1	4,7	3,3
Chevrolet		6,6	8,1	7,7	7,9	7,1	8,5	6,0	4,0	3,2	3,7	3,0
Audi	0,5	0,7	1,0	1,3	1,7	1,8	0,9				1,4	1,5
Volvo												0,9
Daewoo	8,2	1,6		0,9								
Volkswagen	0,7	0,8	1,2	1,7	1,9	2,0			0,8		0,9	
Toyota	0,4		0,7						0,9			
Opel					0,6	0,7	0,8	0,9		0,7		
Lexus								0,7		0,7		
Линд=>	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
CRSV	73,5	74,5	74,6	71,3	69,3	67,7	62,8	64,3	65,8	67,7	65,7	65,8
HTSV	0,08	0,09	0,09	0,09	0,11	0,08	0,03	0,05	0,06	0,07	0,05	0,02
Квадрант	B 4	B 4	B 4	B 4	G	B 4	RO	RO	B 4	B 4	B 4	B 4

Источник / Source: составлено и рассчитано авторами по URL: https://auto.vercity.ru/statistics/sales/asia/2021/south_korea/01-12/ / compiled and calculated by the authors зук URL: https://auto.vercity.ru/statistics/sales/asia/2021/south_korea/01-12/

*Примечание: серым цветом отмечены ячейки тех брендов, которые в конкретный год не входили в топ-10 компаний по доле продаж.

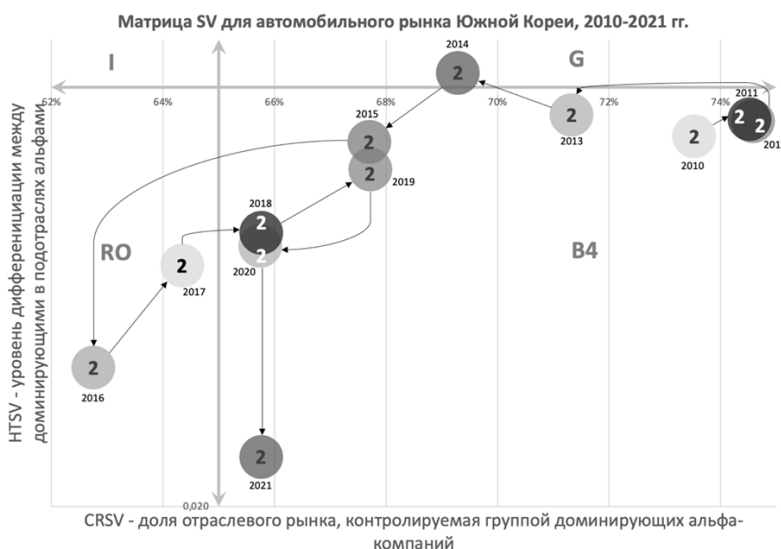

Рис. 3 / Fig 3. Матрица SV оценки уровня доминирования для автомобильного рынка Южной Кореи в период с 2010 по 2021 г. / SV matrix of the dominance level for the South Korean cars market from 2010 to 2021

Источник / Source: составлено и рассчитано авторами по URL: https://auto.vercity.ru/statistics/sales/asia/2021/south_korea/01-12/ / compiled and calculated by the authors per URL: https://auto.vercity.ru/statistics/sales/asia/2021/south_korea/01-12/

Таблица 3 / Table 3

Доли ключевых компаний автомобильного рынка Южной Кореи в период с 2010 по 2021 г. при суммарном учете долей Hyundai и Genesis, %* / Shares of the key companies in the South Korean automotive market from 2010 to 2021, total shares of Hyundai and Genesis are taken into account, %*

Год, бренд	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Hyundai + Genesis	42,4	43,3	43,3	41,5	41,3	39,0	36,1	38,4	39,8	41,6	42,0	42,6
Kia	31,1	31,2	31,3	29,8	28,0	28,8	29,3	29,1	29,3	29,3	29,5	31,3
Mercedes-Benz	1,0	1,2	1,3	1,6	2,1	2,6	3,1	3,8	3,9	4,4	4,1	4,5
BMW	1,1	1,5	1,8	2,1	2,4	2,6	2,7	3,3	2,8	2,5	3,1	3,8
Samsung	10,0	6,9	3,9	3,9	4,8	4,4	6,1	5,6	4,7	4,4	4,8	3,4
SsangYong	2,1	2,4	3,1	4,2	4,2	5,4	5,7	5,9	6,0	6,1	4,7	3,3
Chevrolet		6,6	8,1	7,7	7,9	7,1	8,5	6,0	4,0	3,2	3,7	3,0
Audi	0,5	0,7	1,0	1,3	1,7	1,8	0,9			0,7	1,4	1,5
Volvo											0,7	0,9
Volkswagen	0,7	0,8	1,2	1,7	1,9	2,0	0,7		0,8		0,9	0,8
Daewoo	8,2	1,6		0,9								
Toyota	0,4		0,7					0,7	0,9			
Opel					0,6	0,7	0,8	0,9		0,7		
Lexus								0,7	0,7	0,7		
Линд=>	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
CRSV	73,9	71,5	70,9	69,1	67,5	65,4	67,7	69,3	71,3	74,6	74,5	73,5
HTSV	0,082	0,096	0,096	0,082	0,074	0,055	0,081	0,106	0,090	0,088	0,088	0,083
Квадрант	В 4	В 4	В 4	В 4	В 4	В 4	В 4	Г	В 4	В 4	В 4	В 4

Источник / Source: составлено и рассчитано авторами по URL: https://auto.vercity.ru/statistics/sales/asia/2021/south_korea/01-12/ / compiled and calculated by the authors per URL: https://auto.vercity.ru/statistics/sales/asia/2021/south_korea/01-12/

*Примечание: серым цветом отмечены ячейки тех брендов, которые в конкретный год не входили в топ-10 компаний по доле продаж.

т.е. за счет сокращения или роста совокупной доли компаний доминирующей группы.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

В соответствии с данными, представленными в рамках матрицы SV, можно отметить, что южнокорейский автомобильный рынок отличается устойчивостью доминирующей группы как в отношении ее численности — 2 ключевых игрока с 2010 по 2021 г., так и в отношении брендов, которые входят в нее на протяжении всего рассматриваемого временного промежутка — Hyundai и Kia. Их совокупная доля рынка не опускалась ниже 62% за весь исследуемый период.

Каковы же причины их доминирования? Во-первых, данные компании, наряду с Genesis, являются частью крупнейшего южнокорейского промышленного конгломерата Hyundai Motor Group⁹. HMG имеет

возможность контролировать производственно-сбытовую цепочку за счет владения дочерними компаниями в различных отраслях. К примеру, Hyundai Mobis, Hyundai Transys и т.п. занимаются производством автокомплекующих, Hyundai Glovis — транспортная компания, а Hyundai Steel — одна из крупнейших сталелитейных компаний. Имеются подразделения, которые занимаются финансами (Hyundai Capital, Hyundai Card и т.д.)¹⁰. Во-вторых, бренды HMG — исконно южнокорейские компании, входящие в разряд «чеболей» и пользующиеся преференциями государства. Кроме того, важной характеристикой выступает вариативность модельного ряда, который включает более бюджетные модели (менее 20 тыс. долл.)¹¹, электромобили и тестируемые модели на водороде (Hyundai IONIQ, Nexo, Kia Niro, и т.д.)¹², а также премиальные автомоби-

¹⁰ Там же.

¹¹ Hyundai Models. URL: <https://www.hyundai.com/au/en/cars> (дата обращения: 12.11.2022), Kia Vehicles; URL: <https://www.kia.com/us/en/vehicles> (дата обращения: 12.11.2022).

¹² Там же.

⁹ Hyundai Motor Group Affiliates. URL: <https://www.hyundaimotorgroup.com/main/mainRecommend> (дата обращения: 12.11.2022).

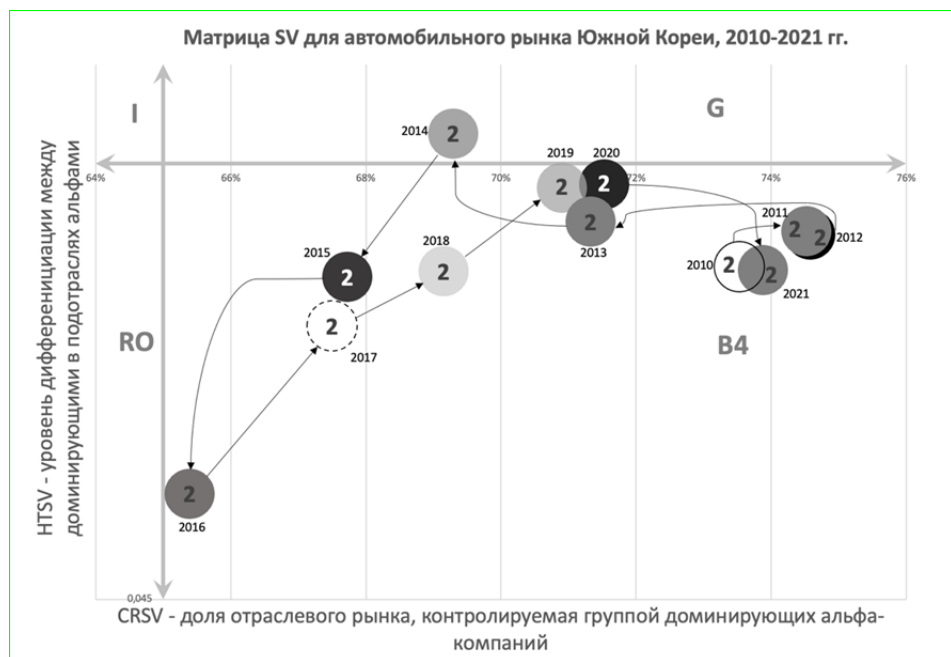

Рис. 4 / Fig. 4. Матрица SV оценки уровня доминирования для автомобильного рынка Южной Кореи в период с 2010 по 2021 г. при суммарном учете долей Hyundai и Genesis / SV matrix for assessing the dominance level for the automotive market of South Korea in the period from 2010 to 2021, total shares of Hyundai and Genesis are taken into account

Источник / Source: составлено и рассчитано авторами по URL: https://auto.vercity.ru/statistics/sales/asia/2021/south_korea/01-12/ / compiled and calculated by the authors per the URL: https://auto.vercity.ru/statistics/sales/asia/2021/south_korea/01-12/

ли под маркой Genesis¹⁵, что позволяет удовлетворить потребности различных целевых аудиторий. В-третьих, южнокорейские потребители являются приверженцами отечественного автопрома. Так, вплоть до начала 2000-х гг. работники автосервисов надменно обращались с водителями иномарок, поскольку считалось, что иностранные бренды скупают активы страны, размывая тем самым структуру собственности и перемещая центр управления¹⁴.

Дальнейшая интерпретация требует рассмотрения ключевых компаний в соответствии с теорией экономического доминирования (ТЭД) [28]. Сравнение долей брендов в 2010 и 2021 гг. в рамках альянсов представлено на рис. 5, где также можно определить принадлежность бренда к тому или иному конгломерату.

Согласно ТЭД конгломерат HMG (Hyundai, Kia, Genesis) можно назвать альфа-компанией. Без учета премиального суббренда Genesis, в 2020 г. совокупная доля Hyundai и Kia составляла 73,5%. Соответ-

ственно, стратегия HMG направлена на удержание доли рынка. Если в 2010 г. это было возможно только за счет двух схожих брендов, то в современных условиях компания делает большую ставку на Genesis, который как самостоятельный бренд в 2021 г. имеет долю в 8,1%.

SsangYong также является национальным автомобильным брендом, однако, в отличие от Hyundai, в 2011 г. он перешел под руководство индийского автопроизводителя Mahindra & Mahindra, который в основном специализировался на производстве сельскохозяйственной техники и нескольких моделей SUV¹⁵. С этого момента показатели доли южнокорейского рынка начали улучшаться и росли до 2019 г., когда начался спад, приведший к объявлению компании банкротом в конце 2020 г.¹⁶ Причинами не особо удачного сотрудничества SsangYong и Mahindra & Mahindra стали малая узнаваемость бренда по

¹⁵ Genesis Models. URL: <https://www.genesis.com/worldwide/en/main.html> (дата обращения: 12.11.2022).

¹⁴ In Daewoo, GM finds gold in overall gloom. URL: <https://www.nytimes.com/2006/05/23/business/worldbusiness/23iht-daewoo.html> (дата обращения: 13.11.2022).

¹⁵ SsangYong: The history of a brand with an uncertain future. URL: <https://www.carexpert.com.au/car-news/ssangyong-the-history-of-a-brand-with-an-uncertain-future> (дата обращения: 13.11.2022).

¹⁶ Суд разрешил KG Group купить автопроизводителя SsangYong Motor. URL: <https://www.interfax.ru/business/849290> (дата обращения: 13.11.2022).

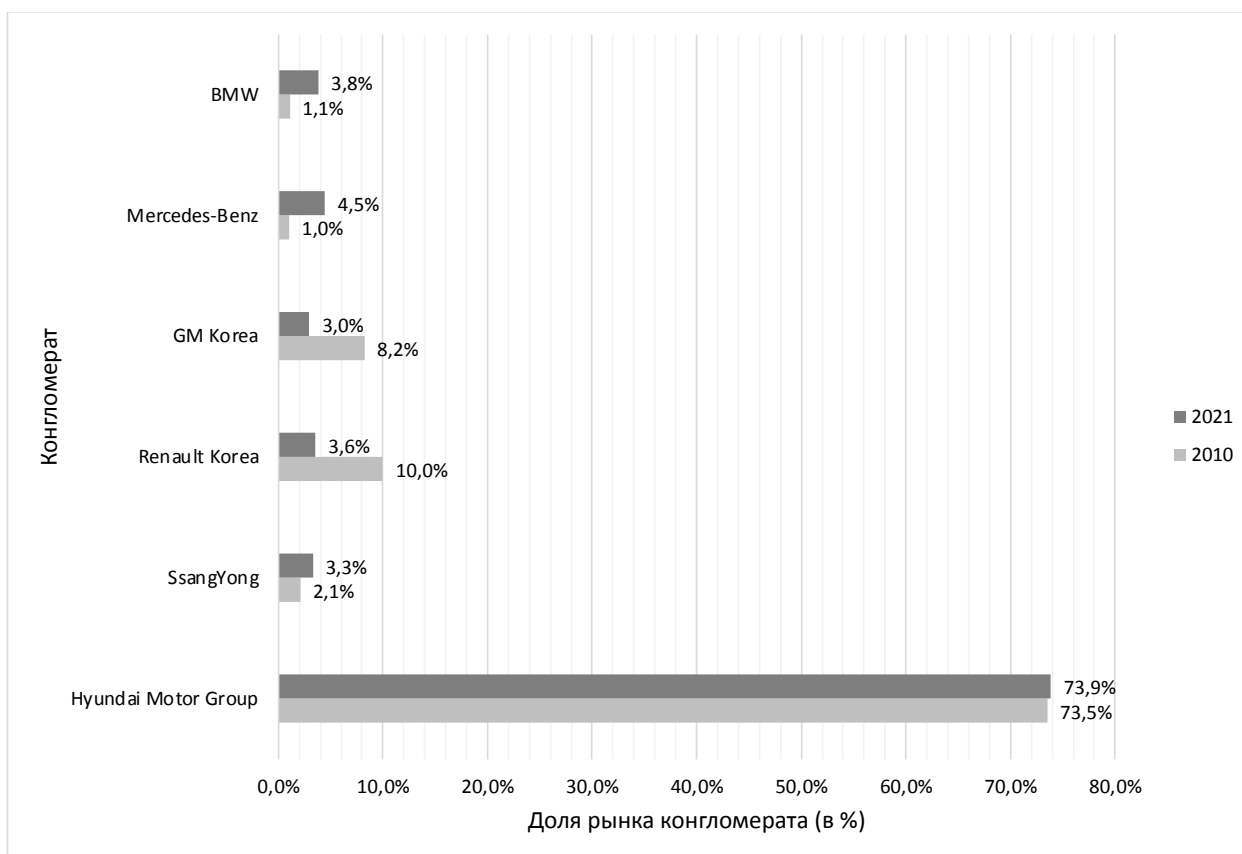

Рис. 5 / Fig 5. Распределение долей брендов в рамках альянсов в 2010 и 2021 гг., % /
Distribution of brand shares within alliances in 2010 and 2021, %

Источник / Source: составлено и рассчитано авторами по URL: https://auto.vercity.ru/statistics/sales/asia/2021/south_korea/01-12/ /
compiled and calculated by the authors per the URL: https://auto.vercity.ru/statistics/sales/asia/2021/south_korea/01-12/

сравнению с Hyundai, а также продвижение и продажа моделей в качестве прямого суббренда Mahindra, а не в рамках премиальной стратегии и иных каналов сбыта¹⁷. По состоянию на лето 2022 г., крупнейший национальный химический и сталелитейный конгломерат KG Group был уполномочен выкупить активы SsangYong, что вновь ориентирует компанию на внутренний рынок¹⁸. В рамках ТЭД SsangYong можно назвать гамма-компанией.

Конгломераты Renault Korea и GM Korea имеют сходную динамику изменения доли рынка с 2010 по 2021 г. (падение с 10 до 3,6% и с 8,2 до 3% соответственно). История становления GM Korea началась в 2002 г., когда General Motors в условиях сокращения доли рынка в США решила реализовать свои планы по распространению на международный рынок мо-

дели Chevrolet¹⁹. Однако после того, как бывший генеральный директор Daewoo в 2006 г. был приговорен к 10 годам тюремного заключения по делу о растратах и мошенничестве, Daewoo утратила свою популярность среди потребителей²⁰. Фактически в рамках рассматриваемого периода южнокорейское представительство GM Korea стало местом проведения R&D и производства малогабаритных автомобилей Chevrolet на экспорт в Китай, США и Индию²¹. В 2022 г. было объявлено об открытии дополнительного завода по производству Chevrolet в Корее, что увеличит объемы производства на примерно 500 тыс. единиц

¹⁹ In Daewoo, GM finds gold in overall gloom. URL: <https://www.nytimes.com/2006/05/23/business/worldbusiness/23iht-daewoo.html> (дата обращения: 13.11.2022).

²⁰ Daewoo founder sentenced to 10 years in prison. URL: <https://www.nbcnews.com/id/wbna13043919> (дата обращения: 13.11.2022).

²¹ Daewoo's Epic Flop Wasn't the End for Its Cars. URL: <https://www.motortrend.com/features/daewoo-cars-history-chevrolet-gm-korea/> (дата обращения: 13.11.2022).

¹⁷ Суд разрешил KG Group купить автопроизводителя SsangYong Motor. URL: <https://www.interfax.ru/business/849290> (дата обращения: 13.11.2022).

¹⁸ Там же.

в год²². Небольшое количество автомобилей марки Daewoo все еще востребованы в Корее, однако это не сильно влияет на рынок.

В отличие от GM Korea, при слиянии Samsung с Renault для внутреннего рынка был сделан акцент на производстве автомобилей под брендом Samsung²³. Данный тренд отражается в низкой доле бренда Renault, однако стабильном присутствии Samsung в структуре топ-10 компаний за рассматриваемый период. В марте 2022 г. конгломерат сменил название с Renault Samsung Motors на Renault Korea, что было связано с истечением контракта Samsung²⁴ и продажей Renault оставшихся 19,9% акций Renault Samsung Motors²⁵. Окончательное решение о выходе из сделки было принято после эпидемиологически сложного 2020 г., когда продажи на внутреннем рынке упали до уровня 2004 г., а экспорт сократился на 78%²⁶. Начиная с 2022 г. автомобили, выпускаемые Renault в Корее, будут продаваться под французской маркой, что приведет к исчезновению марки Samsung в том виде, в котором она существовала ранее²⁷. Следовательно, после более точечного анализа GM Korea и Renault Korea можно сделать вывод о том, что они также являются гамма-компаниями на южнокорейском рынке легковых автомобилей.

В рамках отдельной группы следует рассматривать также бренды Mercedes-Benz и BMW, которые, помимо немецкого происхождения, имеют похожий сценарий развития с 2010 по 2021 г. В 2010 г. компании имели доли рынка в размере 1 и 1,1% соответственно. В 2021 г. рост доли Mercedes-Benz стал более значительным и достиг показателя в 4,5% рынка. BMW смогла увеличить долю до 3,8% рынка. Важным фактором при интерпретации в контексте ТЭД является то, что обе компании — иностранные и производят легковые автомобили премиального класса. Поэтому можно

сказать, что Mercedes-Benz и BMW — гамма-компания на южнокорейском рынке легковых автомобилей, который отличается высоким уровнем ориентированности на национальные предприятия.

Для проведения более глубокого анализа было решено разделить исследуемый период на три отрезка в соответствии с изменениями объема рынка в абсолютном выражении, а также распределением долей рынка между отечественными и иностранными компаниями (рис. 6).

Первый период — с 2010 по 2012 г. включительно — можно охарактеризовать как время продолжающегося лидирования отечественных производителей. Во втором периоде — с 2013 по 2015 г. — прирост рынка составил 19,2%, а доли иностранных брендов стали весомо расти, превышая по темпам показатели лидеров (Hyundai и Kia), что показано на рис. 7. В третьем и наиболее продолжительном периоде — с 2016 по 2021 г. — вышел в массовое производство и продажу отечественный премиальный бренд Genesis, а HMG возвратили себе заветные (с 2019 г.) 70% рынка.

С 2010 по 2012 г. южнокорейский рынок легковых автомобилей показывал довольно стабильную динамику по объему продаж — примерно на уровне 1,56 млн единиц в год. Однако структура брендов начала все сильнее диверсифицироваться, что подтверждается увеличением совокупной доли иностранных брендов на рынке с 6,1% в 2010 г. до 17,3% в 2012 г. (рис. 6). Зачастую увеличение потребления импортных автомобилей указывает на рост благосостояния населения, которое готово платить за иностранное качество и покрывать дополнительные издержки в виде затрат на логистику. На рис. 7 представлены статистические данные по ВВП на душу населения и общим расходам на конечное потребление с 2010 по 2021 г.²⁸ На рис. 7 видно, что 2011 и 2012 гг. были ознаменованы ростом ВВП на душу населения (+10,3%), а также зеркальным трендом роста расходов на конечное потребление. Именно с этого времени началось постепенное увеличение доли иностранных брендов, что подтверждает сделанное предположение.

В качестве второй причины роста доли иностранных брендов следует выделить внешнеторговую политику, избранную южнокорейским государством с начала 2011 г. Тогда торговое соглашение между Южной Кореей и ЕС стало причиной упразднения

²² GM's New Korea Plant to Boost Capacity to 500,000 Cars in Nation. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-10-19/gm-s-new-korea-plant-to-boost-capacity-to-500-000-cars-in-nation?leadSource=verify%20wall> (дата обращения: 13.11.2022).

²³ South Korea: Renault Samsung Motors. URL: <https://www.renaultgroup.com/en/news-on-air/news/south-korea-renault-samsung-motors/> (дата обращения: 13.11.2022).

²⁴ Корейская Renault Samsung сменила название: теперь это просто Renault Korea. URL: <https://motor.ru/news/renault-samsung-18-03-2022.htm> (дата обращения: 13.11.2022).

²⁵ How will exit from auto manufacturing help Samsung? URL: <https://www.just-auto.com/analysis/how-will-exit-from-auto-manufacturing-help-samsung/> (дата обращения: 13.11.2022).

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Final consumption expenditure — Korea, Rep. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.TOTL.CD?locations=KR>; GDP per capita — Korea, Rep. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=KR> (дата обращения: 13.11.2022).

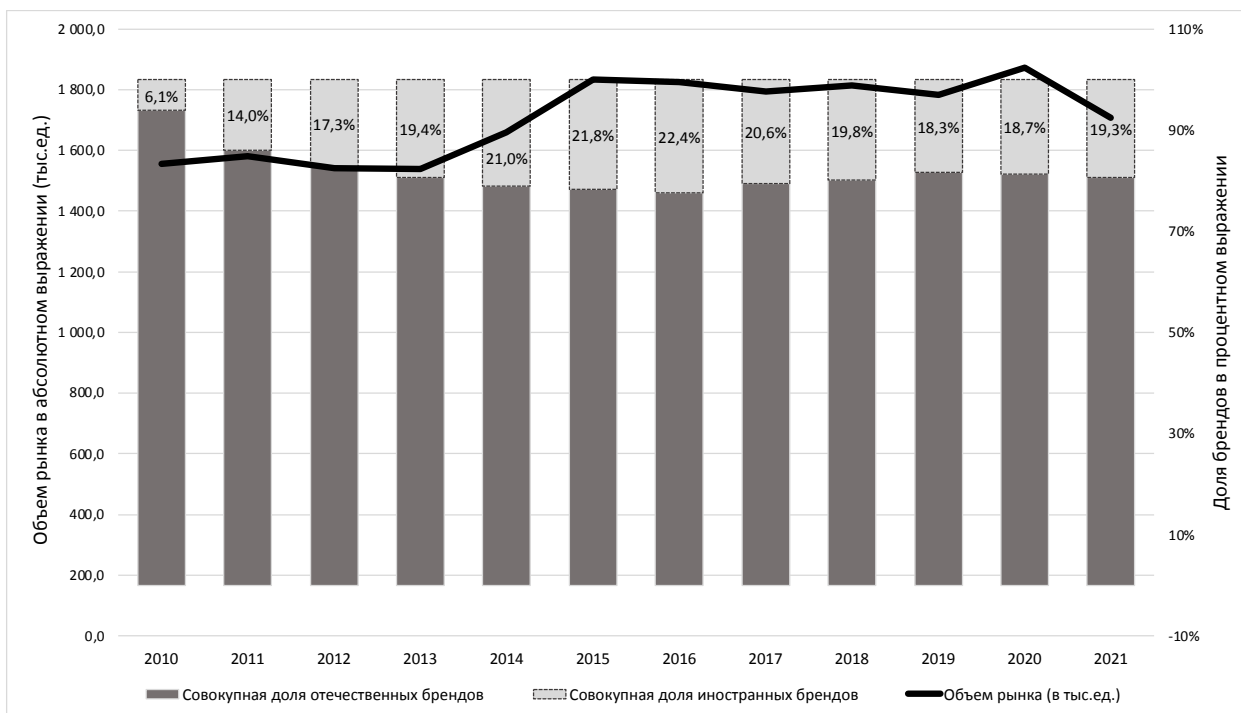

Рис. 6 / Fig 6. Динамика совокупных долей отечественных и иностранных компаний на автомобильном рынке Южной Кореи в период с 2010 по 2021 г. (в %) в сравнении с изменением объема рынка (в тыс. ед.). / Dynamics of the combined shares of domestic and foreign companies in the cars market of South Korea in the period from 2010 to 2021 (in %) in comparison with the change in the market volume (in thousand units)

Источник / Source: составлено и рассчитано авторами по URL: https://auto.vercity.ru/statistics/sales/asia/2021/south_korea/01-12/ / compiled and calculated by the authors per the URL: https://auto.vercity.ru/statistics/sales/asia/2021/south_korea/01-12/

таможенных пошлин на 98,7% товаров. Оно также устранило нетарифные барьеры для импорта ключевых товаров ЕС на территорию страны: продуктов автомобильной, химической промышленности, фармацевтических средств и электроники. В первые 5 лет действия соглашения, т.е. вплоть до 2016 г., экспорт со стороны ЕС в Корею увеличился на 55% — до рекордных 90 млрд долл.²⁹

Следующий выделенный период является логическим продолжением избранной внешнеторговой политики. В этот промежуток времени именно немецкие бренды стали завоевывать позиции на рынке (рис. 8) и составляли примерно 71% всех импортных автомобилей³⁰. Данный период также ознаменован резким ростом объемов продаж в абсолютном выражении, что говорит об увеличении потребления продукции автопрома в целом. Данный тренд также

²⁹ EU-South Korea Free Trade Agreement. URL: <https://trade.ec.europa.eu/access-to-markets/en/content/eu-south-korea-free-trade-agreement> (дата обращения: 13.11.2022).

³⁰ Fortress Korea car market cracks under German luxury barrage. URL: <https://www.reuters.com/article/autos-southkorea-idCNL3N 0T013920141116> (дата обращения: 13.11.2022).

относится к росту благосостояния населения (рис. 7). В 2014 г. показатель ВВП на душу населения достиг 29249,6 долл. и, несмотря на некоторое снижение в 2015 г. и стабилизацию в 2016 г., был рекордным. Сравнение абсолютного и относительного прироста компаний, лидирующих на рынке с 2013 по 2015 г., представлено на рис. 8.

На графике по горизонтальной оси расположены названия компаний-лидеров, а по вертикальной — процентная шкала изменения уровня прироста. Видно, что в процентном выражении прирост продаж у компаний в доминирующей группе, а также у корейской марки Samsung был ниже, чем у более мелких игроков на рынке, которые реализуют импортные автомобили (Mercedes-Benz, Audi и др.), а также южнокорейского автопроизводителя SsangYong. Так, прирост продаж у Hyundai и Kia был на уровне 12 и 15% соответственно, в то время как у Mercedes-Benz и Audi — 90 и 62%. Средний прирост доли рынка у компаний доминирующей группы демонстрировал отрицательные значения: -6,3% у Hyundai и -3,4% у Kia. Напротив, положительная динамика наблюдалась у иностранных компаний. Наиболее заметно

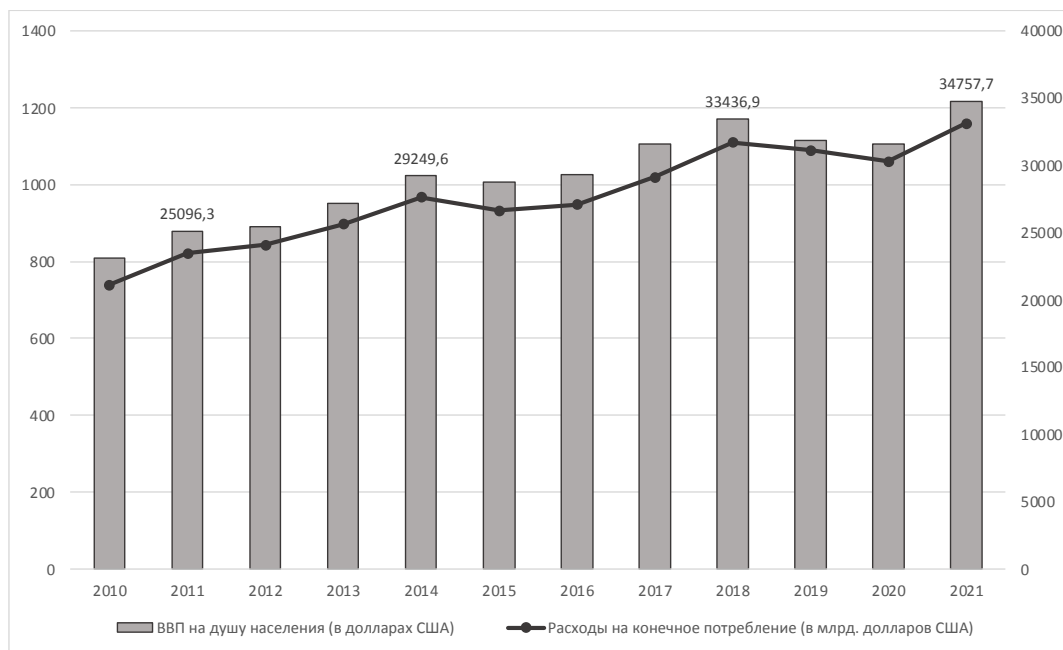

Рис. 7 / Fig 7. Динамика благосостояния населения Южной Кореи в период с 2010 по 2021 г., выраженная в ВВП на душу населения (в долл. США) и расходах на конечное потребление (в млрд долл. США) / Progress in the well-being of the population of South Korea between 2010 and 2021, expressed in terms of GDP per capita (in USD) and final consumption expenditure (in billion USD)

Источник / Source: составлено авторами по URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.TOTL.CD?locations=KR>, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=KR> / compiled by the authors per the URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.TOTL.CD?locations=KR>, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=KR>

улучшилась позиция у немецкого автопроизводителя Mercedes-Benz: +59,1%. Сходные показатели прироста (не менее 30%) были также у Audi, Opel и SsangYong, в то время как у BMW и Volkswagen — 21,5 и 17% соответственно, что заметно лучше, чем у компаний доминирующей группы. Отрицательная динамика отмечалась у брендов Daewoo и Chevrolet, которые входят в один конгломерат — GM Daewoo.

Таким образом, период 2013–2015 гг. был ознаменован ростом доли и объема продаж импортных автомобилей. Фактически Hyundai и Kia отдали часть занимаемого сектора более мелким иностранным игрокам. На тот момент у HMG еще не было полноценного премиального бренда³¹, что для более обеспеченного сегмента потребителей стало причиной выбора таких марок, как Mercedes-Benz и BMW. Важно упомянуть тот факт, что данный период стал началом процесса пересмотра стратегии развития HMG. В это время компания предпринимала шаги для запуска собственного премиального бренда, что определило

необходимость привлечения иностранных экспертов к процессу разработки стратегии и продвижения³². Именно с этого момента начинается третий выделенный период — с 2016 по 2021 г., когда компания Hyundai за счет диверсификации модельной линейки и выхода на новый сегмент вновь смогла стабилизировать свои позиции и начать конкурировать с иностранными брендами уже на премиальном рынке автомобилей.

Данный период характеризуется ростом благосостояния населения и достижением наивысшего показателя ВВП на душу населения, а также наивысшей доли расходов на конечное потребление (в 2021 г.). Также вновь начала расти доля брендов HMG (в первую очередь, за счет Genesis), однако совокупная доля иностранных брендов также стабилизировалась и составляла в среднем 19,9% рынка. Этот временной отрезок нельзя назвать особо турбулентным, не считая роста объема продаж в 2020 г. в связи с принимаемыми мерами поддержки отрасли из-за COVID-19 и по-

³¹ Hyundai Motor launches new global luxury brand, “Genesis”. URL: <https://www.hyundai.news/eu/articles/press-releases/hyundai-motor-launches-new-global-luxury-brand-genesis.html> (дата обращения: 13.11.2022).

³² Hyundai Announces Manfred Fitzgerald to lead Genesis Brand Strategy. URL: <https://www.hyundai.news/eu/articles/press-releases/hyundai-motor-announces-manfred-fitzgerald-to-lead-genesis-brand-strategy.html> (дата обращения: 13.11.2022).

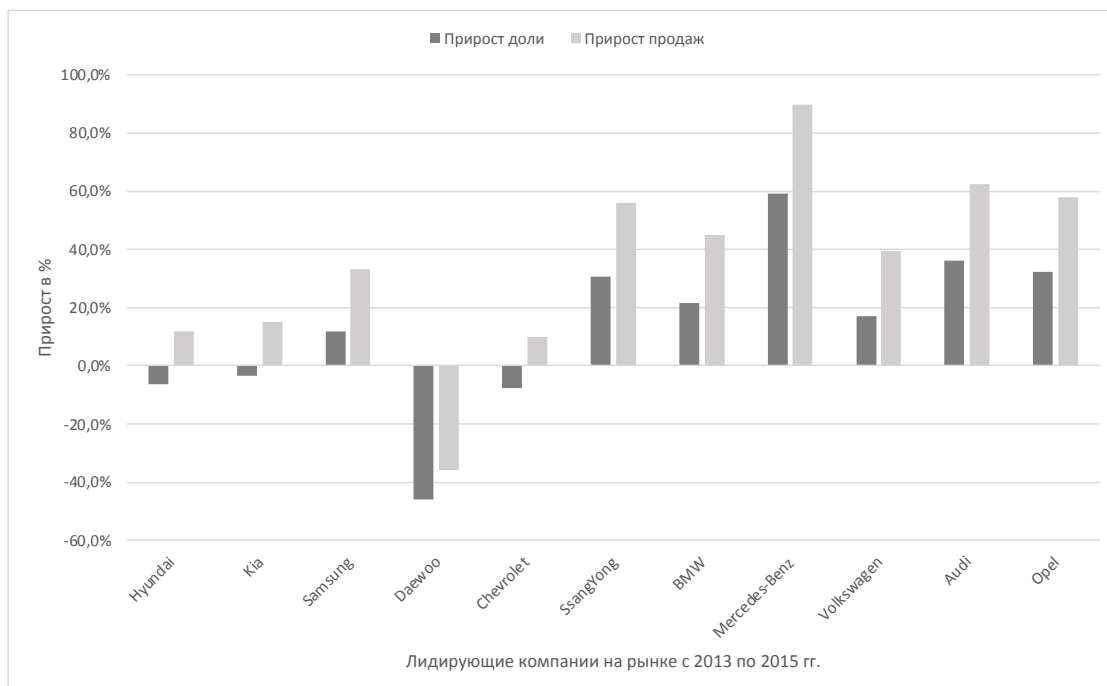

Рис. 8 / Fig 8. Сравнение абсолютного (объем продаж) и относительного (доля рынка по объему продаж) прироста лидирующих компаний в период с 2013 по 2015 г. / Comparison of absolute (sales volume) and relative (market share by sales volume) growth of leading companies in the period from 2013 to 2015

Источник / Source: составлено и рассчитано авторами по URL: https://auto.vercity.ru/statistics/sales/asia/2021/south_korea/01-12/ / compiled and calculated by the authors per the URL: https://auto.vercity.ru/statistics/sales/asia/2021/south_korea/01-12/

следующего снижения объема рынка в абсолютном выражении в 2021 г., что обусловлено частыми сбоями цепочек поставок из-за вторых волн пандемии во многих странах³³. Тем не менее спад наблюдался исключительно в области продаж автомобилей, в то время как их суммарная стоимость стала рекордной — 62,9 млрд долл. (прирост составил 1,8% по сравнению с 2020 г.).

ВЫВОДЫ

Южная Корея — одно из немногих государств, которые имеют стабильный автомобильный рынок, основанный на доминировании отечественного производителя. Если в 1960-х гг. Hyundai была призвана стать одним из первых национальных автопроизводителей, которые должны собирать хоть и не лучшие по функционалу, но отечественные машины, то сейчас HMG — высокотехнологичная компания, которая представлена на всех сегментах автомобильного рынка. Даже в условиях преферен-

циальной внешней торговли с ЕС альфа-компания HMG с брендами Hyundai, Kia и Genesis занимает соответственно 3 лидирующих места по долям рынка. Однако южнокорейский рынок легковых автомобилей не является закрытым, и в границах периода был отмечен рост совокупной доли иностранных компаний. Из матрицы SV также видно, что рассматриваемый рынок в 2021 г. фактически вернулся к тому состоянию, в котором он находился в 2010 г. (квадрант В4 с высокой долей рынка у двух ключевых брендов), т.е. Hyundai за счет своих стратегических действий смогла удержать лидирующие позиции.

Однако южнокорейский рынок интересен не только сам по себе, но и как релевантный кейс развития для автомобильного рынка РФ. Поскольку на современном этапе Россия становится страной, более ориентированной на отечественного производителя и стратегию импортозамещения, история Hyundai может послужить примером для крупной отечественной компании АО «АвтоВАЗ». При условии предоставления на первых этапах государственной помощи, у данной компании есть предпосылки для разработки на базе отработанных технологий качественной продукции и ее продажи по обоснованным ценам, что поможет

³³ Auto sales by value hit record in 2021, while unit sales fall. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2022/04/06/business/industry/korea-korean-auto-market-car-market/20220406171522791.html> (дата обращения: 13.11.2022).

ей занять весомую долю рынка. Поэтому изучение специфики развития южнокорейского рынка в целом и компании Hyundai в частности является актуальным и обоснованным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вертоградов В.А., Щелокова С.В., Иванчина А.А. Автомобильный рынок РФ: стратегии компаний и действия регуляторов (2009–2021). *Стратегии бизнеса*. 2022;10(2):33–41. DOI: 10.17747/2311–7184–2022–2–33–41
2. Lautier M. The international development of the Korean automobile industry. In: Sachwald F., ed. *Going multinational: The Korean experience of direct investment*. London, New York, NY: Routledge; 2001:207–274. (Routledge Studies in Global Competition. Vol. 9).
3. Ebert R. R., Montoney M. Performance of the South Korean automobile industry in the domestic and United States markets. *The Baldwin-Wallace College Journal of Research and Creative Studies*. 2007;1(1):12–24. URL: https://www.researchgate.net/profile/Robert-Ebert-2/publication/267307124_Performance_of_the_South_Korean_Automobile_Industry_in_the_Domestic_and_United_States_Markets/links/544e4c360cf26dda088fbd65/Performance-of-the-South-Korean-Automobile-Industry-in-the-Domestic-and-United-States-Markets.pdf
4. Truett L.J., Truett D.B. The South Korean auto industry's path to maturity. *International Review of Economics and Finance*. 2014;(31):86–94. DOI: 10.1016/j.iref.2014.01.002
5. Lee J.-S. Competition analysis of automobile industry between Korea and France. *International Journal of Economics, Commerce and Management*. 2017;5(8):124–140. URL: <https://ijecm.co.uk/wp-content/uploads/2017/08/587.pdf>
6. Lee J.I., Mah J.S. The role of the government in the development of the automobile industry in Korea. *Progress in Development Studies*. 2017;17(3):229–244. DOI: 10.1177/1464993417713269
7. Ku S. The rise of South Korean (or Korean) automobile industry. In: Nieuwenhuis P., Wells P., eds. *The global automotive industry*. Chichester: John Wiley & Sons, Ltd.; 2015:95–108. DOI: 10.1002/9781118802366.ch9
8. Yang J.-J. *The political economy of the small welfare state in South Korea*. Cambridge: Cambridge University Press; 2017. 267 p. DOI: 10.1017/9781108235419
9. Aghion P., Guriev S., Jo K. Chaebols and firm dynamics in Korea. *Economic Policy*. 2021;36(108):593626. DOI: 10.1093/epolic/eiab016
10. Yeung H. W.-C. *Strategic coupling: East Asian industrial transformation in the new global economy*. Ithaca, NY: Cornell University Press; 2016. 312 p. DOI: 10.7591/9781501704277
11. Klingler-Vidra R., Pacheco Pardo R. Beyond the Chaebol? The social purpose of entrepreneurship promotion in South Korea. *Asian Studies Review*. 2019;43(4):637–656. DOI: 10.1080/10357823.2019.1663576
12. Lee J.-H., Gaur A. S. Managing multi-business firms: A comparison between Korean chaebols and diversified U.S. firms. *Journal of World Business*. 2013;48(4):443–454. DOI: 10.1016/j.jwb.2012.09.001
13. Lansbury R.D., Suh C.-S., Kwon S.-H. *The global Korean motor industry: The Hyundai Motor Company's global strategy*. Abingdon, New York, NY: Routledge; 2007. 144 p.
14. Korea Finance Consortium (KFC). *Machinery industries: Growth and financial support*. 1971.
15. Yülek M.A. et al. State capacity and the role of industrial policy in automobile industry: A comparative analysis of Turkey and South Korea. *Journal of Industry, Competition and Trade*. 2020;20(2):307–331. DOI: 10.1007/s10842–019–00327-y
16. Lee S.M. The social construction of a market: Institutional transformation of the imported automobile market in Korea (1987–2018). *Journal of Asian Sociology*. 2019;48(2):263–286. DOI: 10.2307/26727051
17. Lee S.M. A comparative study of the automobile industry in Japan and Korea. *Asian Survey*. 2011;51(5):876–898. DOI: 10.1525/as.2011.51.5.876
18. Mahajan S., Debuka I. Business opportunities in South Korea. *International Journal of Advance Research and Development*. 2018;3(1):182–186. URL: <https://www.ijarnd.com/manuscripts/v3i1/V3I1–1195.pdf>
19. Lee E., Mah J.S. Industrial policy and the development of the electric vehicles industry: The case of Korea. *Journal of Technology Management & Innovation*. 2020;15(4). DOI: 10.4067/S 0718–27242020000400071
20. Ju N., Lee K.H., Kim S.H. Factors affecting consumer awareness and the purchase of eco-friendly vehicles: Textual analysis of Korean market. *Sustainability*. 2021;13(10):5566. DOI: 10.3390/su13105566
21. Tenggara A.P. et al. Study on electrical vehicle policy in South Korea as a lesson learning for Indonesia. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2021;927:012003. DOI: 10.1088/1755–1315/927/1/012003

22. Beak Y. et al. Is the environment-friendly factor attractive to customers when purchasing electric vehicles? Evidence from South Korea. *Business Strategy and the Environment*. 2020;29(3):996–1006. DOI: 10.1002/bse.2412
23. Won A. J. et al. The South Korean auto industry in transition: A Trade Union perspective. Issue Paper Series: Labour and Society. 2021;(2). URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/seoul/18584.pdf>
24. Lee C. Y. The rise of Korean automobile industry: Analysis and suggestions. *International Journal of Multidisciplinary Research*. 2011;1(6):428–439. URL: http://www.zenithresearch.org.in/images/stories/pdf/2011/Oct/ZIJMR/30_vol-1_issue-6_%20Choong%20Y.%20Lee.pdf
25. Kim C., Jeong J. H., Jo H. J. Detecting dynamic changes in Hyundai Motor's parts supply system as an industry latecomer. *Journal of Asian Sociology*. 2021;50(1):55–90. DOI: 10.2307/27011181
26. Parc J., Jung J. S. The effects of conventional and unconventional FDI on the host country: A case study of the Korean automobile industry. *Journal of Korea Trade*. 2018;22(2):105–120. DOI: 10.1108/JKT-09-2017-0087
27. Щелокова С. В., Вертоградов В. А. Матрица SV: Инструмент стратегического конкурентного анализа с учетом уровня доминирования. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2021;(6):137–162. DOI: 10.38050/0130010520216.7
28. Блохин А. А., Ломакин-Румянцев И. В., Наумов С. А. Альфа-бизнес на российском продовольственном рынке. *Экономические стратегии*. 2019;21(6):68–77. DOI: 10.33917/es-6.164.2019.68–77
29. Спектор С. Конкуренция на автомобильном рынке Бразилии в 2011–2021 гг. *Латинская Америка*. 2022;(7):21–34. DOI: 10.31857/s0044748x0019795–3
30. Бартош В. А., Лисецкая И. П. Выявление и анализ доминирующих групп на автомобильном рынке ЮАР (2010–2021). *Стратегии бизнеса*. 2022;10(5):117–123. DOI: 10.17747/2311–7184–2022–5–117–123
31. Вертоградов В. А., Щелокова С. В. Стратегии премиальных автомобильных брендов в России и действия регулятора (2009–2021 гг.). *Мир новой экономики*. 2022;16(2):64–75. DOI: 10.26794/2220–6469–2022–16–2–64–75
32. Вертоградов В. А., Щелокова С. В. Анализ наличия и структуры доминирующих групп на рынке сельскохозяйственных организаций России по итогам 2020 года. *АПК: экономика, управление*. 2022;(1):41–52. DOI: 10.33305/221–41

REFERENCES

1. Vertogradov V. A., Shchelokova S. V., Ivanchina A. A. Russian automotive market: Business strategies and regulators' actions (2009–2021). *Strategii biznesa = Business Strategies*. 2022;10(2):33–41. (In Russ.). DOI: 10.17747/2311–7184–2022–2–33–41
2. Lautier M. The international development of the Korean automobile industry. In: Sachwald F., ed. *Going multinational: The Korean experience of direct investment*. London, New York: Routledge; 2001:207–274. (Routledge Studies in Global Competition. Vol. 9).
3. Ebert R. R., Montoney M. Performance of the South Korean automobile industry in the domestic and United States markets. *The Baldwin-Wallace College Journal of Research and Creative Studies*. 2007;1(1):12–24. URL: https://www.researchgate.net/profile/Robert-Ebert-2/publication/267307124_Performance_of_the_South_Korean_Automobile_Industry_in_the_Domestic_and_United_States_Markets/links/544e4c360cf26dda088fbd65/Performance-of-the-South-Korean-Automobile-Industry-in-the-Domestic-and-United-States-Markets.pdf
4. Truett L. J., Truett D. B. The South Korean auto industry's path to maturity. *International Review of Economics and Finance*. 2014;(31):86–94. DOI: 10.1016/j.iref.2014.01.002
5. Lee J.-S. Competition analysis of automobile industry between Korea and France. *International Journal of Economics, Commerce and Management*. 2017;5(8):124–140. URL: <https://ijecm.co.uk/wp-content/uploads/2017/08/587.pdf>
6. Lee J. I., Mah J. S. The role of the government in the development of the automobile industry in Korea. *Progress in Development Studies*. 2017;17(3):229–244. DOI: 10.1177/1464993417713269
7. Ku S. The rise of South Korean (or Korean) automobile industry. In: Nieuwenhuis P., Wells P., eds. *The global automotive industry*. Chichester: John Wiley & Sons, Ltd.; 2015:95–108. DOI: 10.1002/9781118802366.ch9
8. Yang J.-J. The political economy of the small welfare state in South Korea. Cambridge: Cambridge University Press; 2017. 267 p. DOI: 10.1017/9781108235419
9. Aghion P., Guriev S., Jo K. Chaebols and firm dynamics in Korea. *Economic Policy*. 2021;36(108):593626. DOI: 10.1093/epolic/eiab016

10. Yeung H. W.-C. Strategic coupling: East Asian industrial transformation in the new global economy. Ithaca, NY: Cornell University Press; 2016. 312 p. DOI: 10.7591/9781501704277
11. Klingler-Vidra R., Pacheco Pardo R. Beyond the Chaebol? The social purpose of entrepreneurship promotion in South Korea. *Asian Studies Review*. 2019;43(4):637–656. DOI: 10.1080/10357823.2019.1663576
12. Lee J.-H., Gaur A. S. Managing multi-business firms: A comparison between Korean chaebols and diversified U.S. firms. *Journal of World Business*. 2013;48(4):443–454. DOI: 10.1016/j.jwb.2012.09.001
13. Lansbury R. D., Suh C.-S., Kwon S.-H. The global Korean motor industry: The Hyundai Motor Company's global strategy. Abingdon, New York, NY: Routledge; 2007. 144 p.
14. Korea Finance Consortium (KFC). Machinery industries: Growth and financial support. 1971.
15. Yülek M. A. et al. State capacity and the role of industrial policy in automobile industry: A comparative analysis of Turkey and South Korea. *Journal of Industry, Competition and Trade*. 2020;20(2):307–331. DOI: 10.1007/s10842-019-00327-y
16. Lee S. M. The social construction of a market: Institutional transformation of the imported automobile market in Korea (1987–2018). *Journal of Asian Sociology*. 2019;48(2):263–286. DOI: 10.2307/26727051
17. Lee S. M. A comparative study of the automobile industry in Japan and Korea. *Asian Survey*. 2011;51(5):876–898. DOI: 10.1525/as.2011.51.5.876
18. Mahajan S., Debuka I. Business opportunities in South Korea. *International Journal of Advance Research and Development*. 2018;3(1):182–186. URL: <https://www.ijarnd.com/manuscripts/v3i1/V3I1-1195.pdf>
19. Lee E., Mah J. S. Industrial policy and the development of the electric vehicles industry: The case of Korea. *Journal of Technology Management & Innovation*. 2020;15(4). DOI: 10.4067/S 0718-27242020000400071
20. Ju N., Lee K. H., Kim S. H. Factors affecting consumer awareness and the purchase of eco-friendly vehicles: Textual analysis of Korean market. *Sustainability*. 2021;13(10):5566. DOI: 10.3390/su13105566
21. Tenggara A. P. et al. Study on electrical vehicle policy in South Korea as a lesson learning for Indonesia. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2021;927:012003. DOI: 10.1088/1755-1315/927/1/012003
22. Beak Y. et al. Is the environment-friendly factor attractive to customers when purchasing electric vehicles? Evidence from South Korea. *Business Strategy and the Environment*. 2020;29(3):996–1006. DOI: 10.1002/bse.2412
23. Won A. J. et al. The South Korean auto industry in transition: A Trade Union perspective. Issue Paper Series: Labour and Society. 2021;(2). URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/seoul/18584.pdf>
24. Lee C. Y. The rise of Korean automobile industry: Analysis and suggestions. *International Journal of Multidisciplinary Research*. 2011;1(6):428–439. URL: http://www.zenithresearch.org.in/images/stories/pdf/2011/Oct/ZIJMR/30_vol-1_issue-6_%20Choong%20Y.%20Lee.pdf
25. Kim C., Jeong J. H., Jo H. J. Detecting dynamic changes in Hyundai Motor's parts supply system as an industry latecomer. *Journal of Asian Sociology*. 2021;50(1):55–90. DOI: 10.2307/27011181
26. Parc J., Jung J. S. The effects of conventional and unconventional FDI on the host country: A case study of the Korean automobile industry. *Journal of Korea Trade*. 2018;22(2):105–120. DOI: 10.1108/JKT-09-2017-0087
27. Shchelokova S. V., Vertogradov V. A. SV matrix: Strategic competitive analysis tool based on dominance level. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika = Moscow University Economic Bulletin*. 2021;(6):137–162. (In Russ.). DOI: 10.38050/0130010520216.7
28. Blokhin A. A., Lomakin-Rumyantsev I. V., Naumov S. A. Alpha Business in the Russian food market. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*. 2019;21(6):68–77. (In Russ.). DOI: 10.33917/es-6.164.2019.68-77
29. Spektor S. Competition in the Brazilian automotive market in 2011–2021. *Latinskaya Amerika*. 2022;(7):21–34. (In Russ.). DOI: 10.31857/s0044748x0019795-3
30. Bartosh V. A., Lisetskaya I. R. Identification and analysis of dominant groups in the South African automotive market (2010–2021). *Strategii biznesa = Business Strategies*. 2022;10(5):117–123. (In Russ.). DOI: 10.17747/2311-7184-2022-5-117-123
31. Vertogradov V. A., Shchelokova S. V. Premium car brands strategies and regulator's actions in Russia (2009–2021). *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2022;16(2):64–75. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-64-75
32. Vertogradov V. A., Shchelokova S. V. Analysis of the presence and structure of dominant groups in the market of agricultural organizations in Russia according to the results of 2020. *APK: Ekonomika, upravlenie = Agro-Industrial Complex: Economics, Management*. 2022;(1):41–52. (In Russ.). DOI: 10.33305/221-41

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

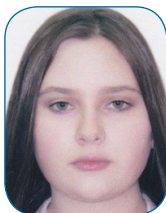
Ольга Владимировна Кудрявцева — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики природопользования, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Olga V. Kudryavtseva — Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Economics and Environmental Management, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-1517-0398>

Автор для корреспонденции / Corresponding author

olgakud@mail.ru

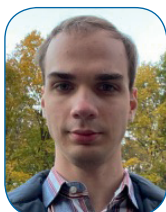

Полина Сергеевна Абрамова — студентка 2-го курса магистратуры, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Polina S. Abramova — Master's student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-9694-0125>

abramovap19@gmail.com

Николай Ильич Марков — студент 1-го курса магистратуры, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Nikolay I. Markov — Master's student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-4341-0611>

marnickil@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

О.В. Кудрявцева — разработка общей концепции статьи, проверка и корректировка подобранного материала, контроль за исследованием.

П.С. Абрамова — исследование исторического развития южнокорейского автомобильного рынка, подготовка обоснований с целью интерпретации полученных с помощью матрицы SV результатов, сбор статистических данных.

Н.И. Марков — проверка на адекватность статистических данных, сбор научных материалов по теме, подготовка визуализаций для проводимого исследования.

Authors' declared contribution:

O.V. Kudryavtseva — development of the general concept of the article, verification and correction of the selected material, control of the research.

P.S. Abramova — study of the historical development of the South Korean automobile market, preparation of justifications for the interpretation of the results obtained with the help of the matrix SV, collection of statistical data.

N.I. Markov — check for the adequacy of statistical data, collection of scientific materials on the topic, preparation of visualizations for the ongoing research.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.11.2022; после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 15.01.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.11.2022; revised on 10.12.2022 and accepted for publication on 15.01.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-31-44
УДК 338–245(045)
JEL N00

Изменение системы управления и формирование военно-мобилизационной экономической модели России в годы Первой мировой войны

И. Н. Шапкин

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Проблема трансформации экономики является одной из центральных для экономистов всех времен. Особую актуальность она приобретает в настоящее время. Первый опыт перевода рыночной экономики мирного времени на военно-мобилизационные начала Россия приобрела в годы Первой мировой войны, впервые в мировой истории носившей тотальный характер. Для обеспечения воюющей армии необходимым вооружением, снаряжением, продовольствием требовалась концентрация всех сил, средств и ресурсов. Для победы необходимо было изменить систему государственного управления, наполнив ее новым содержанием. В настоящей статье выделены основные этапы формирования новой управленческой структуры, соответствующей задачам военного времени, дана характеристика новых органов управления, обозначен основной круг проблем объективного и субъективного характера, с которыми столкнулись власти в процессе реформирования системы управления.

Ключевые слова: военно-мобилизационная экономика; Ставка верховного главнокомандующего; Главное артиллерийское управление; организация С. Н. Ванкова; Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части; Особые совещания; Всероссийский Земский союз; Всероссийский союз городов; Военно-промышленные комитеты

Для цитирования: Шапкин И. Н. Изменение системы управления и формирование военно-мобилизационной экономической модели России в годы Первой мировой войны. *Мир новой экономики*. 2023;17(1):31-44. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-31-44

ORIGINAL PAPER

Change of the Management System and Formation of the Russian Wartime Mobilization Economy Model during the First World War

I. N. Shapkin

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The problem of the economic transformation has always been one of the main issues for the economists of all times. Nowadays it gains particular relevancy. The first experience of transforming the peacetime market economy into the economy based on the wartime mobilization principles was acquired by Russia during the First World War, which is considered the first total war in history. To provide the army with all the necessary weapon, ammunition and food a concentration of all the powers, resources and assets was needed. To win it was necessary to change the system of the governmental administration by filling it with new content. The article highlights the main stages of the new management structure formation, which could face the challenges of that time; a characteristic of the new administrative bodies is given as well as the general range of problems which the government faced while reforming the administration system.

Keywords: wartime mobilization economy; stavka of the supreme commander; main artillery directorate; S. N. Vankov's organization; special administrative commission on artillery; special council; All-Russian zemstvo union; All-Russian union of cities; military-industrial committees

For citation: Shapkin I. N. Change in the management system and formation of the Russian wartime mobilization economy model during the First world war. *The World of the New Economy*. 2023;17(1):31-44. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-31-44

© Шапкин И. Н., 2023

История повторяется
Фукидид (ок. 460 — ок. 400 до н.э.).

ВВЕДЕНИЕ

Сегодняшние события убеждают в справедливости афоризма, высказанного древнегреческим историком. Действительно, многое из происходящего сейчас по форме и содержанию напоминает то, с чем столкнулась Россия сто лет назад. К началу Первой мировой войны она подошла, имея опыт неудачной войны с Японией, с незавершенными реформами, экономическими и политическими противоречиями, с ошибочной военно-стратегической оценкой будущей войны и т.д. «Относительно вероятной продолжительности войны в военных кругах Европы существовало поразительное единомыслие: и военные писатели всех стран, и наиболее авторитетные представители Генерального штаба утверждали, что грядущая война не может быть длительной, что вероятный ее срок — 3 месяца, а максимальный — полгода, что за это время будут завершены все серьезные операции и участь войны будет решена», — писал в 1920-х гг. генерал, профессор Н.А. Данилов [1]. Война истощит запасы дорогостоящего вооружения и снаряжения и вынудит противников сесть за стол переговоров. В военных планах ставка делалась не на организацию военного производства, а на обеспечение армии и флота подготовленными в мирное время запасами.

Ошибки стратегического планирования привели к военным, экономическим, моральным и имиджевым потерям России. Только мобилизация всех сил и ресурсов могла позволить преодолеть сложности и трудности, которые были вызваны как прежними просчетами, так и новыми проблемами. Логика войны потребовала перестройки органов управления. От осознания и быстроты принятия решений зависели успехи на фронтах.

НОВЫЕ ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ

За три дня до начала войны был принят документ, определявший структуру управления армией во время войны, — «О полевом управлении войсками в военное время». Высшим органом военного управления объявлялась Ставка верховного главнокомандующего. Она была создана в начале войны и состояла из службы генерал-квартирмейстера, отвечавшей за разработку оперативных вопросов, управления начальника военных сообще-

ний, руководившего транспортом в зоне боевых действий, военно-морского управления. При начальнике штаба имелась гражданская канцелярия и даже дипломатическая часть. Однако структура, отвечавшая за снабжение и обеспечение армии, отсутствовала. «При Верховном Главнокомандующем, — отмечал позже генерал А.А. Маниковский, — не было никакого специального органа, который ведал бы и руководил снабжением действующих армий» [2]. Сложнейшими организационно-управленческими и логистическими задачами должны были заниматься хозяйственные отделы Военного и Военно-морского министерств. На них возлагались задачи доставки с тыловых армейских складов в действующую армию вооружения, боеприпасов, снаряжения. На протяжении первых полутора лет войны в армии отсутствовала должность интенданта. Лишь 5 января 1916 г. было утверждено временное положение о полевом генерал-инспекторе артиллерии при Главкомверхе, на которого возлагалось общее руководство и наблюдение за своевременным, планомерным снабжением войск [3].

Война потребовала создания новых институтов управления. В августе 1914 г. при Главном управлении земледелия было учреждено Управление для снабжения фронтов продовольствием (так называемая «Хлебармия»), имевшее на местах (но не во всех губерниях) аппарат уполномоченных [4]. В обнародованном 29 августа 1914 г. документе, который назывался «Правила о местностях, состоящих на военном положении», командующим армиями предоставлялись широкие полномочия — запрещать или ограничивать вывоз продовольствия и фуража из прифронтовой полосы, позволялось устанавливать закупочные цены на продукты, предназначенные для армейских магазинов, регулировать производство некоторых отраслей пищевой промышленности. Частично управление хозяйством в прифронтовых областях перешло в руки военных и военной администрации.

Указ 8 декабря 1914 г. предоставил подобные права командующим тыловых военных округов. По закону 17 февраля 1915 г., по согласованию с губернаторами и уполномоченными, они могли устанавливать предельные цены на продовольствие, закупаемое для армии, ограничивать его вывоз и производить реквизицию. В марте 1915 г. при Министерстве торговли и промышленности был создан Комитет по вопросам снабжения продовольствием населения, который ранее находился

в компетенции МВД; министру путей сообщения было поручено обеспечить контроль за добычей и вывозом угля из Донбасса.

Предпринятые меры носили преимущественно ситуативный, не всегда продуманный и системный характер. Все это вносило путаницу в деятельность военных властей и местной администрации, вызывало межведомственные конфликты.

Продолжительное время крайне негативное влияние на правительственные круги оказывала идея о скоротечности войны. Этим можно объяснить непоследовательность и бессистемность проводимых правительством действий в начале войны. Результатом стал кризис вооружения, «снарядный голод» в конце 1914 г. К этому времени военное руководство пришло к мнению, что необходимы чрезвычайные меры. Сделанные запасы заканчивались, а казенная промышленность оказалась неспособной в полной мере обеспечить армию. В эмиграции генерал-квартирмейстер Ставки Ю.Н. Данилов писал: «Размер потребностей превзошел все самые широкие предположения и потому удовлетворение их встречало все возрастающее затруднение. Тыл не поспевал за фронтом, и армия с каждым днем уменьшалась в своем составе, как уменьшалась степень ее обеспеченности» [5].

На первых порах царь и его ближайшее окружение считали, что достаточно расширить полномочия существовавших органов гражданской и военной власти. Они не предполагали создавать новых управленческих структур. Однако неудачи на фронтах показывали невысокую эффективность работы сложившейся системы управления. Особое неудовольствие вызывала деятельность Главного артиллерийского управления (ГАУ), осуществлявшего снабжение армии вооружением и боеприпасами¹.

Нехватка боеприпасов побудила начальника Ставки вел. кн. Николая Николаевича обратиться с предложением о создании Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части. 15 февраля 1915 г. она была учреждена в составе Военного министерства. Комиссия должна была

«способствовать обеспечению действующей армии предметами артиллерийского снаряжения путем наблюдения и контроля за действиями учреждений, занимающихся артиллерийским снабжением: по использованию наличных средств борьбы, по заготовлению новых средств путем заказа, покупки, а также расширения производительности заводов, по применению новых изобретений в артиллерийской области и др.» [6].

Ей поручалось установить рабочие «связи между действующей армией и органами, ведающими изготовлением и снабжением предметами артиллерийского имущества». Комиссия получила право контролировать деятельность ГАУ и подведомственных ему организаций и лиц, всех причастных к выполнению военных заказов, к управлению казенными и частными предприятиями. Примечателен пункт Положения о том, что «контроль и вообще отношение к частным и казенным заводам фактически не должны выходить из рамок действовавших законоположений, высочайше утвержденных постановлений Совета министров и межведомственных соглашений» [7]. Это означало, что власть по-прежнему держалась за порядки мирного времени, предусматривавшие проведение торгов при распределении государственных заказов, соблюдение большого числа формальностей при их оформлении и т.д.

Комиссия приложила немало усилий для обеспечения топливом, материалами, оборудованием, рабочей силой оборонных предприятий. Одной из крупных и наиболее успешных мер явилось создание специальной организации генерала С.Н. Ванкова. Перед уполномоченным ГАУ была поставлена задача в кратчайший срок развернуть в стране выпуск по французской технологии трехдюймовых снарядов, являвшихся основным калибром полевой артиллерии. Не прекращая производство снарядов по российским стандартам, организации требовалось задействовать новые предприятия. Приступив к работе в апреле 1915 г., она сумела через месяц привлечь к исполнению миллионного заказа 49 средних и мелких предприятий, создав производство «замкнутого цикла» [8]. Все предприятия объединялись в четыре группы, возглавляемые «головным» заводом. К 1917 г. на организацию Ванкова работало 442 казенных и частных завода, производивших всю номенклатуру изделий, необходимых для создания снарядов. Она участвовала в строительстве новых промышленных предприятий [9].

¹ ГАУ было создано 28 декабря 1862 г. Оно обеспечивало войска всеми видами оружия и боеприпасов, осуществляло боевую подготовку артиллерийских частей, отвечало за усовершенствование военной техники и вооружения. Накануне Первой мировой войны Управлению подчинялось 50 военных заводов, производивших артиллерийское вооружение, 22 центральных артиллерийских склада, 12 окружных управлений. 200 частных предприятий по договорам производили артиллерийское вооружение и боеприпасы.

Война продемонстрировала недостатки существовавшей системы управления, которая оказалась неподготовленной к масштабному военному противостоянию. Важнейшим ее пороком являлась неготовность к быстрой перестройке работы, адаптации к новым условиям и запросам, отсутствие четкой координации и взаимодействия органов управления.

В первые месяцы войны высшая власть использовала отработанную десятилетиями практику принятия решений. В мирные годы сталкиваясь с вызовами, правительство отвечало на них созданием комиссий и совещаний с участием представителей чиновников и заинтересованных лиц, приглашением экспертов. Эти временные образования не имели никаких властных полномочий. Они выполняли лишь совещательные функции. Подобная многолетняя практика способствовала формированию определенного типа управленца, склонного исключительно к коллегиальным решениям, пытавшегося делегировать, переложить ответственность на других, неспособного быстро и системно подходить к решению стоящих задач. Среди российских управленцев было очень немного лиц, готовых взять на себя ответственность, не опасаясь за последствия. «Система совещаний» была и во время войны, т.е. в чрезвычайных условиях воспроизводился прежний управленческий стиль принятия решений.

ОСОБАЯ РАСПОРЯДИТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ ПО АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ЧАСТИ

Логика развития диктовала, между тем, изменения в вопросах государственного строительства. В течение 1915 г. началось становление системы военно-экономического регулирования. Были созданы: Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части (1 января 1915 г.), Особое совещание по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия (май 1915 г.), Особое совещание по усилению артиллерийским снабжением действующей армии, переименованное 7 июня 1915 г. в Особое совещание для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения.

На деятельность этих новых структур возлагались большие надежды. Им предоставлялись значительные полномочия. Особой распорядительной комиссией по артиллерийской части (ОРК) «для

установления действительной связи между действующей армией и органами, ведающими изготовлением и снабжением предметами артиллерийского имущества», вменялось в обязанность «всеми мерами способствовать обеспечению действующей армии предметами артиллерийского снабжения». Председателю ОРК, подчиненного Ставке, поручалось «предъявлять ГАУ и подведомственным ему органам требования армии», добиваться их осуществления, «требовать от подлежащих органов сведений о нуждах армии», применять меры для удовлетворения этих нужд, «как внутри Империи, так и за границей» [10].

Комиссия имела право контролировать все учреждения военного ведомства, связанные со снабжением армии предметами артиллерийского довольствия; осуществлять осмотр и контроль за деятельностью предприятий всех форм собственности, выполнявших заказы ГАУ; производить реквизиции имущества и секвестр предприятий в случаях, когда не удается достигнуть добровольного согласия их владельцев на выполнение военных заказов. Однако при этом в положении содержалась оговорка, что «контроль и вообще отношение к частным и казенным заводам и фабрикам не должны выходить за рамки действующих законоположений» [10]. Данное ограничение свидетельствовало о половинчатости и непоследовательности принимаемых решений, т.е., с одной стороны, Комиссии предоставлялись большие права вплоть до реквизиций и секвестирования, а с другой — она должна была руководствоваться законодательством довоенного времени.

Создание ОРК стало первой попыткой учреждения органа экстраординарного характера. Однако ее деятельность была крайне слабо согласована с работой Ставки ВГК, Совета министров и отдельных министерств, прежде всего Военного министерства и его управлений, поэтому 30 июня 1915 г. распоряжением Николая II она была упразднена.

Как показала история войны, новые управленческие структуры не отличались высокой эффективностью. Результаты их деятельности были далеки от возлагавшихся на них надежд. И причин тому множество. Среди важнейших выделим: узковедомственный подход к решению стоящих проблем, отсутствие координации деятельности учреждений разного уровня, амбиции руководителей государственных ведомств. Созданные как ответ на военные вызовы, они по прошествии короткого времени упразднились из-за конфликта со сложившейся управленческой моделью. Довольно типичной была

ситуация, когда сложнейшие вопросы решались на уровне личных контактов руководителей. В показаниях Верховной следственной комиссии вел. кн. Сергей Михайлович сетовал: «Нет возможностей принимать меры к подъему производительности заводов, кроме личных или через своих представителей обращений к руководству» [10]. Но, несмотря на кратковременность деятельности, они заложили основы для мобилизационного развертывания промышленности, создали условия для привлечения к решению стоящих задач новых предприятий. В чрезвычайные времена требовались нестандартные решения, новые люди.

Тяжелейшие поражения русской армии в Карпатах, стремительный откат войск из Галиции, «великое отступление» весной-летом 1915 г. вызвали шок в стране. Всплеск негодования в обществе был беспрецедентным. Никто не ожидал такой катастрофы. Тяжелая ситуация на фронтах поставила власти перед необходимостью сконцентрировать весь ресурсный потенциал страны в своих руках и начать привлекать частный бизнес к выполнению стоящих перед армией задач. Этого требовала не только военная ситуация на фронтах, но и патристически настроенная общественность страны.

Из-за военных неудач пришлось скорректировать систему управления военной промышленностью, упрочить регулируемую роль государства для объединения усилий государственного и частного сектора промышленности. Приоритетными для всех государственных структур стали задачи планирования, взаимодействия государственных органов, координация деятельности исполнительной власти с общественными организациями.

ОТРАСЛЕВЫЕ СОВЕЩАНИЯ

Летом 1915 г. власть приходит к мысли, что выходом из складывающейся ситуации могли бы стать особые органы управления, наделенные большими правами вмешательства в экономику. Война нарушила сложившиеся производственные, торговые, финансовые связи. Особую остроту приобрели топливные, транспортные и продовольственные проблемы. Для их решения были созданы три особых, «отраслевых» совещания по топливу, транспорту и продовольствию. 30 августа 1915 г. было учреждено Особое совещание по устройству беженцев.

Всем им предоставлялись значительные полномочия. Особое совещание по топливу могло устанавливать «предельные цены» на все виды

топлива, распределять топливо между потребителями, менять членов правления и директоров предприятий, налагать секвестр, назначать ревизию топлива, изменять условия заключенных договоров и т.д. Совещание по продовольствию получило исключительные права. Оно могло производить заготовки продовольствия и фуража для армии всеми способами, регулировать торговлю и цены, изымать скот, продукты, фураж, семена, отменять постановления местных властей в отношении торговли и снабжения городов. Особое совещание по перевозкам сосредоточилось на увеличении пропускной способности железных дорог, снабжении их подвижным составом, строительстве подъездных путей, покупке подвижного состава. Ему разрешалось устанавливать «принудительное пользование» подвижным составом железных дорог, пароходами, баржами и т.д.

Цель Особых совещаний состояла в согласовании и объединении усилий всех управленческих органов. Все они носили чрезвычайный, временный характер [12]. Для координации их деятельности летом 1916 г. под руководством председателя Совета министров было создано Особое совещание министров, которому подчинялись все отраслевые совещания.

Особые совещания являлись «высшими установлениями» в своей сфере. Их возглавляли соответствующие министры, обладавшие чрезвычайными полномочиями, правом создавать собственный аппарат и сеть местных комитетов и отделений. Только Совещание по перевозкам не имело своего аппарата на местах. Его распоряжения проводились аппаратом министерства транспорта. Руководители совещаний несли ответственность перед царем. Председатели Особых совещаний наделялись значительными правами, но их решения носили не обязательный, а лишь рекомендательный характер и нуждались в утверждении председателем Особого совещания по обороне. Повестка дня заседаний вносилась председателем.

Деятельность Особых совещаний строилась по отработанной схеме — через отраслевые комитеты, подготовительные комиссии и т.д. Председатели рабочих органов назначались председателями Совещаний, которые определяли круг рассматриваемых вопросов. Делопроизводство велось канцеляриями соответствующих министерств.

ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ОБОРОНЕ

17 августа 1915 г. к работе приступило «Особое совещание для обсуждения и объединения меро-

приятый по обороне» (Особое совещание по обороне). В его состав вошли члены Государственной Думы и Государственного Совета, представители министерств и ведомств, крупного капитала. Среди членов Совещания было немного людей с практическим опытом работы в промышленности, разбиравшихся в вопросах снабжения многомиллионной армии. Генерал А.А. Маниковский позже напишет, что «совещание — слишком многолюдный орган для продуктивной работы» [2].

Новая организационная структура должна была стать центральным координационным и регулирующим органом управления формирующейся военно-мобилизационной экономики. Особое совещание осуществляло надзор за распределением военных заказов между русскими и иностранными заводами и фирмами; контролировало деятельность казенных и частных предприятий, выполнявших заказы военного ведомства; оказывало содействие строительству новых заводов и расширению действующих; согласовывало вопросы транспортировки военных грузов; обеспечивало рабочих оборонных заводов продовольствием, устанавливало размер заработной платы на этих предприятиях.

Исключительно широкими правами был наделен Председатель Особого совещания по обороне — военный министр. Он мог закрывать предприятия, не выполняющие казенных заказов; требовать приоритетного выполнения заказов казны; секвестрировать частные предприятия и назначать для управления ими уполномоченных, мог устранять от службы и смещать директоров, управляющих, советы предприятий, работающих на оборону, назначать руководителей предприятий. Постановления Совета министров от 16 января и 25 октября 1916 г. еще более увеличили права председателя Совещания.

Особое совещание формировалось на принципах единоначалия. Председатель формировал повестку и мог приглашать на совещание любых лиц. Если его не было на совещании, то председательствовал помощник военного министра. Управление делами, делопроизводство Совещания возлагались на начальника канцелярии военного министра. Весь государственный аппарат подчинялся и замыкался на военном министерстве, что логично, поскольку в августе 1915 г. Верховным главнокомандующим стал Николай II. При новой конфигурации власти гражданские ведомства занимали второстепенное положение. Совещание — это орган, призванный решать военные задачи, — вопросы тылового обеспечения отошли на второй план. Обеспечение на-

селения оказалось вне поля зрения Совещания по обороне, что имело самые негативные последствия.

На местах работали районные уполномоченные. Большинство из них были военными, преимущественно в генеральском звании. 10 сентября 1915 г. в 12 промышленных и региональных центрах были учреждены «заводские совещания» — Петроградское, Московское, Нижегородское, Уральское, Киевское, Екатеринославское и т.д. Совещания состояли из представителей местных правительственных учреждений, организаций земского и городского союзов, военно-промышленных комитетов, промышленников. Правительство тем самым признало, что знания и опыт последних может быть полезен в условиях военного времени.

Совещания координировали работу предприятий на местах, выстраивали кооперационные связи между предприятиями, осуществляли меры по более полному использованию ресурсов и производственного потенциала регионов [12]. Через них контролировалась деятельность заводов, выполнявших военные заказы. Их председатели получили право проводить общие и частные реквизиции, устанавливать заработную плату рабочим, изменять характер и объем производства, выдавать авансы, пособия и ссуды. Они направляли председателю Совещания представление об устранении от службы членов правлений, директоров и управляющих казенных и частных заводов, если в этом была необходимость.

Особое совещание по обороне опиралось на 9 экспертных групп, деятельность которых определял председатель. Были созданы: комиссия по общим вопросам, подготовительная комиссия по артиллерийским вопросам, наблюдательная комиссия, эвакуационная комиссия, реквизиционная комиссия, комиссия по обеспечению предприятий, выполнявших военные заказы, рабочей силой, комиссия по пересмотру норм санитарного и медицинского снабжения армии, подготовительная комиссия по авиационным вопросам, статистическое бюро [6]. При Наблюдательной комиссии была учреждена Особая анкетная комиссия, занимавшаяся статистико-экономическими исследованиями, учетом забастовок, рабочей силы, выяснением степени загрузки промышленности отдельных районов и целых отраслей оборонными работами [6]. Кроме постоянных комиссий, при Совещании периодически создавались временные комитеты для наблюдения за деятельностью промышленных районов и отдельных оборонных предприятий, разработки различных нормативных документов.

Особое совещание закупало вооружение за границей через Русский правительственный комитет в Лондоне и Комитет по заготовлению предметов боевого и материального снабжения в США. На него возлагались задачи размещения и контроля за ходом выполнения военных заказов иностранными производителями.

Заседания Совещания по обороне происходили 2 раза в неделю. На них велся подробный журнал заседаний, который подписывался членами Совещания. В случае несогласия с принятым председателем Совещания решением его члены могли записать особое мнение. Объем работы был значительным. Иногда на одном заседании рассматривалось до 18 дел. Принятое решение направлялось в Исполнительную комиссию, которая готовила договора с исполнителями. Наблюдательная комиссия следила за ходом поставок, правильным и своевременным выполнением договоров. На основании ее заключений принимались решения о секвестрах, реквизициях, смене правлений заводов и т.п.

Особое совещание по обороне являлось основным военным заказчиком. На него приходилось 97% всех заказов [11]. Ему выдавались огромные авансы, достигавшие 60% суммы заказа, миллионные безвозвратные субсидии на развитие производства, восстановление эвакуированных предприятий, на приобретение за границей станков, инструментов, сырья. Особое совещание по обороне санкционировало строительство не менее 75 новых предприятий оборонного назначения. Благодаря ему стали активно развиваться химическая, автомобилестроительная, авиационная, электротехническая отрасли, а также подшипниково- и станкостроение [13].

Руководители Особых совещаний были обязаны докладывать обо всех принимаемых решениях председателю Совещания по обороне. Председатель мог приостановить решение других совещаний, а в случае невозможности прийти к согласию с ними передавал рассматриваемый вопрос в Совет министров. Военный министр обладал широкими правами в промышленной и финансовой областях. В его ведении находились вопросы финансирования военных заказов внутри страны, расходование денежных средств за границей. Порядок их расходования утверждался Особым совещанием. Он мог давать предприятиям обязательные заказы, учреждать и закрывать промышленные предприятия, устанавливать максимальные цены на сырье и готовую продукцию, размер заработной платы, реквизировать запасы сырья и полуфабрикатов,

ограничивать частную торговлю, менять директоров и членов правлений предприятий, налагать секвестр на недвижимое имущество и т.д.

Совещание по обороне стремилось скоординировать работу всех совещаний. Но в реальной жизни добиться этого было сложно, поскольку главы совещаний были равны и действовали самостоятельно. Все Особые совещания получили широкие полномочия — они отвечали за обеспечение армии необходимыми ресурсами и средствами. Вопросами жизнеобеспечения людей занимался Совет министров. Их взаимодействие носило нерегулярный характер. Таким образом, в тылу работали как бы две «параллельные» структуры, слабо связанные между собой, каждая из которых пыталась устанавливать собственные «правила игры» [14].

Решения, принимаемые Совещанием по обороне, нередко отличались неопределенностью и непоследовательностью, и это при том, что оно было наделено широкими полномочиями. Любой вопрос подвергался бесконечному изучению, передавался из одной комиссии в другую. Многие из них тонули в бесконечных спорах и согласованиях, особенно в сложных и неоднозначных случаях, например в вопросах реквизиции оборудования у частных предприятий, выдачи авансов и ссуд на расширение и переоборудование частных предприятий и т.д. Как справедливо заметил И.В. Маевский: «Особое совещание в большинстве случаев не решало, а лишь советовало» [15]. А руководитель ГАУ А.А. Маниковский высказался более резко, назвав его «политиканствующей говорильней» с невероятной разногласицей, бюрократизмом и рутинной [2].

На первых порах диалог с промышленниками Совещание по обороне вело с помощью комиссий и соглашений, а не директив и приказов. Привлечение частной промышленности происходило на основании законов и правил мирного времени и обставлялось массой формальностей, превращавшихся, по словам помощника начальника Главного артиллерийского управления (ГАУ) генерала Е.М. Смысловского, «в искусственное фортификационное сооружение, связывающее по рукам и ногам заготовителя» [16].

Другим недостатком Совещания являлось отсутствие системности в работе. Нередко под влиянием динамично меняющейся ситуации оно начинало решать новые задачи, не доведя до конца старые. Управленческий стиль мирного времени переносился на военное время. Конечно, многие проблемы государству приходилось решать впервые. У чинов-

ников отсутствовали разработанные процедуры, алгоритмы, «протоколы» действий. Правительству приходилось методом «проб и ошибок» нащупывать адекватные складывающимся обстоятельствам работающие управленческие инструменты и механизмы.

Создание в августе 1915 г. военно-регулирующих органов в виде системы Особых совещаний во главе с Особым совещанием по обороне, на которое возлагались межведомственные координирующие функции, явилось важным фактором, повлиявшим на мобилизацию и милитаризацию промышленности, на развитие и состояние всех отраслей производства.

Опыт деятельности структуры Особых совещаний, компетенции ее отдельных структур, полномочия должностных лиц развивались по линии централизации, ухода от совещательного и коллегиального порядка решения вопросов к возложению персональной ответственности на руководящее лицо, что в обстановке военного времени было полностью оправдано. Война требовала от государства непрерывного расширения сферы государственного вмешательства во все важнейшие отрасли народного хозяйства, в деятельность отдельных фирм и производителей.

Институт особых совещаний сохранялся и после событий февраля и октября 1917 г. Они существовали до марта 1918 г., т.е. до заключения Брестского мирного договора.

Наряду с Особыми совещаниями, осуществлявшими общее руководство военно-экономической мобилизацией, создавались органы по регулированию отдельных отраслей промышленности. В июле 1915 г. при Министерстве торговли и промышленности был создан Комитет для снабжения сырьем хлопчатобумажных фабрик, а затем Комитеты по делам суконной, льняной и джутовой промышленности, опиравшиеся в своей работе на отраслевые монополистические объединения. Комитеты выполняли совещательные функции, но нередко обсуждаемые на их заседаниях вопросы становились решениями министерства.

К решению задач по обеспечению промышленных предприятий рабочей силой привлекались синдикаты «Продамет», «Кровля», «Медь», Общество меднопрокатных заводов с их разветвленным учетно-распределительным аппаратом. Горнопромышленники и металлурги активно включились в работу «Комитета по делам металлургической промышленности» во главе с генералом А.З. Мыш-

лаевским, учрежденного в январе 1916 г. Работники нефтяной промышленности активно сотрудничали с созданным при Главном артиллерийском управлении Химическом комитетом, возглавляемом академиком В.Н. Ипатьевым. Синдикат «Проволока» привлекался к работам проволочного делопроизводства Главного военно-технического управления [9].

Весной 1915 г. со всей очевидностью встал вопрос о необходимости участия частного бизнеса в решении задач по обеспечению обороноспособности. Вопрос о взаимоотношении власти и бизнеса вышел в число первоочередных. На каких началах строить эти взаимоотношения? Как добиться справедливого распределения на все группы населения страны тягот военного времени и не допустить «сверхобогащения» владельцев предприятий, выполнявших военные заказы? Как умерить ценовые аппетиты частных поставщиков? На эти и множество других вопросов требовалось дать ответы.

В первое время традиционализм, неспособность посмотреть на складывающуюся ситуацию по-новому проявились, например, в том, что военные заказы распределялись прежде всего среди государственных (казенных) предприятий и небольшой группы проверенных частных компаний, выполнявших их еще до войны. Но эти предприятия в условиях тотальной войны были не в состоянии в требовавшихся объемах обеспечить воюющую армию необходимыми средствами.

В стране не было разработанной системы привлечения частного бизнеса для государственных потребностей, мобилизации частной промышленности. Отсутствие механизмов регулирования отношений между правительством и частным бизнесом, предпринимателями и рабочими, нерешительность правительства в вопросе о милитаризации оборонных предприятий негативно сказывались на эффективности использования существующих производственных мощностей. Правительству приходилось «с колес» выстраивать отношения с бизнесом. Несмотря на сложности, количество частных предприятий, работавших на выполнение военных заказов, уже на начальном этапе войны постоянно возрастало. К 11 августа 1915 г. их численность увеличилось с 125 до 254, а выполнявших заказы интендантского ведомства — с 169 до 575 [15].

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Первыми к созданию институтов военно-мобилизационной экономики приступили российские либералы. Они получили право на создание соб-

ственных организаций, участие в работе исполнительных органов власти. 12 августа 1914 г. был учрежден Всероссийский Земский союз (ВЗС), а 16 августа — Всероссийский союз городов (ВСГ). Земский союз объединил представителей земства, городской союз — общественных деятелей города, интеллигенцию, лиц «свободных профессий» и т.д. [15]. Высшим органом каждого союза был съезд уполномоченных. Между съездами их делами ведали главные комитеты союзов под председательством главноуполномоченных.

Земский союз представлял собой разветвленную структуру. К концу 1916 г. число учреждений Земского союза достигло 7728, из них главных комитетов — 174; губернских комитетов — 3454; фронтовых комитетов — 4100. К сентябрю 1917 г. в Союз городов входило 630 городов (около 75% от их общего числа). В союзах были заняты сотни тысяч людей.

С первых дней существования организации развернули масштабную деятельность. Правительство передало в ведение Земского союза снабжение фронта продовольствием и медикаментами, формирование врачебно-питательных отрядов. На фронте открывались полевые госпитали; действовали банно-прачечные отряды, мастерские, склады, пекарни и пр. При содействии земств на фронт были отправлены дружины из Саратовской, Петроградской, Ставропольской, Тульской и других губерний. С 1915 г. Земский союз занялся организацией мелкой промышленности и мастерских по производству обозного снаряжения и инженерно-строительных средств [17]. В Москве был открыт фармацевтический завод, ежегодно производивший продукцию стоимостью более 1 млн руб. Если в начале войны финансовые ресурсы Земского союза не превышали 12 млн руб., ассигнованных земствами, то к 1 января 1916 г. общая сумма правительственных ассигнований выросла почти до 190 млн руб.

Смета Союза городов на второе полугодие 1916 г. на лечение больных и раненых, на транспорт и санитарные мероприятия достигала 41,5 млн руб. Расход Союза за 1917 г. составлял 232 млн руб. при обороте в 464 млн руб. На питательных пунктах Союза было накормлено 4,3 млн рабочих и 8,6 млн беженцев. В 13 санитарных поездах Союза городов было перевезено 340 тыс. раненых. К осени 1916 г. число коек на его учете достигало 200 тыс. Через госпитали Союза с 1914 по январь 1916 г. прошел 1 млн 260 тыс. раненых [17].

10 июля 1915 г. эти союзы учредили «Главный по снабжению армии комитет Всероссийских Земского и Городского союзов» (Земгор) — объединенный общероссийский комитет общественных организаций. Правительство предоставило Земгору права полувоенной организации. Его чиновники носили форму и освобождались от военной службы.

Цель организации состояла в координации деятельности мелкой и кустарной промышленности для улучшения снабжения армии. Она занималась их переводом на выпуск продукции военного назначения. Деятельность Земгора позволила обеспечить армию шанцевым инструментом, обозным имуществом, наладить выпуск гранат, бомб, артиллерийских снарядов и др. Организация снабжала предприятия сырьем, топливом и необходимыми материалами.

Она строила собственные промышленные предприятия. Ей принадлежали кожевенные, консервные заводы, фабрики меховой обуви и десятки мелких ремонтных и пошивочных мастерских. В Москве Земгор владел фабрикой военно-полевых аппаратов; мастерской, где делались измерительные приборы и калибры, необходимые при производстве снарядов; двумя механическими заводами; подольским предприятием, изготавливающим трехдюймовые снаряды. В конце 1916 г. деятельность Земгора была свернута.

25–27 июля 1915 г. состоялся 1-й Всероссийский съезд Военно-промышленных комитетов (ВПК), а 27 августа того же года были приняты правительственные «Положение о военно-промышленных комитетах» и «Наказ о порядке образования и действия военно-промышленных комитетов и съездов». Эти программные документы определили правовой статус организаций, их цели и задачи.

«Положение» устанавливало, что ВПК учреждались на время войны для содействия правительственным учреждениям в деле снабжения армии и флота всеми необходимыми предметами снаряжения и довольствия, а комитет — это общественная организация, которая пользуется правами юридического лица, т.е. правом заключать договоры с частными и государственными учреждениями и общественными организациями, владеть собственностью, вступать в обязательственные отношения, организовывать приемку и сдачу предметов для нужд армии и флота, выступать в суде. Из казны военно-промышленным комитетам было ассигновано 300 тыс. руб. Впоследствии правительство предоставило ВПК

право получать 1% от всех казенных заказов, размещенных при их участии.

По всей стране была создана сеть ВПК. Они организовывались даже в тех районах, где отсутствовали или почти отсутствовали промышленные предприятия, способные выполнять военные заказы, например в Андижане Ферганской губернии, Кургане Тобольской губернии, Петропавловске Акмолинской губернии, Дагестане и других местностях. К началу 1916 г. к работе приступило 220 местных ВПК, объединенных в 33 областные структуры [18]. Возглавлял их работу Центральный ВПК, находившийся в столице. В Петрограде проходили съезды представителей ВПК. В 1915–1918 гг. выходил его печатный орган — «Известия Центрального ВПК».

Финансируемые казной Военно-промышленные комитеты оставались неподотчетными власти. Они самостоятельно формировали органы управления, набирали для работы служащих. Комитеты являлись общественными структурами [19]. В их компетенцию входило посредничество между казной и промышленностью, распределение военных заказов, регулирование сырьевого рынка и снабжение предприятий сырьем, нормирование цен на сырье, регулирование внешней торговли (закупки), рынка труда и транспорта.

У истоков ВПК стояли либеральные общественные деятели, которые полагали, что «мобилизация промышленности должна быть организована самими промышленниками»², а новая организация может превратиться в общенациональную структуру по координации работы промышленности без участия власти. Некоторые из них шли дальше. Они рассматривали комитеты как важнейшие элементы гражданского общества, как один из возможных механизмов регулирования экономики в послевоенное время. Довольно часто руководители ВПК занимали оппозиционную позицию к политике в целом и конкретным действиям власти, подчеркивая это при каждом удобном случае. Вклад ВПК в решение стоявших задач был невелик. К началу 1917 г., по подсчетам одних исследователей, на их долю приходилось 2–3% от общей стоимости военных заказов, из которых только 50% были выполнены, по оценке других — 17 и 11% соответственно [20].

Существование и расширение функций общественных организаций вызывало неоднозначное к ним отношение. Негативная реакция была со

стороны правых партий, части правительства, членов царствующей фамилии. Между гражданскими и государственными институтами наблюдалось явное противостояние.

31 марта 1918 г. Центральный военно-промышленный комитет был переименован в Центральный народно-промышленный комитет, а ликвидирован 24 июля 1918 г.

Управленческая структура в годы войны постоянно корректировалась. Шел поиск наиболее адекватной текущей ситуации управленческой модели, приемлемой организационной формы для решения возникающих проблем. Падение престижа Особого совещания по обороне привело к учреждению в декабре 1915 г. «Совета пяти» ведущих министерств (военного, внутренних дел, торговли и промышленности, земледелия и путей сообщения), который должен был сосредоточиться на решении текущих вопросов, включающих: поставки в промышленные центры продовольствия, топлива; повышение производительности труда на угольных шахтах и рудниках; ускорение оборота вагонов и т.д. Однако из-за межведомственных противоречий «Совет пяти» был упразднен в марте 1916 г.

ВОЕННО-МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ИТОГИ К ФЕВРАЛЮ 1917 Г.

Несмотря на иллюзии в начале войны, логика развития вынудила власти начать перевод народного хозяйства на военно-мобилизационные рельсы, приступить к проведению мобилизационной политики. Смена траектории экономического развития неизбежно вела к реформированию прежних органов управления и наполнению их другим содержанием, к учреждению новых институций.

Новые управленческие структуры представляли собой элементы военно-мобилизационной, чрезвычайной экономической модели, построенной на принуждении, государственном регулировании и контроле. Она предполагала принудительное использование в поставленных государством целях экономических и неэкономических инструментов и методов. Ее действенность определялась способностью государства максимально использовать все существующие производственные мощности для удовлетворения потребностей армии и населения в военный период.

В своей деятельности новые институты стремились руководствоваться следующими принципами:

² Организация военно-промышленных комитетов. Пг.: Тип. П.П. Гершунина; 1915. 289 р.

1. Простотой, доступностью планов и решений, не допускающих неполноты информации и информирования.

2. Плановостью, систематичностью и последовательностью принимаемых решений и оперативным их исполнением.

3. Точностью исполнения поставленных задач со стороны их ставящих и исполняющих.

4. Гибкостью, умением быстро перестраиваться по мере поступления новых задач и «вводных» и т.д.

Основными инструментами перестройки экономики являлись ограничительные, административные и антирыночные меры; использование принуждения и контроля за деятельностью бизнеса; сосредоточение в руках государственных институтов значительных административных полномочий, закрепленных законами; действия, нацеленные на расширение государственного сектора в экономике, обслуживающего запросы армии и промышленности, работающего для фронта и победы, и т.д.

В условиях формирующейся военно-мобилизационной экономики можно выделить несколько направлений экономической политики. Правительством использовалась милитаризация и реквизиция труда. На государственных военных предприятиях был введен специальный трудовой режим, т.е. были запрещены переходы рабочих с одних предприятий на другие, забастовки; практиковалось прикомандирование солдат на промышленные производства; распространились принудительные формы привлечения рабочей силы, широко использовались ночные и сверхурочные работы и т.д.

Происходила реквизиция станков, оборудования, целых заводов, земли, помещений для использования на предприятиях, выполнявших военные заказы. Осуществлялись принудительные объединения промышленных предприятий. Примером тому являлась «организация С.Н. Ванкова».

В 1915–1916 гг. проводилось секвестирование (фактически национализация) 94-х крупных промышленных предприятий. Этой мере подверглись даже прибыльные предприятия, работавшие на оборону.

Военная экономика требовала планирования, прогноза и точных расчетов. Планировалось производство снарядов, пороха, ружей, взрывчатых веществ, а затем — железнодорожные перевозки, заготовка продовольствия. В 1916 г. обсуждался даже план превращения всего народного хозяйства в единую плановую систему.

В сфере внешней торговли правительство установило монополию внешней торговли. В феврале 1916 г. Особым совещанием по обороне частным предпринимателям и предпринимательским организациям было запрещено производить заказы за границей. Они могли это делать только через уполномоченного Особого совещания. В его руках была сосредоточена вся валюта для зарубежных закупок.

В 1916 г. в ряде крупных городов была внедрена карточная система распределения хлеба, мяса и сахара. До Февральской революции данную систему удалось ввести только в 18 городах, в том числе в Москве. В конце ноября 1916 г. министр земледелия А.А. Риттих ввел хлебную разверстку. Подобным путем в 31-й губернии предполагалось заготовить около 700 млн пудов хлеба.

Таким образом, к 1917 г. в стране были заложены основы военно-мобилизационной экономики, важнейшими чертами которой являлись:

1. Наличие правомочного органа, обличенного высшими государственными полномочиями и тесно связанного с высшим военным командованием.

2. Наличие народнохозяйственного плана, включающего сметы доходов и расходов государства. План должен был корреспондироваться со стратегическим военным планированием.

3. Последовательное осуществление плана, связанное не только с необходимостью внутренних организационных и технических изменений в мобилизуемых элементах, но и с образованием системы органов, подчиненных высшему центру (военная организация народного хозяйства, милитаризованное народное хозяйство).

4. Юридические (правовые) формы мобилизации экономики могли быть весьма различны — от «свободного привлечения» («свободного» принуждения) до различных принудительных мер (установление законом повинности, национализации и милитаризации, подчинение военным органам и дисциплине) [21].

Итогом всех предпринятых усилий стала реорганизация и приспособление экономики «мирного» времени к военным нуждам. В течение 1915–1917 гг. государству и общественности удалось увеличить промышленное производство. В 1916 г. объем валовой продукции промышленности в стране вырос на 21,5% по сравнению с довоенным. При этом объем продукции машиностроения по сравнению с 1913 г. увеличился более чем в 4 раза — с 200,2 до

954,6 млн руб. Несмотря на все трудности военного времени, существенно возросло техническое оснащение предприятий. К лету 1916 г. 39 крупных машиностроительных заводов приобрели дополнительное оборудование, на которое было израсходовано 130 млн руб. Общая стоимость оборудования всех частных заводов, связанных с обороной, до войны не превышавшая 100 млн руб., приблизилась к 1 млрд руб. [22].

В конце 1916 г. из 2290 предприятий 1800 (81%) были переориентированы на выпуск продукции военного назначения. Из 2,4 млн рабочих, занятых в промышленности, 2 млн (86%) работали на предприятиях, обслуживавших нужды фронта [15]. Производство вооружений росло очень высокими темпами. В августе 1916 г. винтовок было изготовлено на 1100% больше, чем в августе 1914 г. Производство пушек с января 1916 по январь 1917 г. увеличилось более чем на 1000%, а 76-миллиметровых снарядов на 2000%. Выработка пороха и взрывчатых веществ возросла на 250–300% [22].

При всех просчетах и ошибках итоги мобилизации экономики впечатляли. Об этом писали современники событий: «Когда развертывалась оборонная работа в 1915 г., лицам, близко знавшим располагаемые средства и условия работы нашей промышленности и техники, трудно было поверить, чтобы были достигнуты такие результаты, которые можно было установить в конце 1916 г. Беспристрастный историк будет вынужден впоследствии признать, что в общем и целом русская техника справилась с положением и сделала значительно шире и значительно скорее то необходимое, чего имела право требовать от нее оборона страны» [23].

ВЫВОДЫ

В начале войны правительство и военное руководство показали непонимание складывающейся

ситуации, масштаба и глубины проблем. Для победы недостаточны патриотизм и жертвенность. Неэффективная система государственной организации порождала проблемы в обеспечении армии вооружением, продовольствием, амуницией, средствами связи, медицинским оборудованием.

Необходимо было не только осознание стоящих перед обществом задач, но и политическая воля для их решения. Постепенно началась реорганизация институтов управления. К сожалению, государственные институты новой мобилизационной экономики появились с большим опозданием и действовали не всегда эффективно, что сказывалось на фронтах.

История Первой мировой войны показала, что для успешного ведения военных действий требуются продуманные мобилизационные планы, которые с трудом согласуются с принципами рыночной экономики, с интересами предпринимательства. В России отсутствовало важнейшее условие войны индустриального века — компетентное экономическое планирование, направленное на сбалансированное развитие всего народнохозяйственного комплекса. В итоге невоенные отрасли промышленности к 1917 г. резко сократили объемы производимой продукции, озлобляя страдающее население.

Вместе с тем, несмотря на большие трудности, правительство не пошло на тотальную мобилизацию народного хозяйства. В кратчайшее время в стране произошли революционные изменения в сфере промышленности и технологий, области средств массовой коммуникации, организации экономической жизни страны, в системе внутренних социальных отношений.

В 1916 г. страна добилась значительных хозяйственных успехов. Многие программы и решения, подготовленные царским правительством, позже будут использованы большевиками в годы «военного коммунизма» и новой экономической политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Данилов Н.А. Экономика и подготовка к войне. М.; Л.: Госвоениздат; 1926. 195 с.
2. Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.: Госвоениздат; 1937. 718 с.
3. Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне, 1914–1915 гг. Берлин: Слово; 1924. 396 с.
4. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Новая деревня; 1922. 350 с.
5. Данилов Ю.Н. О подготовке государства к современной войне. Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. Сб. ст. М.: Русский путь/Военный университет; 1999:277–283. (Серия: Российский военный сборник. Вып. 16).
6. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука; 1973. 650 с.
7. Иванова Н.А. Принудительные объединения в России в годы Первой мировой войны. Об особенностях империализма в России. Сб. ст. М.: Изд-во АН СССР; 1963:234–249.

8. Леонидов О.Л. История организации уполномоченного ГАУ по организации изготовления снарядов по французскому образцу генерал-майора С.Н. Ванкова (1915–1918). М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова; 1918. 284 с.
9. Бovyкин В.И., Гиндин И.Ф., Тарновский К.Н. Государственно-монополистический капитализм в России (к вопросу о предпосылках социалистической революции). *История СССР*. 1959;(3):83–117.
10. Алексеев Т.В. Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части: прообраз органов военно-экономической мобилизации России в годы Первой мировой войны. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016;(3–1):13–19.
11. Тимошенко А.И. Особое совещание по обороне в России в годы I мировой войны. *Правоведение*. 1968;(2):27–132.
12. Погребинский А.П. Государственно-монополистический капитализм в России. М.: Соцэкгиз; 1959. 266 с.
13. Алексеев Т.В. Особое совещание по обороне государства и военно-экономическая мобилизация в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб.: Лема; 2015. 768 с.
14. Сомов С.А. О «майском» Особом совещании. *История СССР*. 1973;(3):112–123.
15. Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М.: Госполитиздат; 1957. 391 с.
16. Смысловский Е.М. Парадоксы русского военного хозяйства. *Снабжение Красной армии. Журнал военного хозяйства, производства и кооперации*. 1922;(1):3–15.
17. Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН; 2003. 151 с.
18. Фомичев А.В., Фомичева Л.С. Чрезвычайные органы военно-экономической мобилизации в годы Первой мировой войны. *Россия в глобальном мире*. 2015;(6):93–107.
19. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого режима (1914–1918). Рязань: НРИИД; 2004. 467 с.
20. Кюнг П.А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. М.: РГГУ; 2012. 237 с.
21. Святловский Е. Экономика войны. М.: Военный вестник; 1926. 484 с.
22. Алексеев Т.В. Перестройка промышленности России на военный лад: итоги и уроки Первой мировой войны. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки*. 2016;(3):16–25. DOI: 10.5862/JHSS.250.2
23. Гриневецкий В.И. Послевоенные перспективы русской промышленности. М.: Центрсоюз; 1922. 103 с.

REFERENCES

1. Danilov N.A. Economy and preparation for war. Moscow, Leningrad: Gosvoenizdat; 1926. 195 p. (In Russ.).
2. Manikovskii A.A. Military supply of the Russian army in the World War. Moscow: Gosvoenizdat; 1937. 718 p. (In Russ.).
3. Danilov Yu.N. Russia in the World War, 1914–1915. Berlin: Slovo; 1924. 396 p. (In Russ.).
4. Kondrat'ev N.D. Cereal market and its regulation during the war and revolution. Moscow: Novaya Derevnya; 1922. 350 p. (In Russ.).
5. Danilov Yu.N. On the preparation of the state for modern war. In: Military thought in exile. Works of the Russian military emigration: Coll. pap. Moscow: Russkii put'/Voennyi universitet; 1999:277–283. (Russian Military Collection Series. No. 16). (In Russ.).
6. Sidorov A.L. The economic situation of Russia during the First World War. Moscow: Nauka; 1973. 650 p. (In Russ.).
7. Ivanova N.A. Forced associations in Russia during the First World War. In: On the peculiarities of imperialism in Russia. Coll. pap. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ.; 1963:234–249. (In Russ.).
8. Leonidov O.L. The history of the organization of the commissioner for the Main Artillery Directorate for the organization of ammunition manufacture according to the French model of Major General S.N. Vankov (1915–1918). Moscow: A.I. Mamontov Printing Partnership; 1918. 284 p. (In Russ.).

9. Bovykin V.I., Gindin I.F., Tarnovskii K.N. State-monopoly capitalism in Russia (to the question of the prerequisites of the socialist revolution). *Istoriya SSSR*. 1959;(3):83–117. (In Russ.).
10. Alekseev T.V. Special Administrative Commission on artillery: Prototype of wartime economic mobilization bodies of Russia in the years of the First World War. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2016;(3–1):13–19. (In Russ.).
11. Timoshenko A.I. A special defense council in Russia during the World War I. *Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 1968;(2):27–132. (In Russ.).
12. Pogrebinskii A.P. State monopoly capitalism in Russia. Moscow: Sotsekgiz; 1959. 266 p. (In Russ.).
13. Alekseev T.V. Special meeting on state defense and wartime economic mobilization in Russia during the First World War (1914–1917). St. Petersburg: Lema; 2015. 768 p. (In Russ.).
14. Somov S.A. On the “May” Special council. *Istoriya SSSR*. 1973;(3):112–123. (In Russ.).
15. Maevskii I.V. Russian industry economy in the First World War. Moscow: Gospolitizdat; 1957. 391 p. (In Russ.).
16. Smyslovskii E.M. Russian military economy paradoxes. *Snabzhenie Krasnoi armii. Zhurnal voennogo khozyaistva, proizvodstva i kooperatsii*. 1922;(1): 3–15. (In Russ.).
17. Shevyrin V.M. Power and public organizations in Russia (1914–1917): Analytical review. Moscow: INION RAS; 2003. 151 p. (In Russ.).
18. Fomichev A.V., Fomicheva L.S. Emergency administrative bodies of wartime economic mobilization during the First World War. *Rossiya v global'nom mire = Russia in the Global World*. 2015;(6):93–107. (In Russ.).
19. Kulikov S.V. The bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old regime (1914–1918). Ryazan: NRIID; 2004. 467 p. (In Russ.).
20. Kyung P.A. The mobilization of economy and private business in Russia during the First World War. Moscow: Russian State Humanitarian University; 2012. 237 p. (In Russ.).
21. Svyatlovskii E. Economics of war. Moscow: Voenny Vestnik; 1926. 484 p. (In Russ.).
22. Alexeev T.V. The switch of the Russian industry to warfooting: Results and lessons of the First World War. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Humanities and social sciences*. 2016;(3):16–25. (In Russ.). DOI: 10.5862/JHSS.250.2
23. Grinevetskii V.I. Post-war prospects of Russian industry. Moscow: Tsentrsoyuz; 1922. 103 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Игорь Николаевич Шапкин — доктор экономических наук, профессор, научный руководитель департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия
Igor N. Shapkin — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Scientific Director of the Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3060-9610>
ishapkin@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.12.2022; после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 05.02.2023.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 20.12.2022; revised on 10.01.2023 and accepted for publication on 05.02.2023.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-45-55
УДК 330.3(045)
JEL O1

Смена экономической модели развития России как ответ на новую геоэкономическую реальность

В.И. Филатов^а, С.А. Побываев^б

^а Институт экономики РАН, Москва, Россия; ^б Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Санкционная война, развязанная Западом во главе с США против России, формирует новую геополитическую реальность для нашей страны. По сути, России объявлена экономическая война, основными инструментами которой стали отсечение ее от мировой финансовой системы, закрытие важнейших рынков для основных видов российской экспортной продукции и эмбарго на поставки в страну машин и оборудования для различных секторов российской экономики. Введенные против страны санкции несут угрозы как краткосрочного, так и долгосрочного характера. Первые связаны с ухудшением текущей экономической ситуации, но могут быть преодолены в течение одного-двух лет. Вторые могут иметь отложенные, но более глубокие негативные последствия для экономики, поскольку направлены на подрыв ее технологической конкурентоспособности и инвестиционного процесса, что усиливает угрозу затяжной стагнации. Преодоление таких угроз требует продолжительного времени, трансформации сложившейся в стране экспортноориентированной сырьевой модели экономики на основе активизации структурной, научно-технологической и инвестиционной политики. В статье рассматриваются возможные подходы к реализации такого перехода.

Ключевые слова: санкции; системные угрозы; сценарии социально-экономического развития; структурные приоритеты; кредитная эмиссия

Для цитирования: Филатов В.И., Побываев С.А. Смена экономической модели развития России как ответ на новую геоэкономическую реальность. *Мир новой экономики*. 2023;17(1):45-55. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-45-55

ORIGINAL PAPER

Change of the Economic Model of Russia's Development as a Response to the New Geo-Economic Reality

V.I. Filatov^a, S.A. Pobываev^b

^a Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; ^b Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The sanctions war against Russia unleashed by Western countries led by the United States forms a new geopolitical reality for the country. In fact, an economic war has been declared against Russia, the main instruments of which are the country's cut off from the global financial system, the closure of the most important markets for the Russian main export products and the embargo on the machinery and equipment import to the country, which is essential for various sectors of the Russian economy. The sanctions imposed on the country pose both short-term and long-term threats. The first ones are associated with the degradation of the current economic situation, but can be overcome within a few years. The other ones may have delayed but deeper negative consequences for the economy, as they are aimed at undermining its technological competitiveness and investment process, thus increasing the threat of the prolonged stagnation of the national economy. Overcoming such threats takes a long time and transformation of the country's export-oriented raw material model of the economy based on the activation of structural, scientific, technological and investment policy. The article discusses possible approaches to the implementation of such a transition.

Keywords: sanctions; systemic threats; scenarios of socio-economic development; structural priorities; credit issue

For citation: Filatov V.I., Pobываev S.A. Change of the economic model of Russia's development as a response to the new geo-economic reality. *The World of New Economy*. 2023;17(1):45-55. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-45-55

© Филатов В.И., Побываев С.А., 2023

ВВЕДЕНИЕ

После признания Россией 21 марта 2022 г. независимости ДНР и ЛНР и начала 24 февраля 2022 г. специальной военной операции (СВО) на Украине власти США, ЕС и ряда других стран ввели новый пакет экономических санкций, продолжив санкционную политику, начатую в 2014 г. в связи с возвращением Крыма в состав России.

Новые санкции затронули финансовый сектор, внешнеторговые операции, научно-технологическое сотрудничество; была прекращена или приостановлена деятельность в России ряда иностранных компаний. Санкции вводятся порционно (или пакетно), последовательно расширяя подсанкционные виды деятельности, число организаций и круг физических лиц, попадающих под те или иные ограничения. Основными центрами санкционной активности выступают США, Великобритания, ЕС при поддержке Австралии, Канады, Японии и Южной Кореи.

К настоящему времени на подходе уже десятый пакет санкционных ограничений, которые охватывают: суверенный долг РФ; российский фонд прямых инвестиций (РФПИ); Банк России и системообразующие банки; нефтегазовый сектор РФ; экспорт в РФ технологий и товаров двойного назначения, высокотехнологичной продукции, машин и оборудования инвестиционного назначения; транспорт; экспорт из России нефти и нефтепродуктов и природного газа, включая потолочные ограничения экспортных цен, химической и металлургической продукции; прекращение или приостановку деятельности в РФ иностранных компаний в различных секторах отечественной экономики; ограничения связей в сфере культуры, науки и спорта.

Таким образом, по сути, речь может идти о попытке установления полномасштабной блокады российской экономики со стороны США, ЕС, Японии, Австралии, Южной Кореи и других стран прозападной ориентации. Цель такого давления состоит в дестабилизации экономической и внутривластной ситуации в стране, стимулировании роста недовольства российских граждан проводимым суверенным внешнеполитическим курсом и приходе к власти прозападно ориентированного руководства. Вместе с тем, несмотря на то, что российская экономика в 2022 г., судя по всему, справилась с финансово-технологическим блицкригом со стороны альянса западных стран, масштабная санкционная атака на нее содер-

жит целую систему рисков и угроз достаточно долгосрочного характера, формируя для страны новую геоэкономическую реальность.

САНКЦИОННЫЕ РИСКИ И УГРОЗЫ

Прежде всего необходимо отметить **угрозу длительной стагнации экономики России**. Несмотря на то что в ушедшем 2022 г. экономический спад оценивается на уровне лишь 2,5% ВВП (что гораздо меньше ожидаемых экспертами в марте прошлого года 8–12%), рубль сохранил устойчивость, а инфляция, хотя и приблизилась к 12%, но оказалась гораздо ниже прогнозируемого уровня, не следует рассчитывать на быстрое восстановление экономической динамики.

Угроза стагнирования российской экономики в среднесрочной (до 2025 г.) перспективе определяется характером рецессии. Она связана не с циклическим кризисом, вызванным усилением внутренних структурных дисбалансов, а с внешними шоками (тотальными санкциями), которые, по всей видимости, будут иметь долгосрочный характер. В среднесрочной перспективе на стагнацию экономики будет оказывать влияние целый ряд факторов.

Во-первых, так как санкционный кризис вызван внешними геополитическими причинами, неопределенность в экономике будет сохраняться на высоком уровне до их исчерпания. Однако в сложившихся геополитических реалиях трудно предсказать, что это возможно ранее 2024 г. **При этом завершение военной фазы конфликта на Украине не приведет автоматически к отмене или серьезному ослаблению экономических санкций. Поэтому было бы реальнее исходить из того, что экономические санкции против России будут сохраняться достаточно долго, а значит, причины, породившие кризисные явления, также могут принять затяжной характер.**

Во-вторых, относительно благоприятные для России экономические итоги прошлого года были вызваны не только адекватными мерами ЦБ и Правительства, но и благоприятной ценовой конъюнктурой на экспортируемые из России энергоносители. **Скорее всего, уже в текущем году конъюнктура может ухудшиться в связи с высокой вероятностью замедления темпов экономической динамики в мире, прежде всего, в ЕС, США, КНР, что станет сдерживать и ценовую динамику на экспортируемые энергоносители и другие сырьевые товары.**

В-третьих, наиболее чувствительные санкции (в первую очередь отказ от импорта российских энергоносителей) еще только начинают реализовываться. Даже в случае улучшения геополитической ситуации ждать изменения данной усиливающейся тенденции не стоит. **Вероятно, следует исходить из понимания, что Россия теряет европейский рынок газа (порядка 100 млрд м³), а переориентация на восточные рынки потребует времени и значительных инвестиций.**

В-четвертых, из-за сокращения доходов от экспорта энергоносителей уменьшатся нефтегазовые доходы, доля которых в 2020 г. составляла 25,7% федерального бюджета, при том, что сам объем нефтегазовых доходов сократился, по сравнению с 2019 г., на 2,8 трлн руб.¹ При этом сокращение доходов бюджетной системы будет проходить на фоне необходимости увеличения расходов, связанных с проведением СВО, восстановлением и интеграцией в российское пространство ряда бывших регионов Украины. В свою очередь, это ограничит ресурсные возможности для финансирования расходных статей бюджета (связанных с выполнением социальных обязательств государства), что будет сдерживать темпы роста реальных доходов населения и, следовательно, ограничивать спрос со стороны домохозяйств и возможность стимулировать экономический рост путем наращивания потребительского спроса за счет интенсивного кредитования населения (как это происходило в России в прежние годы). В итоге, главным фактором поддержания спроса останутся государственные инвестиции, в том числе, в транспортную и иную инфраструктуру.

В-пятых, ограничения на экспорт в Россию технологического инвестиционного оборудования **будут сдерживать динамику инвестиций в основной капитал и тормозить технологическую модернизацию национальной экономики.** По оценкам Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), доля импорта товаров из объявивших ограничительные меры государств (США, стран ЕС, Канады, Великобритании, Японии, Южной Кореи и др.) в общем объеме конечного потребления Россией товаров и услуг составляет 3,9%.

Наибольший вред санкции могут нанести фармацевтической отрасли: доля лекарств из стран, которые ввели ограничения, составляет в России почти половину всего конечного потребления фармацевтической продукции (48,2%). На втором месте — сфера химических веществ и продуктов (44,7% конечного потребления попало под санкции), а на третьем — производство самолетов, кораблей, железнодорожных локомотивов (32,2%). Значительная зависимость от импорта из стран, объявивших санкции, также наблюдается в автомобилестроении (27%), изготовлении резиновых и пластмассовых изделий (26,8%), производстве бумаги (19,9%) и электрического оборудования (19,4%). Ситуация усугубляется транспортной блокадой, которая касается российского морского, авиационного и автомобильного транспорта².

В краткосрочном периоде наиболее тяжелым последствием санкций является сокращение критического импорта — электронных компонентов, фармацевтики, промежуточной продукции для автопрома и авиапрома. Снижение поставок такой продукции создает угрозу резкого уменьшения выпуска, а в отдельных случаях — и остановки производства, что в конечном счете сказывается и на ВВП, и на занятости, и на доходах населения. Кроме того, эта ситуация провоцирует превышение спроса над предложением, а значит, и рост цен.

В среднесрочном периоде (но с долгосрочными последствиями) существенное влияние начнут играть ограничения поставок инвестиционного оборудования и технологий для достаточно широкого круга секторов российской экономики. Санкционное давление в технологической сфере в основном проявляется в виде ограничения доступа России к импорту высокотехнологичных товаров и технологий (более 50% импорта из стран дальнего зарубежья), блокирования деятельности крупных российских предприятий, ухода из страны иностранных высокотехнологичных компаний, приостановки научно-технологического сотрудничества по международным проектам и членства России в ряде международных компаний.

¹ URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2019/12/main/Budzheth_dlya_grazhdan_2020-2022.pdf

² Расчет был проведен на данных ФТС об импорте в Россию и межотраслевом балансе Росстата за 2019 г. (таблицы использования товаров и услуг). URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/03/21/623323de9a79475581a199ea>

Цель этих санкций — подорвать технологическую мощь страны, снизить конкурентоспособность отечественной экономики, нанести удар по стратегическим отраслям (включая развитие ОПК, аэрокосмическую промышленность, судостроительный комплекс), замедлить освоение технологий шестого технологического уклада — искусственного интеллекта, квантовых вычислений и т.п. Предпринимаемые санкционные меры усиливают угрозы технологической изоляции России и чреваты оттоком высококвалифицированных кадров и ученых, подрывом потенциала для роста конкурентоспособности.

Кроме того, торговая блокада вкупе с утратой возможности выхода на мировые финансовые рынки приведет к ограничению доступа к инвестиционным ресурсам. При этом речь идет не столько о финансовых ресурсах, сколько об материально-технологическом наполнении инвестиционного процесса. Произошедшая в постсоветский период деградация промышленного потенциала привела к высокой зависимости (70–80%) инвестиционного процесса от импортного оборудования, масштабы которой на 2020 г. оценивались в 5,6 трлн руб., в то время как объем выпуска продукции инвестиционного назначения [производство машин и оборудования, электротехнического оборудования, транспортных средств и оборудования (кроме автомобильной техники)] едва ли превышал 4,7 трлн руб.³ Такая зависимость от импорта машин и оборудования означает замкнутость на внешние рынки воспроизводственного процесса в части получения по импорту необходимых средств производства и поддержания их в рабочем состоянии. Эмбарго на поставки данного оборудования в Россию, которое в атмосфере антироссийского психоза быстро распространилось не только на круг подсанкционных (нефтегазовый сектор, энергетика, ОПК), но и на другие отрасли, уже в течение ближайших одного-двух лет может начать генерировать проблемы, связанные с нехваткой реальных ресурсов для эффективной эксплуатации такого оборудования и поддержания досанкционных объемов выпуска. Все это будет оказывать негативное воздействие на темпы экономической динамики в различных секторах.

³ Оценки сделаны на основе данных «Инвестиции в России 2021»; «Российский статистический ежегодник 2021».

Не следует возлагать большие надежды и на так называемый параллельный импорт. Эксплуатация сложного инвестиционного оборудования требует технологического сопровождения (консультации), качественного ремонта, надежного доступа к запасным частям, что трудно обеспечить при обходных схемах поставки. Дефицит импортных комплектующих или их замена на менее производительные отечественные изделия неизбежно повышают удельные затраты для предприятий.

Таким образом, введенные западными странами экономические санкции в технологической сфере являются для России наиболее болезненными, поскольку могут иметь долгосрочный негативный эффект, усиливая угрозу технологической деградации производственного потенциала и снижения конкурентоспособности выпускаемой продукции. Во многих секторах, лишившихся доступа к технологическим инновациям и высокопроизводительной технике, неминуемо начнется падение эффективности и производительности труда, что на фоне демографических ограничений, опять же, может сдерживать потенциал экономического роста.

Вместе с тем следует иметь в виду, что, по сути, отмеченные выше санкционные риски и угрозы являются следствием (обострением) рисков и угроз, порожденных сложившейся в нулевые годы и функционирующей в России сырьевой экспортоориентированной экономической моделью. Для нее характерны низкие темпы экономической динамики, ущербная структура экономики и технологическая зависимость ее гражданских отраслей, слабая инвестиционная и инновационная активность, а также открытая финансовая система, способствующая устойчивому оттоку капиталов из страны [1].

Открытость российской финансовой системы выступала необходимым условием экспортоориентированной модели экономики, выстраиваемой на базовых принципах Вашингтонского консенсуса. Такая открытость имела разнонаправленные последствия для развития отечественной экономики. С одной стороны, введение в 1992 г. внутренней конвертируемости национальной валюты рассматривалось в качестве важнейшего инструмента обеспечения открытости экономики и привлечения в нее внешних инвестиций. Иностранные инвестиции активно вошли в целый ряд высокоприбыльных секторов российской эконо-

мики — нефтедобычи, пищевой промышленности, автопрома, торговли, консалтинга и страхования, банковского дела и пр. В то же время конвертируемость, которая не основывалась на росте конкурентоспособности национального хозяйства, означала изменение эмиссионной политики ЦБ. Если в советский период размеры эмиссии увязывались с масштабами хозяйственного оборота и обеспечивались всеми ресурсами, вовлекаемыми в него, то конвертируемость предполагает жесткую привязку масштабов эмиссии к динамике валютных поступлений в экономику и зависит от размеров экспорта и внешнего кредитования экономики через коммерческие кредиты и финансовые рынки. Поскольку открытость российской экономики не основывалась на росте ее конкурентоспособности в результате структурной и технологической модернизации, эмиссия базировалась на экспортных возможностях узкой группы отраслей: ТЭК, металлургии, базовой химии, а также валютных поступлениях на финансовый рынок от внешних инвесторов. Строго говоря, финансовая система страны была «подсажена» на «валютную иглу», порождающую ее высокую уязвимость для внешних шоков и хроническую денежную анемию во всей экономике при значительных масштабах вывоза капитала из страны, объемы которого в 2022 г., по некоторым оценкам, могут достигнуть 200 млрд долл. США. Если оценивать реальные результаты тридцатилетнего функционирования России в глобальной финансовой системе, то оно имело, скорее всего, негативные последствия, консервируя и углубляя сложившиеся к началу 90-х гг. структурные диспропорции советской экономики и еще более осложняя условия для адаптации национального хозяйства к новым реалиям глобальной конкуренции. Введенные в 2022 г. санкции против финансового сектора России, по сути, выталкивают страну из глобальной финансовой системы, основанной на долларе США и подконтрольных им международных финансовых институтах, что является дополнительным серьезным вызовом для России, требующим адекватного ответа в виде формирования суверенной денежно-кредитной системы страны.

СЦЕНАРНЫЕ ВАРИАНТЫ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ

В настоящее время пока еще сложно делать прогнозы о сроках завершения российско-укра-

инского конфликта и его последствиях для российской экономики. Продолжительность и глубина спровоцированной санкционной атакой рецессии российской экономики будет зависеть от продолжительности и ожесточенности собственно военной стадии конфликта и формата его завершения. Не следует исключать вероятность ее затягивания за границы 2023 г. и даже расширения за счет вовлечения новых участников из числа соседних с Украиной стран НАТО при активизации их материально-технической поддержки со стороны ведущих стран альянса — США, Англии, ФРГ и др. В этом случае перед страной может встать задача расширения мобилизационных инструментов в экономике в целях наращивания масштабов централизации ресурсов для продолжения военного противостояния⁴.

Другим возможным сценарием станет затухание к 2024 г. острой фазы военного конфликта и достижение договоренностей с Западом о признании сложившегося на тот период статус-кво, удовлетворяющего Россию, с формальным сохранением основных санкционных ограничений, их последующим постепенным «размыванием» и возвращением российской экономики на тренд экономической динамики, существовавший до обострения украинского кризиса. По сути, речь идет о восстановлении или продолжении функционирования российской экономики в формате сложившейся докризисной сырьевой модели со сменой европейских внешнеэкономических партнеров на восточных, но с сохранением целого ряда экономических вызовов и угроз, которые сформировались до обострения конфликта и не

⁴ Экономическая мобилизация (от фр. Mobilizer — приведение в движение) — комплекс мероприятий, обеспечивающих перевод имеющихся экономических ресурсов на особый режим функционирования, обычно связанный с военным временем. Содержательно механизмы мобилизационной экономики означают ограничение, в той или иной степени, свободного распределения (движения) экономических ресурсов на основе рыночных механизмов и усиление административных инструментов распределения материальных, трудовых, финансовых и валютных ресурсов в интересах наращивания военного потенциала. В широком понимании экономическая мобилизация может означать формирование механизмов концентрации экономических ресурсов для скорейшего достижения иных (не военных) первоочередных целей экономической политики, связанных с ускорением экономической динамики, структурной и технологической модернизацией национальной экономики, преодолением каких-либо иных угроз национальному развитию.

исчезнут сами по себе с прекращением военной фазы противостояния на Украине.

Таким образом, возвращение к инерционному сценарию, скорее всего, будет означать сохранение в долгосрочном периоде существующей структуры российской экономики, а также более низкий, чем в среднем за 2000–2019 гг., вклад технологического прогресса в рост ВВП. Кроме того, необходимо учитывать негативные демографические тенденции, которые не смогут компенсироваться ростом производительности. Такие процессы, особенно в условиях внешнеэкономических ограничений, вероятно, не позволят ускорить темпы экономической динамики и повысить уровень конкурентоспособности российской экономики.

Если оценивать более долгосрочную перспективу за рамками 2025 г., то возвращение на инерционный сценарий экономического развития, возможно, приведет к дальнейшему затуханию темпов экономической динамики российской экономики. По оценкам ИМП РАН, при инерционном сценарии развития экономики России среднегодовые темпы прироста ВВП могут снизиться в 2021–2025 гг. с почти 2% до 1,2%; в 2026–2030 гг. они не превысят 1,7%, а в 2031–2040 гг. уменьшатся до 1,6% [2]. Такая динамика вряд ли может оцениваться как приемлемая на фоне темпов экономического роста новых основных экономических партнеров России на Востоке — КНР и Индии, которые, скорее всего, будут оставаться гораздо выше (4–6% годового прироста ВВП) в достаточно продолжительной перспективе. Следовательно, России для поддержания своей относительной экономической мощи необходимо ориентироваться на аналогичные темпы экономического роста.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ДЛЯ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Чтобы ускорить среднегодовые темпы экономической динамики (прироста ВВП) хотя бы до 3–4% среднемировых после завершения острой фазы конфликта, потребуются вывод российской экономики на качественно новый тренд социально-экономического развития на основе ее масштабной структурной и технологической модернизации, а также активизация мер по преодолению сложившихся ранее структурных дисбалансов, формирующих основные риски и угрозы динамичному социально-экономическому

му развитию страны. В свою очередь, для этого необходим существенный рост эффективности функционирования инвестиционного контура экономики. Такое совершенствование должно затрагивать процесс формирования структурных и технологических приоритетов инвестиционной деятельности и систему стимулирования к ее активизации хозяйствующих субъектов, а также финансовые механизмы ее обеспечения [3]. Несмотря на то что необходимость смены сложившейся модели функционирования национальной экономики на протяжении довольно длительного периода отмечается в научном и аналитическом сообществе, по многим вопросам не удалось сформировать консенсусных позиций, необходимых для практической реализации ее давно назревшей трансформации [4–6].

Прежде всего так и не сформирован «образ будущего» для России, опираясь на который можно конкретизировать целевые ориентиры структурного разворота российской экономики (с учетом места нашей страны в евразийской системе разделения труда и перспектив формирования новых воспроизводственных цепочек на восточном направлении), определить основных внешнеэкономических партнеров и ресурсы. Важнейшим инструментом этого процесса должна стать *разработка долгосрочной Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2035 года*, в рамках которой необходимо обозначить основные направления и стратегические подходы социально-экономического развития страны в новых геополитических и геоэкономических реалиях. Для достижения целей, заложенных в такой Стратегии, необходимо реализовывать программы, включающие набор инструментов для проведения государственной политики в приоритетных сферах и отраслях экономики, как это и предусмотрено Федеральным законом № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации», принятом еще в 2014 г., но так и не применяемом на практике. Реализация положений Закона позволит повысить качество *стратегического управления* экономическим развитием на основе формирования отлаженной эффективной системы планирования и прогнозирования, включая оценку рисков (последствий реализации) проектов решений, а также механизм согласования отраслевых, частных и региональных интересов, подчиненный интересам развития страны в целом.

Следует отметить, что и в складывающейся новой геоэкономической реальности остаются актуальными неоднократно озвученные основные направления структурной модернизации российской экономики. Во-первых, это формирование ядра производств нового перспективного технологического уклада на основе нано-, био-, информационных и когнитивных технологий (NBIC-технологий) как основы для поддержания на необходимом уровне обороноспособности и геополитического суверенитета страны, а также позиционирования ее на новых перспективных товарных рынках [7]. Разворачивающаяся в стране широкомасштабная цифровизация различных сфер деятельности затрагивает лишь одно из базовых направлений перехода к новому технологическому укладу, который включает в себя более широкий набор базовых технологий. Помимо этого, в российских реалиях масштабы цифровизации будут сдерживаться высокой зависимостью от импортных программных решений и оборудования для ИТ-технологий. Кроме того, цифровизация в производственном секторе российской экономики может сдерживаться высокой зависимостью от импорта технологического оборудования и технологий с соответствующим программным обеспечением [8].

Во-вторых, это масштабное импортозамещение в производстве машин и технологического оборудования для основных секторов национальной экономики с целью обеспечения технологического суверенитета и воспроизводственного процесса на собственной технологической основе [9]. Наконец, это повышение глубины переработки экспортируемых топливно-энергетических и сырьевых ресурсов для повышения эффективности экспорта.

При существенной активизации инвестиционного процесса, повышении доли инвестиций в нефинансовые активы (прежде всего, в основной капитал отраслей обрабатывающего сектора промышленности) реализация задачи масштабной структурной модернизации российской экономики будет осуществляться достаточно долго (вряд ли менее десятилетия). Напомним, что в соответствии с установками Указа Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» предусматривалось увеличение капиталовложений к 2030 г. в 1,7 раза, или на 14,7 трлн руб. в текущих ценах. В пересчете

на среднегодовые показатели это предполагает ежегодный прирост инвестиций в течение десятилетия на уровне не ниже 5,5%, или 1,5 трлн руб. в год. Такую динамику, конечно, трудно считать инвестиционным бумом, хотя она и предусматривает практически полуторакратный прирост по сравнению с 2010–2020 гг. (1,01 трлн руб.)⁵.

Важно обратить внимание на отраслевую структуру инвестиций в основной капитал в разрезе видов деятельности. Так, в 2020 г. инвестиции в обрабатывающие производства составили лишь 14,6% (2,94 трлн руб.) от общего объема инвестиций в основной капитал (увеличившись с 2015 г. в текущих ценах на 35%), в то время как общий объем инвестиций в нефинансовые активы за тот же период возрос на 44,7%.

Если рассматривать динамику инвестиций в разрезе видов деятельности, формирующих современное гражданское машиностроение и приборостроение, то за период 2015–2020 гг. они выросли лишь на 5%, с 405,5 до 429 млрд руб., а их доля в общем объеме инвестиций в промышленность снизилась с 8,9 до 6,9%. При этом в области производства машин и оборудования объемы инвестиций с 2015 г. устойчиво снижались в текущих ценах с 82,1 до 60,8 млрд руб. на протяжении всего периода. Соответственно, их доля в общем объеме инвестиций в российскую промышленность упала с 1,8 до 0,97%⁶. Аналогичная ситуация отмечалась и в других технологически емких видах деятельности — производстве компьютеров, электронных и оптических изделий, электрического оборудования, автотранспортных средств. При такой инвестиционной активности не удивительно, что результаты проводимого с 2015 г. импортозамещения в гражданском машиностроении и приборостроении более чем скромные.

Переход к новой экономической модели развития российской экономики предполагает формирование эффективной **системы стимулирования хозяйствующих субъектов к инновационной и инвестиционной деятельности**. Ключевой задачей экономической политики становится создание таких условий для бизнеса, которые бы мотивировали его к вложению инве-

⁵ Рассчитано на основе данных «Инвестиции в России 2021». URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_56/Main.htm

⁶ Рассчитано на основе данных «Инвестиции в России 2021». URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_56/Main.htm

стиций и инновациям в качестве основных инструментов обеспечения динамичного и устойчивого роста конкурентоспособности и прибыли.

Этому должна содействовать эффективная система налоговых льгот для затрат на инвестиции и инновации и целевое налоговое воздействие на соотношение распределения прибыли, направляемой производителем на потребление и инвестирование [10].

По нашему мнению, стимулирование инвестиционной и инновационной деятельности может осуществляться путем введения специального инвестиционного налогового вычета (до 50% налогооблагаемой прибыли) при повышении номинальной ставки налога на прибыль до 28–30%. Таким образом, реальная ставка налогообложения прибыли в случае инвестиционного вычета может быть снижена до 14–15%. Средства инвестиционного вычета могут резервироваться на специальных инвестиционных счетах хозяйствующих субъектов с регламентированным направлением их использования на инвестиционные цели.

Важным для формирования системы стимулирования инвестиций и инноваций становится прозрачность затрат и результатов хозяйственной деятельности и изъятие через налогообложение сверхприбыли рентного характера, не связанной с ростом масштабов и эффективности такой деятельности. Инструментом обеспечения такой прозрачности может стать активизация ценовой политики в отношении продукции ТЭК, а также металлургии, химической промышленности, производства строительных и других материалов, формирующих затраты в области обрабатывающего сектора экономики. Для такой продукции могут определяться «эталонные цены» с учетом реальных воспроизводственных условий (себестоимость производства плюс экономически обоснованная прибыль), которые не заменяют рыночные цены, а используются для определения реальных объемов налогооблагаемой прибыли, формируемой в условиях реализации продукции по реальным рыночным ценам.

Установление такого принципа формирования цен на сырьевые товары и полуфабрикаты позволит, исходя из существующей структуры затрат, снизить издержки на продукцию обрабатывающих отраслей и существенно повысить их ценовую конкурентоспособность на внутреннем и мировых рынках.

Переход к политике активной поддержки масштабной структурной и технологической модернизации российской экономики потребует кардинального наращивания инвестиций в основной капитал отраслей реального сектора, мобилизации финансовых ресурсов для финансирования расширенных инвестиционных программ.

Санкции в финансовой сфере, введенные против России и блокирующие возможности нормального функционирования ее экономики в глобальной финансовой системе, диктуют необходимость выстраивания суверенной денежно-кредитной политики, ориентированной на финансовое обеспечение структурной и технологической модернизации национальной экономики, устойчивых и динамичных темпов экономического роста [11].

Масштабы инвестиционного кредитования могут быть кардинально расширены в рамках формирования специального *инвестиционного финансового контура на основе специализированных государственных институтов развития (по сути, специализированных инвестиционных банков)*, которые осуществляли бы финансирование масштабных инвестиционных проектов в приоритетных сферах национальной экономики на кредитной основе [12].

Речь может идти о существенном наращивании (на триллионы рублей) масштабов целевого кредитования приоритетных инвестиционных проектов через специализированные институты развития, как это уже практикуется ВЭБ, Фондом развития промышленности и пр. Рефинансирование таких институтов может осуществляться ЦБ через скупку долговых обязательств, эмитируемых институтами, под гарантии государства, с зачислением объема такой эмиссии на внутренний госдолг, обслуживание которого производится за счет текущих доходов федерального бюджета. Поскольку наращивание внутреннего долга происходит за счет кредитных (возвратных) ресурсов, механизм погашения долговых обязательств институтов развития перед ЦБ встроен в саму схему кредитования, а общие масштабы такой целевой кредитной эмиссии должны лимитироваться размером имеющихся в экономике реальных инвестиционных ресурсов (оборудование, сырье и материалы, валютные ресурсы) для отобранных инвестиционных проектов.

Финансирование конкретных инвестиционных проектов осуществляется на основе сов-

местного участия (долевого софинансирования) государственного института развития и частных инвесторов. Институты развития в такой схеме выступают в роли квалифицированного кредитора — посредника между эмиссионным центром и частными инвесторами, а долговые обязательства по проекту в конечном итоге ложатся на частных инвесторов, которые после погашения всех долговых обязательств становятся собственниками созданных активов.

Кроме того, необходима реализация целого комплекса мер по обеспечению прозрачности функционирования денежных потоков, формированию затрат и результатов, ограничению валютных спекуляций и утечки капиталов за рубеж. Все отмеченные условия должны формироваться в рамках общей трансформации сложившейся хозяйственной модели в направлении повышения заинтересованности бизнеса в активизации инвестиционной и инновационной деятельности.

В то же время в среднесрочной перспективе возрастает актуальность формирования альтернативной долларовой параллельной системы международных расчетов. В такой системе с применением национальных валют заинтересованных стран в качестве инструментов курсообразования могла бы использоваться корзина иных твердых валют, включая специальные средства заимствования МВФ, золото и набор стратегических сырьевых товаров.

ВЫВОДЫ

Масштабные экономические санкции, введенные против Российской Федерации и охватывающие финансовую и внешнеторговую сферы, формируют новую геоэкономическую реальность для российской экономики, создают очередные и усиливают сложившиеся ранее угрозы социально-экономическому развитию страны. По сути, перед нами встала проблема выбора. Если оставить за

рамками анализа сохраняющуюся вероятность расширения или пролонгации острой фазы открытого противостояния со странами НАТО на Украине и необходимости перевода экономики на мобилизационные условия, остаются два сценария развития российской экономики. Первый включает воспроизводство сложившейся экспортоориентированной сырьевой модели экономики с переориентацией от западных партнеров на восточных соседей с воспроизводством всех структурных рисков и угроз, связанных с ее функционированием, включая геополитические.

Второй связан с повышением самодостаточности экономического развития страны на основе преодоления структурных диспропорций и ускорения экономической динамики. Реализация такого давно назревшего сценария предусматривает масштабную структурную и технологическую модернизацию экономического потенциала, а также диверсификацию экспортного потенциала за счет среднетехнологичной и высокотехнологичной продукции обрабатывающих отраслей. В свою очередь, это потребует трансформации сложившейся в постсоветской России экономической модели путем стимулирования к активизации инновационной и инвестиционной деятельности, расширения ресурсной базы для реализации структурного разворота экономики. Стимулирование инновационной и инвестиционной деятельности в отраслях обрабатывающего сектора предлагается проводить на основе реформирования налогообложения прибыли и обеспечения прозрачности процесса формирования затрат и результатов хозяйственной деятельности. Материальное обеспечение процесса структурной трансформации российской экономики предлагается осуществлять на основе расширения целевой кредитной эмиссии для финансирования институтов развития и приоритетных инвестиционных проектов различной отраслевой направленности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аганбегян А.Г. Новой России — 30 лет. Достижения и упущения (социально-экономический анализ). *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2020;(3–4):29–73.
2. Широ А. А., ред. Потенциальные возможности роста российской экономики: анализ и прогноз. *Научный доклад*. М.: Артк Принт; 2022. 296 с.
3. Аганбегян А.Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста. *Проблемы прогнозирования*. 2019;(1):3–15.
4. Ивантер В.В., Порфирьев Б.Н., Широ А.А. От модернизации экономической политики к качественному росту экономики. *Российский экономический журнал*. 2016;(1):3–15.

5. Ахапкин Н.Ю., Никифоров Л.В., ред. Социально-экономические условия перехода к новой модели экономического роста. М.: Инфра-М; 2017. 298 с.
6. Клепач А.Н. Социальный и инновационный поворот российской экономики: планы и реальность. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2021;227(1):30–91. DOI: 10.38197/2072–2060–2021–227–1–30–91
7. Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Российская экономика: поиск эффективной стратегии. *Мир новой экономики*. 2018;12(1):6–21. DOI: 10.26794/2220–6469–2018–12–1–6–21
8. Ленчук Е.Б., ред. Формирование цифровой экономики в России: вызовы, перспективы, риски. СПб.: Алетейя; 2020. 320 с.
9. Сухарев О.С., Глазунова В.В. Обрабатывающие производства России: структура инноваций и стратегия экспорта и замещения импорта машин. *Экономические стратегии*. 2019;21(6):78–89. DOI: 10.33917/es-6.164.2019.78–89
10. Лыкова Л.Н. Налоговая поддержка инновационно-инвестиционной активности и использование институтов бюджетно-финансовой системы в реализации политики структурной модернизации экономики. Структурная модернизация российской экономики: условия, направления, механизмы. СПб.: Алетейя; 2022:218–447.
11. Ершов М.В., Танасова А.С. О некоторых механизмах стимулирования кредитования. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2020;225(5):104–113. DOI: 10.38197/2072–2060–2020–225–5–104–113
12. Филатов В.И. Финансовые ресурсы роста российской экономики. *Мир новой экономики*. 2021;15(2):97–106. DOI: 10.26794/2220–6469–2021–15–2–97–106

REFERENCES

1. Aganbegyan A. G. The new Russia 30 years later: Achievements and shortcomings (a socioeconomic analysis). *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii = The Russian Public Opinion Herald: Data. Analysis. Discussions*. 2020;(3–4):29–73. (In Russ.).
2. Shirov A.A., ed. Potential growth opportunities for the Russian economy: Analysis and forecast. Scientific report. Moscow: Artik Print; 2022. 296 p. (In Russ.).
3. Aganbegyan A. G. On immediate actions to reinvigorate social and economic growth. *Studies on Russian Economic Development*. 2019;(1):3–15. (In Russ.).
4. Ivanter V.V., Porfiriev B.N., Shirov A.A. From economic policy upgrading to a qualitative economic growth. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*. 2016;(1):3–15. (In Russ.).
5. Akhapiin N. Yu., Nikiforov L.V., eds. Socio-economic conditions of transition to a new model of economic growth. Moscow: Infra-M; 2017. 298 p. (In Russ.).
6. Klepach A.N. Social and the innovative turn of the Russian economy: plans and reality. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2021;227(1):30–91. (In Russ.). DOI: 10.38197/2072–2060–2021–227–1–30–91
7. Lenchuk E.B., Filatov V.I. The Russian economy: Searching for effective strategy. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2018;12(1):6–21. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220–6469–2018–12–1–6–21
8. Lenchuk E.B., ed. Formation of the digital economy in Russia: Challenges, prospects, risks. St. Petersburg: Aletheia; 2020. 320 p. (In Russ.).
9. Sukharev O.S., Glazunova V.V. Manufacturing in Russia: Structure of innovations and export strategy and replacement of import of machines. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*. 2019;21(6):78–89. (In Russ.). DOI: 10.33917/es-6.164.2019.78–89
10. Lykova L.N. Tax support for innovation and investment activity and the use of institutions of the budgetary and financial system in the implementation of the policy of structural modernization of the economy. In: Structural modernization of the Russian economy: Conditions, directions, mechanisms. St. Petersburg: Aletheia; 2022:218–447. (In Russ.).
11. Ershov M.V., Tanasova A.S. About some mechanisms of stimulating credit growth. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2020;225(5):104–113. (In Russ.). DOI: 10.38197/2072–2060–2020–225–5–104–113

12. Filatov V.I. Financial resources for the growth of the Russian economy. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2021;15(2):97–106. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220–6469–2021–15–2–97–106

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment to the Financial University.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Владимир Иванович Филатов — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра инновационной экономики и промышленной политики, Институт экономики РАН, Москва, Россия

Vladimir I. Filatov — Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Center for Innovative Economics and Industrial Policy of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-8119-5836>

filatov.vladshimir@yandex.ru

Сергей Алексеевич Побываев — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра стратегического прогнозирования и планирования Института экономической политики и проблем экономической безопасности департамента экономической безопасности и управления рисками факультета экономики и бизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия

Sergey A. Pobываев — Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Center for Strategic Forecasting and Planning, Institute for Economic Policy and Economic Security Problems, Department of Economic Security and Risk Management, Faculty of Economics and Business, Financial University, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-7312-7059>

fm.fa@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.01.2023; после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 20.02.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.01.2023; revised on 30.01.2023 and accepted for publication on 20.02.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-56-67
УДК 330.88(045)
JEL B20

Теория и практика борьбы с экономическим кризисом (о Нобелевской премии по экономике в 2022 году)

Ю.П. Воронов

Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются результаты исследований лауреатов Нобелевской премии по экономике 2022 г. Автор разъясняет значение необходимых терминов: «денежно-кредитный мультипликатор», «ликвидность», «закладная», «ипотечные облигации». Кроме того, рассмотрен психологический фактор формирования критических ситуаций в банковской сфере так, как его трактовали лауреаты. Обсуждается вопрос о причинах традиционного низкого значения денежно-кредитного мультипликатора в СССР и постсоветской России по сравнению с США и другими странами с развитой рыночной экономикой. Проанализирована роль «доктрины реальных векселей» в деятельности Федеральной резервной системы США и лично Бена Бернанке. Описана «осторожная» линия поведения этого лауреата в ходе борьбы с кризисом 2008 г. Подробно рассмотрена принадлежащая лауреатам модель динамики ликвидности, которая широко обсуждается в научной среде.

Ключевые слова: глобальный кризис; чикагская школа политэкономии; государственное вмешательство; функции банков; ипотека

Для цитирования: Воронов Ю.П. Теория и практика борьбы с экономическим кризисом (о Нобелевской премии по экономике в 2022 году). *Мир новой экономики*. 2023;17(1):56-67. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-56-67

ORIGINAL PAPER

Theory and Practice of Overcoming an Economic Crisis (on the Nobel Prize in Economics in 2022)

Y.P. Voronov

Institute of Economics and Industrial Engineering,
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

ABSTRACT

The article analyzes the Nobel Prize winners in economics of the 2022's research results. The author explains the meaning of the terms which are necessary for the analysis: money multiplier, liquidity, mortgage, mortgage bonds. In addition, the psychological factor in the formation of critical situations in the banking sector is considered the way it was interpreted by the winners. The article analyzes the reasons which led to the lower position of the USSR's and modern Russia's money multiplier compared to the position of the multiplier of the countries with developed market economies including, first of all, the USA. The paper also discusses the role which the "real bills doctrine" played in the activity of the US Federal Reserve System and Ben Bernank personally. Ben Bernank's cautious line of behavior during the overcoming the 2008 crisis is described. The model of liquidity dynamics which belongs to the laureates and that is vividly discussed in the scientific community is considered in detail.

Keywords: global crisis; Chicago school of political economy; government intervention; banking functions; mortgage

For citation: Voronov Y.P. Theory and practice of overcoming an economic crisis (on the Nobel Prize in economics in 2022). *The World of New Economy*. 2023;17(1):56-67. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-56-67

ВВЕДЕНИЕ

Нобелевскую премию по экономике в 2022 г. получили три американских профессора, что вряд ли можно считать необычным. В последнее время экономистам из других стран премии доставались лишь в 2014 и в 2009 гг. Премия вручена Бену Бернанке, Дугласу Даймонду и Филиппу Дыбвигу с формулировкой «они значительно улучшили наше понимание роли банков в экономике, особенно во время финансовых кризисов».

Кто же они?

Бен Шалом Бернанке родом из штата Джорджия. Его отец вместе с братом владел небольшой фармацевтической фирмой. Возможно, немного понять психологию лауреата нам такой поможет штрих: дед Бена Бернанке не подарил, а продал своим сыновьям долю в созданном им бизнесе. Он иммигрировал в США из Борисполя (сейчас это Украина, а тогда была Австро-Венгрия). Иммигранту было 30 лет и новую жизнь он начал с нуля, полагая, что сыновья должны быть не хуже него. Поэтому естественно, что уже в подростковом возрасте Бен зарабатывал сам: разнорабочим на стройке, официантом в ресторане и продавцом в магазине.

Бен Бернанке получил очень качественное образование: учился в Гарвардском университете на бакалавра экономики и в Массачусетском технологическом институте, где был удостоен степени доктора экономики. В 1979 г. он защитил диссертацию по теме: «Долгосрочные обязательства, динамическая оптимизация и бизнес-цикл». Научным руководителем Бернанке был Стэнли Фишер, будущий управляющий Банка Израиля, а рецензентами — Роберт Солоу¹ и Питер Даймонд².

После этого он преподавал макроэкономику в ведущих университетах США. Долго нигде не задерживался, за исключением Принстонского университета, где 6 лет был деканом экономического факультета. Бен Бернанке возглавлял Федеральную резервную систему США (ФРС) с 2006 по 2014 г. В 2009 г. журнал Time признал его человеком года.

¹ Роберт Мертон Солоу — профессор Массачусетского технологического института, лауреат Нобелевской премии 1987 г. «за фундаментальные исследования в области теории экономического роста».

² Питер Артур Даймонд — профессор Массачусетского технологического института, лауреат Нобелевской премии по экономике 2010 г. «за исследования рынков с поисковыми помехами».

Дуглас Уоррен Даймонд — заслуженный профессор финансов Чикагского университета (Школа бизнеса Бута). Родился в пригороде Чикаго в семье врачей.

В 1975 г. получил степень бакалавра искусств в престижном частном Университете Брауна (Провиденс, штат Род Айленд). Затем, уже в Йельском университете, в 1977 г. получил степень магистра, а в 1980 г. — доктора экономики. До 1986 г. преподавал в том же Йельском университете, где стал профессором. Сейчас он — профессор Чикагского университета.

Кроме того, как приглашенный профессор Даймонд преподавал в университете Брауна и в Гонконгском университете науки и технологий. В целом, из всех трех лауреатов он больше всех похож на типичного американского профессора ведущего университета США.

Другое дело — **Филипп Дыбвиг**. Он получил две степени бакалавра (по математике и по физике) в Университете штата Индиана. После этого учился сначала в Пенсильванском, а затем в Йельском университете, где в 1979 г. получил докторскую степень по экономике. После этого еще год учился в Принстонском университете. Человек, проучившийся в четырех университетах по трем разным специальностям, уже может считаться неординарным.

Преподавать Ф. Дыбвиг начал в Вашингтонском университете, затем немного работал в Китае, в Юго-Восточном университете финансов и экономики в Ченду. На момент получения премии трудился в Массачусетском университете.

От стандартного образа американского профессора **Филипп Дыбвиг** отличается еще и тем, что он с удовольствием играет на нескольких музыкальных инструментах в студенческом ансамбле университета, сам пишет музыку, увлекается китайской гимнастикой и восточными единоборствами. Круг его интересов также шире, чем у обычного университетского профессора США, которые, как правило, не сосредотачиваются на одной-двух исследовательских темах. Кое-кто из наших экономистов наверняка сказал бы в его адрес: «Разбрасывается!».

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНЫЙ МУЛЬТИПЛИКАТОР

Без разъяснения, что такое «ликвидность», сложно рассказать о том, что собой представляют достижения лауреатов. Ликвидность товаров

и услуг — это их востребованность на рынке (это, в частности, касается и финансовых услуг). На втором уровне — ликвидность компаний, которые продают эти товары или оказывают услуги. В масштабе национальной экономики ликвидность — это интенсивность денежного обращения. Если денежно-кредитные средства в экономике активно работают, ее ликвидность можно считать высокой. Если деньги то и дело «зависают», то ликвидность экономики низкая. Фактически к этому могут быть сведены все определения ликвидности экономики.

Следующая обязательная для изложения темы категория — «денежно-кредитный мультипликатор». Он показывает соотношение суммы средств, находящихся в распоряжении коммерческого банка (вкладов и кредитов центрального банка), и тех кредитов, которые банк предоставляет своим клиентам. Мультипликативный эффект достигается за счет того, что сумма кредитов, выданных коммерческим банком, всегда больше той, что он получил от центрального банка. Впервые термин «мультипликатор» использовал британский экономист Р. Канн в 1931 г.³

В США в период Великой депрессии (в 1929 г.) мультипликатор был равен восьми. Перед кризисом 2008 г. он достиг уровня девяти. Затем денежный мультипликатор начал снижаться и к 2014 г. стал равен трем.

В нашей стране выданные кредиты всегда превышали возможности банков в 2,5–3 раза, не больше. Нежелание банков рисковать можно объяснить тем, что в условиях отсутствия реальных собственников финансовые структуры ведут себя как часть государственного аппарата, выполняющая указания и не проявляющая инициативы контроля со стороны.

Для стран с развитой рыночной экономикой низкий денежно-кредитный показатель означает острейший дефицит кредитных средств. Но экономика Советского Союза и постсоветской России в таких условиях существовала. Причину такой ее выносливости можно объяснить по-разному. В СССР народнохозяйственное планирование и определяемые связи между предприятиями

³ С тех пор он используется в работах по макроэкономике. В исследованиях, относящихся к микроэкономике и по отдельному банку, в показателе учитываются депозиты, средства вкладчиков. Иногда как самостоятельный в анализе применяется депозитно-кредитный показатель — соотношение депозитов и выданных кредитов.

позволяли снизить потребность в кредитах. В постсоветской России дефицит кредитных средств привел к резкому сокращению расходов на науку, модернизацию производства и новые разработки в научно-технической сфере, что также снизило потребность в кредитных средствах.

В 1990-е гг., благодаря «мудрым» иностранным советникам, указывавшим на угрозу инфляции, мультипликатор стал еще ниже, что привело к кризису неплатежей. Проблема состояла в том, что усилилось воздействие на руководство и менеджеров: на верхнем уровне раздували угрозу инфляции, на нижних — невозврата конкретного кредита.

Определяющую роль в формировании такой тотальной тревожности играла психологическая неподготовленность участников к системе снижения рисков. Она, в свою очередь, объяснялась отсутствием традиций и непривычностью к использованию разных форм кредитования.

В сфере интересов лауреатов — доктрина реальных векселей. Сам термин был предложен в 1945 г. чикагским профессором Ллойдом Минцом в книге по истории банковского дела [1]. До этого доктрина называлась «теорией коммерческого кредита в банковском деле». Суть доктрины состоит в том, что, если кредит предоставляется под краткосрочные (до 90 дней) ценные бумаги, за которыми стоят еще не произведенные, но уже находящиеся в процессе производства товары, то на деньги, полученные в кредит, вполне можно будет их произвести и продать. Тогда объемы производства в денежном выражении будут соответствовать сумме выданных кредитов, а проценты по кредитам не вызовут рост цен. Соответственно, если коммерческий банк предоставляет кредиты, соблюдая доктрину реальных векселей, то центральный банк может предоставлять ему льготные кредиты, и денежно-кредитная система будет устойчивой.

Под своим первым названием доктрина восходит к знаменитому Джону Ло⁴ и классику Ада-

⁴ Джон Ло (1671–1729) — шотландский экономист, в 1705 г. выпустил трактат «Соображения о наличных деньгах и о торговле». В 1716 г. основал в Париже частный Всеобщий банк (Banque Generale), который стал выпускать бумажные деньги (банкноты). Они при предъявлении в банк в любой момент могли быть обращены в серебряные монеты. В 1718 г. Всеобщий банк был национализирован и стал Королевским. Репутация Джона Ло была подпорчена последующей его авантюрой с так называемой Миссисипской компанией, которая представляла собой один из первых в истории финансовых пузырей.

му Смиуту [2]. Последний считал, что надежным обеспечением любых кредитов может быть только земля как источник будущей сельскохозяйственной продукции.

Новая жизнь доктрины реальных векселей началась после статьи Т. Сарджента⁵ и Н. Уоллеса, опубликованной в начале 1980-х гг. [3]. В ней доктрина реальных векселей противопоставлялась количественной теории денег.

Из этого расхождения вытекают и две линии денежно-кредитной политики. В количественной теории денег собственно деньги отделены от кредитов (кредитных денег). Поэтому в ней политика направлена на регулирование денежной массы, находящейся в обращении. В доктрине реальных векселей максимально снимаются препятствия взаимного кредитования частных компаний, и действия центрального банка направлены на активизацию и повышение эффективности такого посредничества. Лауреаты премии 2022 г. в явной форме придерживались политики, которая вытекает из доктрины реальных векселей.

Согласно ей ФРС должна учитывать потребности экономики в повышении или понижении ликвидности с целью обеспечить финансовую и экономическую стабильность. При росте деловой активности ФРС должна учитывать спрос на кредиты, повышая ликвидность банков, при понижении ее — действовать в обратном направлении.

Согласно количественной теории денег не ФРС, а казначейство США⁶ должно увеличивать массу денег, находящихся в обращении, при росте деловой активности и сокращать ее при свертывании активности.

Основное преимущество регулирования кредитно-денежного обращения в экономике американского типа состоит в возможности использовать два способа. Первый — резервная валюта, функции которой в США выполняют казначейские обязательства. Если в экономике наблюдается дефицит денежных средств, государство скупает казначейские обязательства, в случае излишка — продает их. Второй способ — кредиты при высоких значениях денежно-кредитного мультипликатора.

⁵ Лауреат Нобелевской премии по экономике в 2011 г.

⁶ Позволю себе напомнить разницу: ФРС состоит из 12 резервных банков (частных), а Казначейство — основной государственный орган регулирования денежного обращения.

Теперь вернемся к доктрине реальных векселей, но уже в контексте действий одного из лауреатов. Бен Бернанке, только что приступивший к своим обязанностям в ФРС, сослался на нее на конференции Европейского Центробанка ЕЦБ в Германии в 2006 г. [4]. При этом он описал риски, которые ФРС будет оценивать при определении приемлемого уровня процентных ставок. У него, как у человека, внимательно изучившего историю Великой депрессии 1930-х гг., был вполне поучительный отрицательный пример. В своем выступлении Б. Бернанке упомянул его со ссылкой на одну статью [5]. В 2019 г. авторы этой статьи Томас Хамфри⁷ и Ричард Тимберлейк⁸ в своей книге развили обвинения в стимулировании кризиса 2008 г. в адрес конкретного человека [6].

Главным виновником Великой депрессии в книге определен член Совета управляющих ФРС в то время Адольф Миллер⁹. Следование доктрине реальных векселей заставило его написать письмо и разослать его по всем банкам — членам ФРС. В нем предлагалось выдавать кредиты только под реальные проекты. При этом от каждого банка, если он хочет получить финансовую поддержку ФВС, требовалось доказать, что он никогда не предоставлял и не собирался предоставлять «спекулятивные» займы, в частности для игры на бирже. Рекомендовалось также сообщать о фактах оказания на банк «прямого давления» со стороны заемщиков, равно как и о вынужденном «прямом давлении» со стороны банка на потенциальных заемщиков. Все договоренности между банком и заемщиком должны достигаться по взаимному согласию. Такое пожелание было бы понятным, если бы оно не исходило от одного из членов Совета управляющих ФРС.

Руководители большинства банков, получивших письмо «о прямом давлении», решили не отчитываться перед А. Миллером (а вдруг при расследовании что-то откопают?) и отказались от поддержки ФРС, решив, что и они не будут заниматься предоставлением кредитов, в том числе, частным

⁷ Томас МакГилливрей Хамфри — старший экономист Федерального резервного банка (Ричмонд), редактор журнала этого банка *The Economic Quarterly*.

⁸ Ричард Генри Тимберлейк (1922–2020) — профессор Университета штата Джорджия. Знаменит своим обзором решений Верховного Суда США в отношении денежно-кредитной сферы.

⁹ Адольф Каспар Миллер (1866–1953) — профессор Калифорнийского университета (Беркли), один из первых управляющих ФРС (1914–1936).

банкам, не входящим в состав ФРС. В результате без поддержки ФРС и ее членов денежно-кредитная масса за короткий срок сократилась на треть, что привело к банкротству 9 тыс. банков. Великая депрессия стала неизбежной.

На основании этого и авторы книги, и вслед за ними Бен Бернанке сделали вывод, что доктрина реальных векселей «метастабильна». Если руководствоваться ею, то можно привести экономику либо к массовому невозврату кредитов, либо — к массовой невыдаче их. Наиболее важным достижением Бена Бернанке, на мой взгляд, является то, что он не совершил опрометчивый поступок, как Альфред Миллер, а управлял ФРС во время событий 2008 г. очень осторожно, прекрасно понимая, что «пропасть» и справа, и слева.

Но дело не только в Альфреде Миллере, — задолго до него британский финансист Генри Торнтон¹⁰ критиковал доктрину реальных векселей, отмечая, что действия в соответствии с ней связывают денежно-кредитную массу не с реальными объемами производства, а с соотношением цены и этих объемов. В результате формируется положительная обратная связь: когда процент устанавливается ниже нормы прибыли, это приводит к ускорению инфляции.

ИПОТЕКА, ЗАКЛАДНАЯ, ИПОТЕЧНАЯ ОБЛИГАЦИЯ

Следующий шаг в объяснении достижений лауреатов требует определения нескольких понятий, относящихся к ипотечному кредитованию. Если вы что-то покупаете в ипотеку (квартиру или дом), то, помимо платежей по ипотеке, для предотвращения возможного невозврата кредита банк потребует от вас передать объект ипотеки в залог. Документ (бумажный или электронный), свидетельствующий о праве банка забрать в свою собственность квартиру или дом в критическом случае, в русском языке называется «закладная». Этот термин произошел от устаревшего слова «заклад» из оборота «биться об заклад», т.е. спорить на заранее оговоренную сумму или предмет¹¹. Если придерживаться русской традиции, то мы имеем дело со спором. Заемщик говорит: «Построю», а банк предлагает пари: «Спорим, что

¹⁰ Генри Торнтон (1760–1815) — британский экономист, член Парламента Великобритании, евангелист, активно боролся против рабства в Африке.

¹¹ Слово «биться» в данном обороте означает, что спор первоначально разрешался в кулачном бою.

не построишь». Закладная свидетельствует о том, что такое пари заключено. Она удобна во многих отношениях, прежде всего, при переуступке прав на участие в пари. После регистрации ипотеки банк становится законным владельцем закладной и зафиксированных в ней прав.

Следующие два шага превращают закладные в ценные бумаги (ипотечные облигации). Первый шаг — допустимость объединения нескольких закладных в один пакет, за которым закрепилось название «пул». Второй шаг — обезличка прав держателя пула закладных, — права касаются уже не конкретных квартир и домов, а всех обязательств со стороны ипотечных заемщиков. Ипотечные облигации становятся частью активов банка, что позволяет ему увеличить масштабы выдачи кредитов.

ПСИХОЛОГИЯ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Лауреатов Нобелевской премии 2022 г. придавали чрезвычайно важное значение психологии участников финансового рынка.

Здесь большую роль сыграли две статьи нобелевских лауреатов Б. Хольмстрема и Ж. Тироля, опубликованные в конце 1990-х гг. [7]. В них обсуждались возможные последствия высокой взаимной задолженности с учетом разных прогнозов и проблемы психологического восприятия событий, происходящих во время финансовых кризисов. Поднятая ими тема нашла свое продолжение в работах лауреатов премии 2022 г. В особенности это касается механизма формирования тревожности, перетекающей в панику на финансовых рынках.

Английский оборот *bank runs* трудно перевести на русский язык. Им обозначают массовое изъятие вкладчиками своих денег из банков (перевод «набег на банки» представляется крайне неточным). Это ситуация, когда клиенты узнают, что банк неплатежеспособен, а банк ради исполнения обязательств перед ними вынужденно прерывает кредитование многих проектов и начинает срочно продавать свои активы.

С другой стороны, государственные структуры могут сделать нечто такое, что снизит панические настроения. Страхование государством депозитов, по мнению лауреатов, способно укрепить убеждение, что вклады обязательно вернут. Но страхование — не единственный способ этого добиться. Д. Даймонд и Ф. Дыбвиг предлагали то, что впоследствии практически реализовал Б. Бернанке:

ФРС могла бы приобретать активы банков, и это увеличивало бы уверенность уже не вкладчиков, а банков. Но в модели результат был такой же, как и с государственным страхованием.

Благодаря модели Даймонда-Дыбвигга (ДД) мировая экономическая наука получила несколько понятий, которые облегчили исследование неопределенного будущего. Главное из них — «агрегированная неопределенность». Она складывается из нескольких компонент. Допустим, есть три участника рынка: вкладчик, банк и заемщик и у каждого своя неопределенность будущего. Когда кто-либо из них принимает решение, он преодолевает собственную неопределенность. Но для двух других к собственной неопределенности будущего добавляется неизвестность, на каком решении остановился этот участник рынка. Совокупность неопределенности рынка в агрегированной неопределенностью.

Эта категория распространилась затем из модели ДД на значительную сферу экономических исследований, в которых обосновывается снижение налогов или оказание финансовой поддержки.

«ВЕРТОЛЕТНЫЙ БЕН» КАК ЛЕГЕНДА И ДРУГИЕ ТОНКОСТИ БОРЬБЫ ФРС С КРИЗИСОМ

Теперь о термине, который привлекается к теме премии 2022 г. совершенно незаслуженно — «вертолетные деньги». Так обычно называют деньги, которые вбрасываются в экономику страны ради увеличения денежной массы. Они раздаются не за результаты чьей-то деятельности, а в рамках заботы государства о своих гражданах: это пособия инвалидам, многодетным семьям, ветеранам труда, стипендии студентам и учащимся лицеев, финансовая помощь пострадавшим от стихийных бедствий, бездомным и т.п.

Бен Бернанке занимался совсем другим: Нобелевский комитет в своем обосновании отмечал, что «банк создает деньги не из воздуха, но из долгосрочных инвестиционных проектов, которые он кредитует». В особом объяснении Шведская академия наук отметила, что он проанализировал Великую депрессию 1930-х гг. и доказал, что кризис стал таким глубоким и затяжным именно из-за краха банков.

Бен Бернанке повысил прозрачность решений ФРС: он стал проводить ежеквартальные пресс-конференции для разъяснения решений Федерального комитета по операциям на открытом

рынке (части ФРС) и активно подготавливать общественное мнение для будущих мер монетарной политики. Он исходил из того, что любой кризис всегда в той или иной степени связан с потерей веры в благополучное будущее.

По этой же причине Бен Бернанке считал, что ни в коем случае нельзя предупреждать людей о наступлении кризиса. Такие предупреждения сами по себе могут быть фактором наступления кризиса, активатором будущей паники. А вот другой нобелевский лауреат, Пол Кругман, часто публиковал такие оповещения в открытой печати. Разные стили поведения!

Какова же была их общая позиция? Она состояла в том, что само по себе неквалифицированное управление банками не вызывает нежелательных кризисных проявлений. Поэтому — предупреждай не предупреждай — это никому не важно. Как бы ни старалось руководство конкретного банка изменить ситуацию, оно не сможет остановить или повернуть вспять процессы, связанные с социальной (массовой) психологией [8]. То же самое замечание может быть отнесено и к ФРС: банки, входящие в нее, не в состоянии снизить тревожность масс, если уж она возникла.

Нобелевский комитет особо отметил работу Бернанке «Немонетарные эффекты финансового кризиса, выросшего в Великую депрессию», написанную 40 лет назад [9]. До этого считалось, что ее можно было предотвратить, печатая (эмитируя) больше денег. Бернанке же показал, что тяжесть Великой депрессии была обусловлена сокращением способности банков кредитовать экономику, и этот негативный эффект не мог быть перекрыт денежной эмиссией. В 2010 г. он объяснял в конгрессе США, что ФРС как «кредитор последней инстанции» обеспечивает банковскую систему краткосрочной ликвидностью. При нем ФРС запустила программу скупки ценных бумаг у банков, что позволило им продолжать предоставление кредитов по низким (приемлемым) ставкам.

В статье, которую Б. Бернанке опубликовал уже после ухода из ФРС, содержится фундаментальный анализ роли центрального банка, функции которого в США исполняет ФРС. И здесь мы сталкиваемся с традицией, которая позволяет вписать имя Бена Бернанке не только в историю кризисов, но и в историю экономической мысли.

ФРС В ОБЩЕМ СТРОЮ

Когда Нобелевский комитет включил в группу лауреатов 2022 г. Бена Бернанке, преувеличение

роли ФРС в преодолении кризиса 2008 г. и снижении масштабов его последствий стало неминуемым. Однако ФРС была лишь частью множества структур, задействованных в разработке и реализации антикризисных мер.

Существенно более важную роль играло Казначейство США. Впрочем, это лишь подозрение. Дело в том, что ФРС часть своих операций проводила тайно, никогда не раскрывая список тех, кому оказывается финансовая помощь. В апреле 2009 г. Б. Бернанке выступил с речью о том, что раскрытие имен заемщиков «может привести участников к мнению, что рынок ослаб». Информационное агентство Bloomberg два года судилось с ФРС, требуя раскрытия этих имен, но Верховный суд США в иске отказал. Тем не менее Конгресс проголосовал за частичный аудит действий ФРС с конца 2007 г. до середины 2010 г., который показал, что ФРС увеличила кредитные ресурсы американских и иностранных банков на 16 трлн долл.

До сих пор никто не знает всего комплекса действий, которые были предприняты ФРС с 2007 по 2010 г. В частности, не известно, какую роль сыграла ФРС в искусственном понижении курса доллара в рамках борьбы с кризисом в США. Эта мера осуждалась во всем мире (в особенности в Китае, главном держателе долговых обязательств США), поскольку она снижала объемы американского внешнего долга. Несомненно, ФРС в этом участвовала, но вряд ли она смогла бы это реализовать в отрыве от исполнительной и законодательной властей. Российские комментаторы трактовали данное действие как персональное решение Бена Бернанке [10]. Сейчас это очень интересно перечитывать.

Поддержка 10 крупнейших банков через ФРС была лишь одной из многих мер по преодолению кризиса. Казначейство США реализовало программу спасения банков TARP (Troubled Asset Relief Program), в рамках которой выкупило токсичные активы у 700 банков и других кредитных организаций. Программу TARP курировал созданный в составе министерства финансов США Совет по надзору за финансовой стабильностью (Financial Stability Oversight Council, FSOC), куда входил и Бен Бернанке [11].

Первоначально программа, рассчитанная до 2014 г., имела бюджет 700 млрд долл., но потом он был сокращен до 475 млрд. Часть этих средств затем вернулась государству в виде дивидендов по акциям спасенных банков.

Согласно закону 2008 г. об экстренной помощи экономической стабилизации (The Emergency Economic Stabilization Act, EESA), Казначейство выкупало сомнительные активы за акции либо за право их выкупа по фиксированной цене (equity warrants), либо (у непубличных компаний) за право первоочередного погашения долга (senior debt securities). При этом приобретались только привилегированные акции, т. е. без права голоса, чтобы не допустить переход компаний в государственную собственность. Кроме того, для участия в программе TARP были введены ограничения, призванные пресечь возможности необоснованного обогащения руководителей банков за счет средств государственной поддержки. Одна из задач TARP состояла в том, чтобы стимулировать банки направлять средства в оборот — на кредитование потребителей и бизнеса, а не накапливать их для подстраховки от возможных будущих потерь. Невозвращение кредитов должно было приводить к перекредитованию, замене уже выданных кредитов на другие на новых условиях.

Таким образом, наряду с действиями возглавляемой Б. Бернанке ФРС, антикризисные мероприятия 2008 г. проводились в рамках и программы TARP и относительно самостоятельных действий Казначейства США.

Чтобы «вживую» оценить роль ФРС и лично Бена Бернанке в драматической борьбе с кризисом 2008 г., можно посмотреть художественный фильм «Too big to fail», вышедший в 2011 г. Сюжет максимально приближен к фактическим событиям. Русский вариант вышел 6 лет спустя и называется «Слишком крут для неудачи». На первом плане в фильме — министр финансов США Генри Полсон и глава Казначейства Тимоти Гейтнер. Бен Бернанке представлен в фильме на третьей роли как теоретик в роли «серого кардинала». Вполне возможно, что в жизни так и было.

КРИЗИСЫ И ЦИКЛЫ. «РАЗВОРОТ» ЧИКАГСКОЙ ШКОЛЫ

Бен Бернанке сделал принципиально важный вклад в исследование истории банковского дела. Он сосредоточил свое внимание на становлении центрального банкинга [12]. Мысль, что в деятельности ФРС следует учитывать циклы, была изложена и в книге Милтона Фридмана и Анны Шварц [13], правда, в несколько ином контексте, который представляется более важным, чем лю-

бые результаты, которые могут быть отмечены одной отдельно взятой Нобелевской премией.

Многие нобелевские лауреаты-экономисты обсуждали проблемы вмешательства государства в экономику. Насколько это допустимо и допустимо ли вообще?

Впервые эта проблема в трудах нобелевских лауреатов полностью отодвинута в сторону и вообще не обсуждается. Более того, исследования лауреатов 2022 г. показали, что без государственного вмешательства экономика выжить не сможет. Они сами работали «на острие» такого вмешательства.

В российской экономической науке, как советское наследие, продолжает существовать представление о законах общественного развития и закономерностях развития экономики. Премия 2022 г. свидетельствует о том, что крайности смыкаются. Лауреаты своими исследованиями доказали, что государственное вмешательство, которое не учитывает закономерности развития, и в частности циклы в экономике, приводит только к ухудшению ситуации. Ими подтвержден и другой тезис: если при государственном вмешательстве закономерности развития экономики учитываются, то оно оказывается полезным [14].

Считается хорошим тоном (и не только в РФ) критиковать Чикагскую школу. Но, справедливости ради, отметим, что именно в ее рамках в 1960-е гг. был предложен новый подход к изучению организации промышленности. Исследователи из Чикаго предложили проанализировать, насколько наличие крупных компаний на рынке ограничивает конкуренцию и как используется получаемая ими прибыль. Было показано, что во многих конкретных случаях она направляется на развитие конкуренции и поддержку малых фирм. Исследования организации промышленности Чикагской школы стали переходным этапом от прямого сопоставления затрат и результатов к современному подходу.

Премия 2022 г. показала нечто иное, а именно то, что Чикагская школа — совсем не либеральная, а ее представители — совсем не рыночники.

В работе Бена Бернанке, написанной за 10 лет до кризиса, очень четко увязывались теория экономических циклов, допустимость и необходимость государственного вмешательства с учетом этой теории [15].

После повторного прочтения книги М. Фридмана и А. Шварц «Монетарная история Соединенных штатов» — своего рода библии Чикагской шко-

лы — автор считает, что в этой школе нет защиты свободного рынка и ограничений вмешательства государства в экономику. Нелепо связывать эту школу и с либеральными реформами, проведенными в Чили, США (Рейганом), Великобритании (Маргарет Тэтчер) или в странах бывшего СССР и Восточной Европы. Изъян у школы отмечался разве что в отрицательном подоходном налоге и других элементах социального обеспечения [16]. Но теперь, из-за привлечения Нобелевским комитетом всеобщего внимания к теоретическим трудам и практическим действиям последователей Милтона Фридмана, стало очевидно другое: при чтении соответствующих работ кажется, что М. Фридман, а за ним и лауреаты 2022 г., как бы уговаривают государственных чиновников: «Если уж без вас не обойтись, то хоть поступайте по уму».

«Разворот» Чикагской школы — это не изменение позиций ее сторонников, а новое понимание ее места в истории экономической мысли. Данный процесс еще не завершен и будет продолжаться, тем более, что вмешательство было не прямым, а через ФРС. Но это не прямое действие было тесно связано с другими мерами, предпринятыми законодательной и исполнительной ветвями государственной власти.

МОДЕЛЬ ДД (ДАЙМОНДА-ДЫБВИГА)

В 1983 г. появилась статья двух лауреатов, в которой описывалась модель формирования ликвидности, порождаемой банками [17].

Модель построена при трех допущениях, существенно ограничивающих ее непосредственное практическое применение:

1. Долговременные вложения приносят больше дохода, чем краткосрочные.
2. Потребность в деньгах у вкладчиков случайна и индивидуальна, и у каждого своя.
3. Информация о потребности в деньгах отдельного вкладчика известна только ему и не находится в открытом доступе.

Основа модели — разделение инвесторов (в частном случае — вкладчиков) на две категории: так называемых «бегунов» и «всадников» («нетерпеливых» и «терпеливых»). Первые часто снимают деньги со счета и бегут что-то покупать, а вторые спокойно считают начисляемые проценты и надеются увеличить вклад или, накопив нужную сумму, совершить крупную покупку. Авторы модели ДД исходят из того, что основная роль банков — увеличивать ликвидность в экономике.

С одной стороны, если на приобретение чего-либо нет денег, желающий может взять кредит. С другой стороны, банковские вклады более ликвидны, чем инвестиции в ценные бумаги, недвижимость или интеллектуальную собственность.

И покупатели, и инвесторы заинтересованы в том, чтобы деньги были под рукой в силу обычной неопределенности рынка: вдруг подвернется возможность что-то выгодно продать или удачно купить? При этом те, кто копит деньги на дорогую покупку, снимут их в ближайшее время с меньшей вероятностью, чем те, кому они понадобятся на текущие нужды.

Кроме того, владельцы собственности в форме ценных бумаг всегда ощущают вероятный риск значительного понижения стоимости того, чем они обладают. Соотношения численности эти категорий вкладчиков определяют текущую ликвидность банка. Для связи модели с реальностью необходимо знать количественный состав разных категорий вкладчиков и объемы их вкладов в банке. Первоначально данная задача решалась очень просто — если есть вклад до востребования, то его обладатель относится к категории «нетерпеливых» или «бегунов» — но затем она стала проблемой математической статистики: ради приближения модели к действительности потребовалось разработать методы оценки доли каждой из категорий вкладчиков по факту, т.е. по накапливаемой статистике. Специалисты до сих пор занимаются решением этой задачи [18].

Модель ДД — агент-ориентированная, поскольку в ней отображается поведение клиентов банка из разных категорий. Время в модели дискретно — разделено на три периода «0», «1» и «2».

В период «0» агенты делают вклады. Для простоты вклад равен 1. То есть доход каждого равен -1 . В этот период все агенты относятся к одному типу. В период «1» агенты либо ничего не получают (тип А), либо забирают свой вклад (тип В), т.е. выбирают между «0» и «1». В период «2» агенты либо получают доход (проценты) величиной R (тип АС), либо оставляют вклад как есть, т.е. получают 0 (тип АД).

Агентов должно быть много, в идеале — континуум. Тогда доля типов при повторе периодов становится делимой, в модели вычисляются условия равновесия по Нэшу, в зависимости от распределения агентов по типам [19].

«Банк» в модели ДД заметно отличается от реального банка не только тем, что он больше похож

на взаимный (инвестиционный, паевой) фонд, но и мгновенным исполнением своих обязательств. В модели особым образом оформляются вклады до востребования [20]. Согласно условиям модели вкладчики этой категории трактуются как остаточные заявители, т.е. деньги им выдаются в последнюю очередь, даже если нет никакой паники. Кроме того, банк модели не вкладывает средства в ценные бумаги. Вместо этого каждый вклад представляет собой гибрид денег и ценных бумаг. Отказ от самостоятельных действий банка на фондовом рынке — существенное упрощение действительности через привязку этих операций непосредственно к вкладчикам.

Авторы модели ДД аргументируют правомерность такого хода тем, что среди вкладчиков много так называемых «капиталистов», которые самостоятельно распоряжаются своим вкладом. Отделение их от «пассивных» вкладчиков резко усложнило бы модель.

Отдельная часть модели — страхование депозитов, причем государственное страхование исключено, поскольку этот экзогенный параметр не может быть спрогнозирован. Это также отдаляет модель ДД от реальности. Чтобы в модели работала система страхования депозитов государством, нужно знать, каково вмешательство государства в период «1», что увеличит долю «терпеливых» вкладчиков.

Есть два пути. Первый — не замечать государственное страхование. Второй состоит в том, что обязательное страхование вводится как определенный налог на вклады. Это и было реализовано в последующих вариантах модели ДД. Такой «налог» приводит к перераспределению доходов между «терпеливыми» и «нетерпеливыми» в период «1».

Сами авторы модели ДД указывали, что страхование может быть не лучше, чем его отсутствие. Такой вывод может быть объяснен тем, что в модель заложено допущение о страховании как единственном способе ухода инвесторов от рисков. Они отмечали, что это допущение игнорирует хорошо известную проблему морального риска (недобросовестности участников), с которой сталкиваются любые попытки сделать финансовую систему безопаснее.

Помимо внесения неопределенности, такое поведение резко снижает эффективность страхования вкладов. В каждой стране есть свое представление о том, что считать недобросовестным поведением вкладчика. В России, например, в 2015–2016 гг.

Верховный суд РФ определил его как «регулярно совершаемые крупные операции с неочевидным экономическим смыслом» [21].

Попытки включить вероятное недобросовестное поведение вкладчиков в модель ДД предпринимаются многими исследователями [22], но пока дело ограничивается лишь рекомендациями. А без этого она намечает лишь направление моделирования, но не вполне пригодна для прогнозирования массового изъятия вкладов.

В более широком контексте модель ДД фактически «посвящена» не только банковским вкладам, но и роли инвестиций в условиях, когда используется технология повышения ликвидности. Она показывает, что страхование практически не повышает ликвидность, а инвестиционный портфель кредитной организации можно считать идентичным накоплениям кого-либо в условиях аварии.

В модели ДД не анализируется воздействие паники и bank runs на поведение банков. При этом в ней не предполагается, что, вкладывая деньги в банк, человек не ожидает наступления паники и массового изъятия вкладов, в котором ему придется участвовать.

Из модели следует, что если вероятность массового изъятия становится высокой, оптимальные контракты способны его предотвратить. В свою очередь, банки реагируют на ту же ситуацию изменением состава своих инвестиций [23]. Правда, ранее была уже отмечена некоторая условность таких выводов в связи с допущениями модели.

ВЫВОДЫ

Выдающийся психолог Курт Левин однажды сказал: «Нет ничего практичнее хорошей теории». Эта фраза, несомненно, относится к работам лауреатов Нобелевской премии по экономике 2022 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Mints L. W. A history of banking theory in Great Britain and the United States. Chicago, IL: University of Chicago Press; 1945. 319 p.
2. Goodspeed T. B. Legislating instability: Adam Smith, free banking, and the financial crisis of 1772. Cambridge, MA, London: Harvard University Press; 2016. 224 p.
3. Sargent Th. J., Wallace N. The real-bills doctrine versus the quantity theory: A reconsideration. *Journal of Political Economy*. 1982;90(6):1212–1236. DOI: 10.1086/261118
4. Оверченко М., Кудашкина Е. Умеренно оптимистичный Бернанке. Ведомости. 16.02.2006. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2006/02/16/umerenno-optimistichnyj-bernanke>
5. Beranek W., Humphrey T. M., Timberlake R. Fisher, Thornton and the analysis of the inflation premium. FRB Richmond Working Paper. 1984;(5). URL: https://www.richmondfed.org/~media/richmondfedorg/publications/research/working_papers/1984/pdf/wp84-5.pdf
6. Humphrey T. M. Timberlake R. H. Gold, the real bills doctrine, and the Fed: Sources of monetary disorder, 1922–1938. Washington, DC: Cato Institute; 2019. 226 p.
7. Holmstrom B., Tirole J. Financial intermediation, loanable funds, and the real sector. *The Quarterly Journal of Economics*. 1997;112(3):663–691. URL: <https://uh.edu/~bsorense/HolmStromTiroleQJE 97.pdf>
8. Holmström B., Tirole J. Private and public supply of liquidity. *Journal of Political Economy*. 1998;106(1):1–40. DOI: 10.1086/250001
9. Cooper R., Ross T. W. Bank runs: Liquidity and incentives. NBER Working Paper. 1991;(3921). URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w3921/w3921.pdf
10. Bernanke B. S. Non-monetary effects of the financial crisis in the propagation of the Great Depression. *The American Economic Review*. 1983;73(3):257–276. DOI: 10.3386/w1054
11. Минаев С. За доллар ответит Бен Бернанке: Алану Гринспену нашли преемника на посту главы ФРС. Коммерсантъ. 25.10.2005. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/620654>
12. Минаев С. Бен Бернанке представился Аланом Гринспеном. Доллар подорожал. Коммерсантъ. 16.02.2006. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/650483>
13. Bernanke B. S. Current economic and financial conditions. Speech by Mr. Ben S. Bernanke, Chairman of the Board of Governors of the US Federal Reserve System, at the National Association for Business Economics 50th Annual Meeting, Washington, DC, 7 October, 2008. URL: <https://www.bis.org/review/r081009a.pdf>
14. Bernanke B. S. A century of US central banking: Goals, frameworks, accountability. *Journal of Economic Perspectives*. 2013;27(4):3–16. DOI: 10.1257/jep.27.4.3

15. Friedman M., Schwartz A. A monetary history of the United States, 1867–1960. Princeton, NJ: Princeton University Press; 1963. 888 p.
16. Фридман М., Шварц А. Монетарная история Соединенных Штатов 1867–1960. Пер. с англ. Киев: Ва-клер; 2007. 879 с.
17. Krishnamurthy A., Muir T. How credit cycles across a financial crisis. NBER Working Paper. 2017;(23850). URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w23850/w23850.pdf
18. Bernanke B., Gertler M., Gilchrist S. The financial accelerator in a quantitative business cycle framework. NBER Working Paper. 1998;(6455). URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w6455/w6455.pdf
19. Черноокий В. Что бы сказал автор идеи «вертолетных денег» про борьбу с коронакризисом. Ведомости. 29.05.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2020/05/29/831437-avtor-idei-vertoletnih-deneg>
20. Diamond D.W., Dybvig P.H. Bank runs, deposit insurance, and liquidity. *Journal of Political Economy*. 1983;91(3):401–419. DOI: 10.1086/261155
21. Sultanum B. Nonparametric estimation of the Diamond-Dybvig banking model. *Economic Quarterly*. 2016;102(4):261–279. URL: https://www.richmondfed.org/-/media/RichmondFedOrg/publications/research/economic_quarterly/2016/q4/Sultanum.pdf
22. Postlewaite A., Vives X. Bank runs as an equilibrium phenomenon. *Journal of Political Economy*. 1987;95(3):485–491. DOI: 10.1086/261468
23. Dowd K. Models of banking instability: A partial review of literature. *Journal of Economic Surveys*. 1992;6(2):107–132. DOI: 10.1111/j.1467–6419.1992.tb00147.x

REFERENCES

1. Mints L.W. A history of banking theory in Great Britain and the United States. Chicago, IL: University of Chicago Press; 1945. 319 p.
2. Goodspeed T.B. Legislating instability: Adam Smith, free banking, and the financial crisis of 1772. Cambridge, MA, London: Harvard University Press; 2016. 224 p.
3. Sargent Th.J., Wallace N. The real-bills doctrine versus the quantity theory: A reconsideration. *Journal of Political Economy*. 1982;90(6):1212–1236. DOI: 10.1086/261118
4. Overchenko M., Kudashkina E. Moderately optimistic Bernanke. *Vedomosti*. Feb. 16, 2006. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2006/02/16/umerenno-optimistichnyj-bernanke> (In Russ.).
5. Beranek W., Humphrey T.M., Timberlake R. Fisher, Thornton and the analysis of the inflation premium. FRB Richmond Working Paper. 1984;(5). URL: https://www.richmondfed.org/-/media/richmondfedorg/publications/research/working_papers/1984/pdf/wp84–5.pdf
6. Humphrey T.M. Timberlake R.H. Gold, the real bills doctrine, and the Fed: Sources of monetary disorder, 1922–1938. Washington, DC: Cato Institute; 2019. 226 p.
7. Holmstrom B., Tirole J. Financial intermediation, loanable funds, and the real sector. *The Quarterly Journal of Economics*. 1997;112(3):663–691. URL: <https://uh.edu/~bsorense/HolmStromTiroleQJE 97.pdf>
8. Holmström B., Tirole J. Private and public supply of liquidity. *Journal of Political Economy*. 1998;106(1):1–40. DOI: 10.1086/250001
9. Cooper R., Ross T.W. Bank runs: Liquidity and incentives. NBER Working Paper. 1991;(3921). URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w3921/w3921.pdf
10. Bernanke B.S. Non-monetary effects of the financial crisis in the propagation of the Great Depression. *The American Economic Review*. 1983;73(3):257–276. DOI: 10.3386/w1054
11. Minaev S. Ben Bernanke will be responsible for the dollar: A successor for Alan Greenspan as head of the Federal Reserve has been found. *Kommersant*. Oct. 25, 2005. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/620654> (In Russ.).
12. Minaev S. Ben Bernanke introduced himself as Alan Greenspan. The dollar has risen in price. *Kommersant*. Feb. 16, 2006. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/650483> (In Russ.).
13. Bernanke B.S. Current economic and financial conditions. Speech by Mr. Ben S. Bernanke, Chairman of the Board of Governors of the US Federal Reserve System, at the National Association for Business Economics 50th Annual Meeting, Washington, DC, 7 October, 2008. URL: <https://www.bis.org/review/r081009a.pdf>

14. Bernanke B. S. A century of US central banking: Goals, frameworks, accountability. *Journal of Economic Perspectives*. 2013;27(4):3–16. DOI: 10.1257/jep.27.4.3
15. Friedman M., Schwartz A. A monetary history of the United States, 1867–1960. Princeton, NJ: Princeton University Press; 1963. 888 p.
16. Friedman M., Schwartz A. A monetary history of the United States, 1867–1960. Princeton, NJ: Princeton University Press; 1963. 888 p. (Russ. ed.: Friedman M., Schwartz A. Monetarnaya istoriya Soedinennykh Shtatov 1867–1960. Kiev: Vakler; 2007. 879 p.).
17. Krishnamurthy A., Muir T. How credit cycles across a financial crisis. NBER Working Paper. 2017;(23850). URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w23850/w23850.pdf
18. Bernanke B., Gertler M., Gilchrist S. The financial accelerator in a quantitative business cycle framework. NBER Working Paper. 1998;(6455). URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w6455/w6455.pdf
19. Chernookii V. What would the author of the “helicopter money” idea say about the fight against the coronacrisis. *Vedomosti*. May 29, 2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2020/05/29/831437-avtor-idei-vertoletnih-deneg> (In Russ.).
20. Diamond D.W, Dybvig P. H. Bank runs, deposit insurance, and liquidity. *Journal of Political Economy*. 1983;91(3):401–419. DOI: 10.1086/261155
21. Sultanum B. Nonparametric estimation of the Diamond-Dybvig banking model. *Economic Quarterly*. 2016;102(4):261–279. URL: https://www.richmondfed.org/-/media/RichmondFedOrg/publications/research/economic_quarterly/2016/q4/Sultanum.pdf
22. Postlewaite A., Vives X. Bank runs as an equilibrium phenomenon. *Journal of Political Economy*. 1987;95(3):485–491. DOI: 10.1086/261468
23. Dowd K. Models of banking instability: A partial review of literature. *Journal of Economic Surveys*. 1992;6(2):107–132. DOI: 10.1111/j.1467-6419.1992.tb00147.x

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Юрий Петрович Воронов — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Россия

Yuri P. Voronov — Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Economics and Organization of Industrial Production SB RAS, Novosibirsk, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7835-5827>
corpus-cons@ngs.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 22.09.2022; после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 12.11.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 22.09.2022; revised on 20.10.2022 and accepted for publication on 12.11.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-68-82
УДК 336.132.2(045)
JEL G23

Оценка влияния пенсионных институтов на развитие глобальных финансов

Т.В. Жукова

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Новизну исследования составляет взгляд на пенсионные институты как на «корректоров» глобального финансового развития, не только помогающих, но и замедляющих позитивные изменения из-за особой конфигурации распределения активов по крупнейшим пулам – местам концентрации рисков. Этот вопрос не рассматривался комплексно на глобальном уровне. Цель исследования – оценка влияния пенсионных институтов на развитие глобальных финансов на длительном временном горизонте. Задачи исследования обширны: от конкретизации места пенсионных институтов в глобальных финансах и определения «кластеров влияния» до эмпирической оценки их воздействия на множественные индикаторы финансового развития с формулированием выводов и будущих перспектив. В статье показано, что пенсионные институты – крупнейшие глобальные инвесторы с ядром в активах пенсионных фондов США, сконцентрированных на внутреннем рынке акций. Обрисованы перспективы замедления глобального финансового развития через пенсионные фонды при реализации рыночных и страновых рисков.

Ключевые слова: пенсионные институты; пенсионные активы; пенсионные фонды; индикаторы финансового развития; тест Грейнджера; коэффициент регрессии

Для цитирования: Жукова Т.В. Оценка влияния пенсионных институтов на развитие глобальных финансов. *Мир новой экономики*. 2023;17(1):68-82. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-68-82

ORIGINAL PAPER

Assessing the Impact of Pension Institutions on the Development of Global Finance

T.V. Zhukova

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia

ABSTRACT

The novelty of the research lies in the conception of pension institutions as correctors of global financial development. These institutes do not only stimulate, but also slow down the positive change due to the particular assets allocation by largest pools, which are in fact represent a concentration of risks. This issue has not been taken under any comprehensive consideration at the global level yet. Thus, the aim of the research is to assess the pension institutions impact on long-term global financial development. The research concerns various problems: from specifying the position of pension institutions within the global finance hierarchy and “clusters of influence” allocation to empiric assessment of their impact on multiple indicators of global financial development; conclusions and prospects are formulated in the article as well. The article shows that pension institutions are the largest global investors with the core of the USA pension funds’ assets concentrated in the domestic stock market. The paper outlines the ways of the slowdown in the global financial development through to the pension funds in case of market and country risk realization.

Keywords: pension institutions; pension assets; pension funds; financial development indicators; Granger causality test; regression coefficient

For citation: Zhukova T.V. Assessing the impact of pension institutions on the development of global finance. *The World of the New Economy*. 2023;17(1):68-82. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-68-82

© Жукова Т.В., 2023

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно пенсионные институты воспринимались как позитивная сила, стимулирующая финансиализацию и финансовые инновации [1]. До 2008 г. подтверждалось их прямое влияние на ряд финансовых переменных (капитализация, объем долговых ценных бумаг, информационная эффективность) и косвенное — на экономический рост, благодаря более эффективным каналам перераспределения финансовых ресурсов [2].

Внимание в исследованиях уделялось преимущественно автономным пенсионным фондам (далее — пенсионным фондам). Эмпирически доказывалось, что размер пенсионных фондов с высокой вероятностью объясняет различия в темпах экономического роста между странами [3] и положительно влияет на сбережения [4, 5].

В американской литературе сложился термин «капитализм пенсионных фондов» (Pension fund capitalism), связанный с их участием в корпоративном управлении, с повышением требований к раскрытию информации и с ростом эффективности рынка [6].

С 2000-х гг. тезис о позитивном влиянии пенсионных фондов пересматривается. Обозначаются его условия: обязательное участие в накопительных схемах [7–10] и наличие крупных фондов [11].

Утверждалось, что влияние пенсионных фондов выше в странах с прецедентным правом (Великобритания, США, Австралия, Канада). Солидарные системы не оказывают влияния на финансовое развитие, но его могут поддержать реформы по укрупнению пенсионных фондов [12].

2008 г. стал поворотным касательно вопросов влияния пенсионных институтов: усилилась зависимость пенсионных систем от глобальной динамики, утвердилось мнение, что при цикличности мировой экономики пенсионные реформы ведут, скорее всего, к негативному эффекту [13–15].

В первую волну реформ 1994–2008 гг. с переходом к частным пенсионным планам число и активы пенсионных фондов выросли многократно [16]. После 2008 г. делались предположения о том, что они предлагают уже избыточный спрос на определенные финансовые продукты (больше доходность, меньше риск), что ведет к снижению доходностей и к спекулятивным пузырям [13].

В 2000–2010 гг. было проведено много эмпирических исследований, оценивающих влияние пенсионных фондов на развитие рынков капитала [2]. В них делались выводы по одной стране или группе стран, фиксировался факт влияния без анализа при-

чин и механизмов их вызывающих, рассматривался преимущественно рынок акций. С 2010 г. крупных исследований в этой области не отмечалось.

Таким образом, цель статьи состоит в том, чтобы определить место пенсионных институтов в глобальных финансах; провести масштабный структурный анализ для выявления крупных пулов пенсионных активов; оценить взаимовлияние их динамики с динамикой индикаторов финансового развития; сделать выводы о направленности и характере этого влияния, в том числе, на перспективу.

Для решения поставленных задач задействован весь потенциал баз данных ОЭСР, Всемирного банка, Ассоциации индустрии ценных бумаг и финансовых рынков (SIFMA), ФРС США, а также электронных платформ: Глобальные суверенные фонды (Global SWF.com), Исследования хедж-фондов (HFR.com), Информагентство по биржевым инвестиционным фондам ETFGI (Etfgi.com).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В исследовании используется терминологический аппарат и классификация организационных форм пенсионных активов ОЭСР [17]. Применяется комплекс методов в рамках методологии системного анализа (рис. 1).

1. *Определение места пенсионных институтов в глобальных финансах*

1.1. Доля пенсионных институтов в глобальных финансах (PI) определяется по формулам:

$$PI_{\text{gfm}} = \frac{PA}{GFM} \times 100\%, \quad (1)$$

$$PI_{\text{gcm}} = \frac{PA}{GCM} \times 100\%, \quad (2)$$

$$PA = RSP + PPRF, \quad (3)^1$$

$$GFM = MCAP + GFIMO + FSD, \quad (4)$$

$$GCM = MCAP + GFIMO, \quad (5)$$

где PI_{gfm} (Pension Institutes in GFM) — доля пенсионных институтов на глобальном финансовом рынке;

¹ Государственные пенсионные схемы с текущим методом поступлений и выплат не включаются.

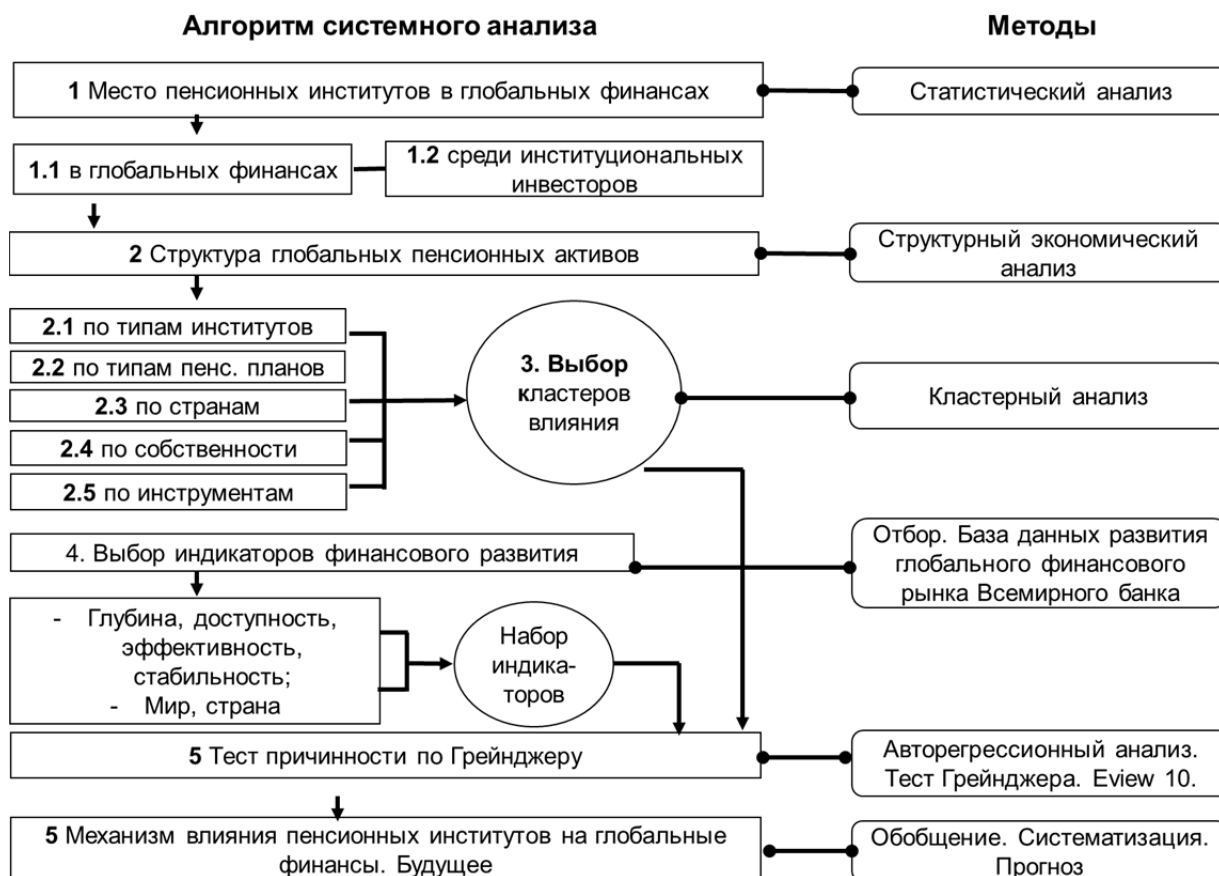

Рис. 1 / Fig. 1. Общий алгоритм и методы исследования / General research strategy and research methods

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

PI_{gcm} (Pension Institutes in GCM) — доля пенсионных институтов на глобальном рынке капитала;
 PA (Pension Assets) — активы пенсионных институтов;

GFM (Global Financial Market) — глобальный финансовый рынок;

GCM (Global Capital Market) — глобальный рынок капитала;

RSP (Retirement Savings Plans) — пенсионные сберегательные активы;

PPRF (Public Pension Reserve Funds) — активы государственных резервных пенсионных фондов;

MCAP (Market Capitalization) — капитализация рынка акций;

GFIMO (Global Fixed Income Markets Outstanding) — рыночная стоимость облигаций в обращении;

FSD (Financial System Deposits) — депозиты в финансовой системе.

1.2. Место пенсионных институтов среди других институциональных инвесторов определяется по формуле:

$$PI_{in} = \frac{PA}{(IFA + PA + ICA + SWF + HDG + ETF)} \times 100\%, \quad (6)$$

где PI_{in} (Pension Institutes in Institutional Investors Assets) — доля активов пенсионных институтов в активах институциональных инвесторов;

PA (Pension Assets) — активы пенсионных институтов, формула (3);

IFA (Investment Funds Assets) — активы инвестиционных фондов;

ICA (Insurance Corporations Assets) — активы страховых компаний;

SWF (Sovereign Wealth Fund) — активы суверенных фондов;

HDG (Hedge Funds) — активы хедж-фондов;

ETF (Exchange Traded Fund) — активы ETF фондов.

2. Анализ структуры глобальных пенсионных активов

2.1. Структура глобальных пенсионных активов по типам институтов [17] определяется по формуле:

$$PA(100\%) = PIC + APF + OTH + BR + PPRF, \quad (7)$$

где PA — пенсионные активы;

PIC (Pension Insurance Contract) — договоры пенсионного страхования;

APF (Autonomous Pension Funds) — пенсионные фонды;

OTH (Other) — прочие механизмы;

BR (Book Reserves) — резервы по балансовым активам;

PPRF (Public Pension Reserve Funds) — активы государственных резервных пенсионных фондов.

2.2. Структура пенсионных институтов по странам определяется по формуле:

$$PA_{AIF}(100\%) = C1_{AIF} + \dots + C7_{AIF} \dots 31OECD \dots + Oth_{AIF}, \quad (8)$$

где PA (Pension Assets) — активы пенсионных институтов, формула (3);

C1–C7 — доли активов пенсионных фондов первых 7 стран ОЭСР по размеру активов;

31 OECD — доля активов пенсионных фондов остальных стран ОЭСР;

Oth_{AIF} — доля активов пенсионных фондов стран — не членов ОЭСР.

2.3. Структура активов пенсионных фондов по типам пенсионных планов [17] определяется по формуле:

$$PA_{AIF} = DC_{AIF} + DB_{AIF} + PPP_{AIF}, \quad (9)$$

где PA_{AIF} (Pension Assets) — активы пенсионных фондов;

DC_{AIF} (Defined Contributions Autonomous Pension Funds) — пенсионные планы с установленными взносами в пенсионных фондах;

DB_{AIF} (Defined benefits. Autonomous Pension Funds) — пенсионные планы с установленными выплатами в пенсионных фондах;

PPP_{AIF} (Personal Pension Plans) — индивидуальные пенсионные планы.

2.4. Структура активов пенсионных фондов по формам собственности определяется по формуле:

$$PA_{AIF} = GLPF + FPF + PRPF, \quad (10)$$

где PA_{AIF} (Pension Assets) — активы пенсионных фондов;

GLPF (Government and Local Pension Funds) — активы региональных (субъекты) и местных пенсионных фондов;

FPF (Federal Pension Funds) — активы федеральных пенсионных фондов;

PRFP (Private Pension Funds) — активы частных пенсионных фондов.

2.5. Структура активов пенсионных фондов по инструментам определяется по формуле:

$$PA_{AIF} = SH_{AIF} + CB_{AIF} + G\&MB_{AIF} + MF_{AIF} + L_{AIF} + C\&D_{AIF} + Repo_{AIF} + Others, \quad (11)$$

где PA_{AIF} (Pension Assets) — активы пенсионных фондов;

SH (Shares) — объем пенсионных активов, размещенных в акции;

CB (Corporate Bonds) — объем пенсионных активов, размещенных в корпоративные облигации;

G&MB (Government Bonds) — объем пенсионных активов, размещенных в государственные и муниципальные облигации;

MF (Investment Funds) — объем пенсионных активов, размещенных в паи инвестиционных фондов;

L (loans) — объем пенсионных активов в форме займов;

C&D (Cash and Deposits) — объем пенсионных активов, размещенных в валюту и депозиты;

Repo — объем пенсионных активов, размещенных в сделки типа Репо.

OTH — объем пенсионных активов, размещенных в прочие инструменты.

3. Определение «кластеров влияния» пенсионных институтов

По результатам структурного анализа (п. 2 рис. 1) методом иерархической кластеризации выявляются крупнейшие пулы пенсионных активов. Рассматривается 3 уровня иерархии, 5 групп, 58 объектов (Рис. 1).

Используется функция выбора максимального объекта (F_{max}).

$$x_z = F_{max} \sum_{i=1960}^{2020} O_{ji}, \quad (12)$$

где: x_z — «кластер влияния», максимальный за период наблюдений по размеру активов объект в группе;

O_j — объект в группе с порядковым номером j (пул пенсионных активов).

Особенности функции:

- применяется последовательно к каждому объекту (O_j) (индекс j обозначает порядковый номер объекта группы);

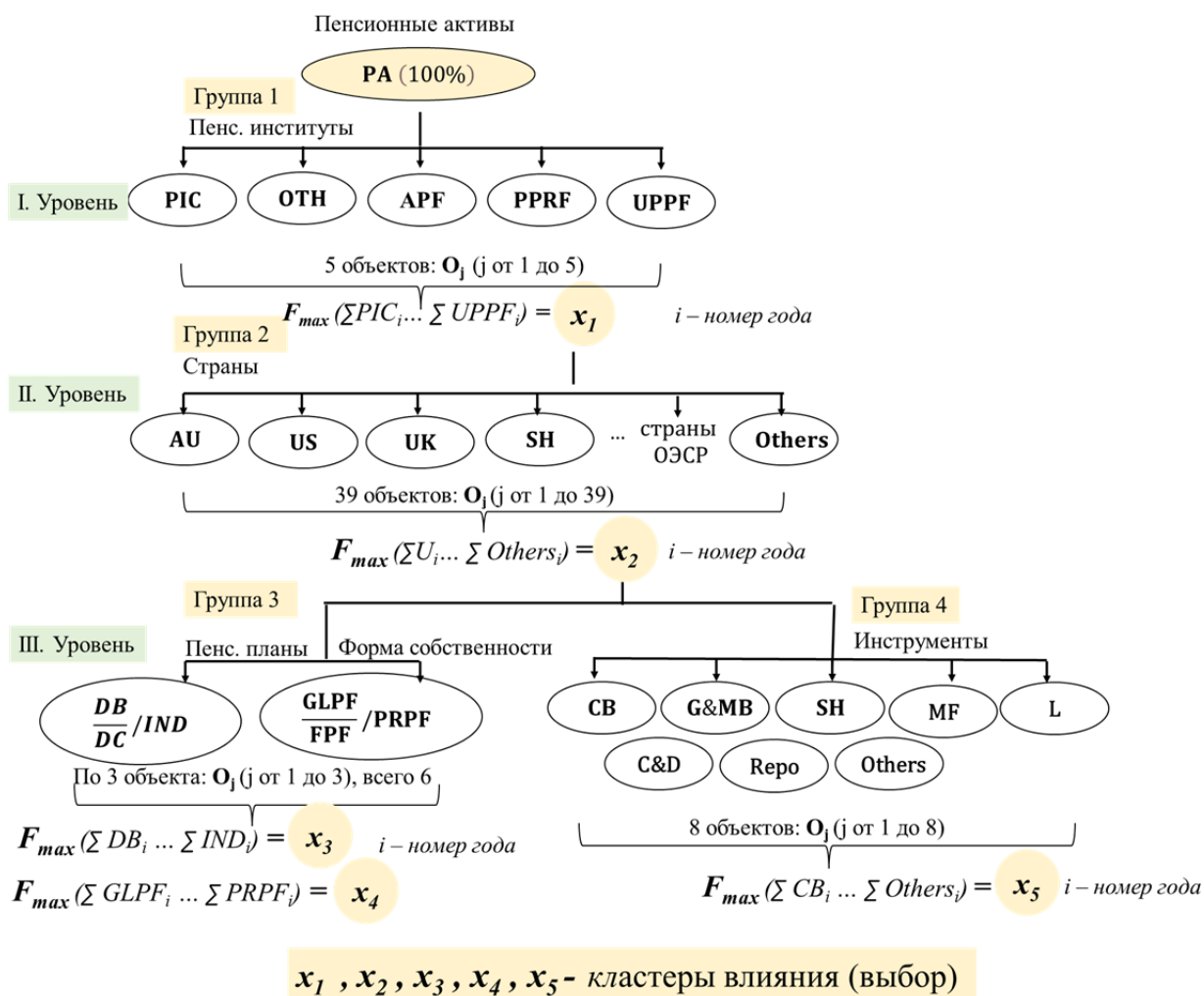

Рис. 2 / Fig. 2. Алгоритм кластерного анализа / Algorithm of the cluster analysis*

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

* Примечание: применяются обозначения из формул (5)–(8).

- объект рассматривается в динамике за доступный период не позднее, чем с 2004 г. и не ранее 2018 г., индекс i обозначает год $i > 15$;

- результатом применения функции (F_{max}) является выбор объекта с максимальным значением в группе по сумме лет за рассматриваемый период (x_2), индекс z обозначает номер группы (Рис. 1);

- x_z признается несущественным для анализа, если доля этого объекта ($O_{j_{max}}$) от суммарных активов группы (z) за весь период составляет менее 30%.

4. Выбор индикаторов финансового развития

Используется База данных индикаторов глобального финансового развития Всемирного банка (World Bank, The Global Financial Development Database). На середину 2022 г. она включала 217 стран и 114 индикаторов с 1960 (по некоторым индикаторам позднее) по 2020 г.

Всемирный банк применяет «матрицу индикаторов» 4×2 . Это 4 направления оценки (финансовая глубина, доступность, эффективность и стабильность) и 2 блока (финансовые институты и рынки) [18]. Направления оценки не взаимосвязаны: глубина финансовых систем не означает доступность финансовых услуг, а эффективность рынка не гарантирует большую стабильность [18].

В каждом квадранте матрицы выделены ключевые показатели — бенчмарки. Количественное распределение индикаторов по матрице (с выделением бенчмарков) представлено в табл. 1 [19].

Выбор индикаторов из базы данных определяется:

а) охватом показателей по 4 квадрантам матрицы с обязательным присутствием выделенных Всемирным банком бенчмарков;

б) включением показателей, охватывающих широкий перечень финансовых институтов;

в) длительностью и непрерывностью ряда: начало — не позднее 2004 г., завершение — не ранее 2018 г.

По каждому из выбранных индикаторов по формуле (13) проводится агрегирование страновых показателей в мировой.

$$I_{\text{мир}(i)} = \frac{\sum_{s=1}^n I_{s(i)} \times \text{ВВП}_{s(i)}}{\sum_{s=1}^n \text{ВВП}_{s(i)}}, \quad (13)$$

где $I_{\text{мир}(i)}$ — рассчитанное значение индикатора по миру в целом в год i ;

$I_{s(i)}$ — значение индикатора для страны s в год i ;

$\text{ВВП}_{s(i)}$ — значение ВВП страны s в год i .

5. Авторегрессионный анализ. Тест Грейнджера

Воздействие «кластеров влияния» (п. 3 рис. 1) на индикаторы финансового развития (п. 4 рис. 1) исследуется методом авторегрессионного анализа временных рядов с применением теста Грейнджера. Программный продукт — EViews 10.

Тест Гренджера применялся МВФ и Всемирным банком для анализа связи между экономической эффективностью и экономическим ростом [20], динамикой цен на пшеницу и объемами кредитов, выдаваемых частному сектору [21], компонентами денежной массы и инфляцией.

Алгоритм анализа временных рядов представлен на рис. 3 [19].

6. Подготовка выводов и прогноза влияния пенсионных институтов на глобальные финансы.

На основе результатов анализа (п. 1–5 рис. 1) систематизируются выводы, формулируется механизм влияния пенсионных институтов на глобальные финансы, обозначаются перспективы мирового финансового развития под влиянием пенсионной отрасли в условиях ухудшающейся экономической конъюнктуры.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЯ

1.1. Пенсионные институты с активами 63,2 трлн долл., формула (3) составляют 1/5 глобального финансового рынка, формула (1) и 1/3 глобального рынка капитала, формула (2) [17].

Ядро пенсионных активов — сберегательные пенсионные планы (RSP). Из 56,4 трлн долл. RSP в странах ОЭСР аккумулированы 54,1 трлн долл. (97%), в 54 странах — не членах ОЭСР — 2,3 трлн долл. (табл. 1).

1.2. Пенсионные институты с 63,2 трлн долл. активов в 2020 г. были самой крупной группой институциональных инвесторов (36%) (табл. 1).

Без государственных пенсионных резервных фондов (PPRF) они составляли бы 31–33% активов институциональных инвесторов.

На 2-м месте — активы инвестиционных фондов (60 трлн долл. (34,5%), далее — активы страховых компаний — 33 трлн долл. (19%) и суверенных фондов благосостояния — 10 трлн долл. (5,7%).

В динамике с 2008 г. наблюдается стабильное положение пенсионных институтов и суверенных фондов при зеркально быстром (с 2011 г.) снижении доли страховых компаний и росте активов инвестиционных фондов.

С 2011 г. активно растут хедж-фонды и ETF, но их доля сравнительно небольшая (табл. 1). [17].

2.1. 64% активов сберегательных пенсионных планов, формула (3), в странах ОЭСР составляют пенсионные фонды, а 24% — «другие механизмы» (табл. 2).

В 48 странах — не членах ОЭСР 95% активов представлены пенсионными фондами. В ОЭСР «другие механизмы» есть в 13 из 38 стран. 90% их активов представлено рынком США, а 8% — рынком Канады [17].

На 3-м месте (12%) — договоры пенсионного страхования (табл. 2). По странам наблюдаются существенные различия: во Франции их доля — 79%, в Швеции — 84%, в Дании — 66%, в Бельгии — 64%, в Корее — 52%, в Португалии — 42%².

На 4-м месте (1%) — резервы по балансовым активам (табл. 2). Они имеются в Канаде (7%), Японии (17,7%), Испании (4,2%), Швеции (9,2%).

Под влиянием США [17] в динамике доля активов пенсионных фондов уменьшается (по странам ОЭСР: с 71% в 1995 г. до 64% в 2020 г.), а «других механизмов» — растет (с 16 до 24%) (табл. 2).

В США доля пенсионных фондов за 1981–2020 гг. снизилась с 79 до 57%, договоров пенсионного страхования — с 18 до 10%, доля прочих механизмов выросла в 10 раз с 3,2 до 32%. Без США снижение доли активов пенсионных фондов в других странах шло на фоне роста доли договоров пенсионного страхования (не «других механизмов») [17].

Анализ, формула (7), позволяет выделить один кластер влияния — это пенсионные фонды стран

² В статистике ОЭСР приводятся как доля частных пенсионных планов. Терминологический комментарий представлен на внешнем ресурсе [17].

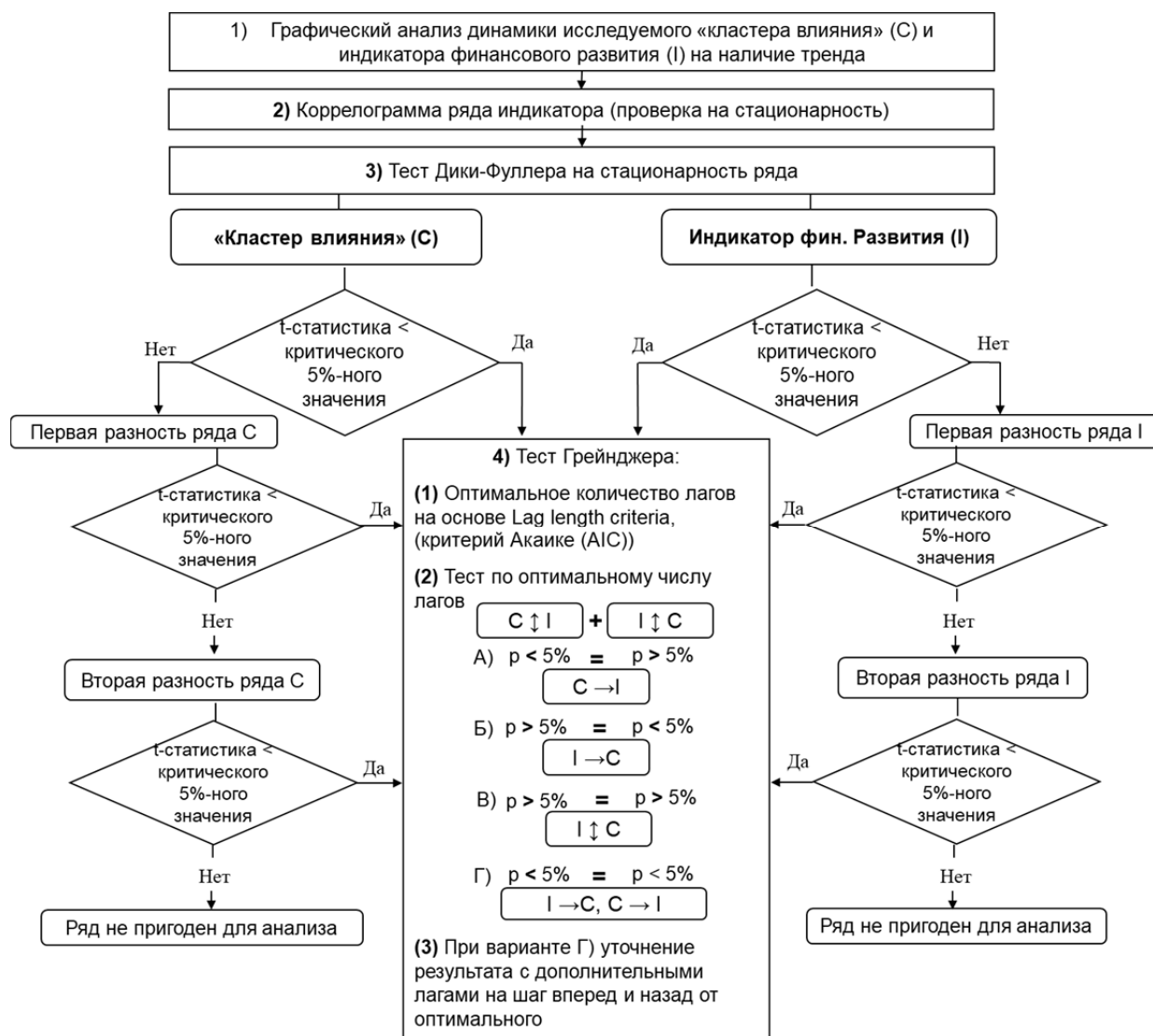

Рис. 3 / Fig.3. Алгоритм проведения теста Грейнджера / Algorithm of Granger causality test conduction

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ОЭСР с активами 34,5 трлн долл. (60% — под законодательством США) (далее — Кластер 1).

Значительная часть пенсионных активов — 12,8 трлн долл. (90% — под законодательством США) представлена «другими механизмами» в виде фондов (счетов) под управлением банков и инвестиционных компаний. Они не выделяются в отдельный кластер ввиду существенно меньших размеров активов пенсионных фондов за всю историю наблюдений. Меняющееся в пользу «других механизмов» соотношение пенсионных активов закладывает долгосрочный прогнозный тренд на будущее влияние пенсионных институтов на глобальные финансы.

2.2. В Кластере 1 к 2020 г. отмечается высокая концентрация активов (92%) на первых семи странах: США (59%), Великобритания (10%), Нидерланды

(6%), Австралия (5%), Канада (5%), Швейцария (4%), Япония (3%). В динамике за последние 20 лет их доля в 2001–2003 гг. снизилась с 95 до 91%, а в 2007–2009 гг. и далее находится на уровне 92%. Активы пенсионных фондов других стран (после первых семи) представляют по отдельности менее 1% [17].

Выделяется группа стран BRICS, а также Сингапур и Гонконг (Китай): с 2001 по 2020 г. их пенсионные фонды входили в число первых 25 стран по размеру активов. В лидерах роста — пенсионные фонды Индии (с 2013 г. размер активов увеличился в 87 раз) и Китая (в 6 раз). Однако в абсолютном значении они в 80 раз меньше активов пенсионных фондов США [17].

Инвестиционные фонды США — действующий на всем протяжении истории наблюдений кластер влияния пенсионных институтов на глобальный

Таблица 1 / Table 1

**Активы пенсионных институтов и других институциональных инвесторов, трлн долл. /
Pension assets and other institutional investors' assets, trillion of dollars***

№	Инвесторы	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2020
1	Пенсионные институты (РА)	27,9	34,9	39,2	42,5	45,5	50,6	63,2
	Из них: Сберегательные пенсионные планы (RSP)	23,6	30,1	34,0	38,8	40,1	44,6	56,4
	в том числе ОЭСР	23,0	29,1	32,8	37,3	38,4	42,7	54,1
	Государственные резервные фонды (PPRF)**	4,3	4,8	5,1 (2011)	5,3 (2013)	5,4 (2015)	6,0	6,8
2	Инвестиционные фонды (1)	20,4	25,7	34,4	40,3	41,1	46,8	59,6***
3	Страховые компании (ICA) (1)	22,1	25,8	25,8	27,8	27,2	28,8	33,0
4	Суверенные фонды (SWF)	4,0	4,8	6,1	7,4	7,5	8,4	9,9
5	Хедж-фонды	1,5	1,4	1,5	2,0	2,4	2,9	3,8
6	ETF	0,5	1,0	1,3	2,0	2,5	3,4	5,5
7	Всего	76,4	93,6	107,0	122,0	124,5	139,0	175
8	Доля пенсионных институтов (РА),%	36,5	37,3	36,6	36,1	36,5	36,4	36,1

Источник / Source: Pension market in focus OECD, 2021; Pension market in focus: preliminary 2021 data on pension funds, OECD, 2022; Pension at a Glance, OECD, 2013, 2015, 2017, 2019; Global SWF, HFR, ETFGI.

Примечание:* приводится в сокращении; ** по 38 странам ОЭСР; *** предварительные данные. Для Австралии, Чили, Латвии, Нидерландов, Норвегии, Польши, Португалии, Словакии, Великобритании рассчитывается как значение 2019 г., умноженное на темп роста ВВП за 2020 г.

Таблица 2 / Table 2

Институциональная структура группы сберегательных пенсионных планов в динамике в странах ОЭСР, % / Allocation of assets in Retirement Savings Plans by pension institutes in dynamics (OECD), % *

Год	Автономные фонды (AIF), Кластер 1	Резервы по балансовым активам (BR)	Договоры пенсионного страхования (PIC)	Другие (OTH)	Всего
1995	71,2	0,0	12,7	16,2	100
2000	71,0	0,7	11,0	17,3	100
2005	70,1	0,9	11,9	17,1	100
2010	68,7	0,8	11,6	18,9	100
2015	66,2	0,5	11,8	21,6	100
2020	63,7	1,0	11,7	23,6	100

Источник / Source: база данных пенсионных индикаторов ОЭСР / Pension indicators database.

Примечание: * приводится в сокращении.

финансовый рынок с размером активов 20,2 трлн долл. (далее — Кластер 2).

2.3. Пенсионные фонды в США, как и в большинстве стран ОЭСР, обслуживают профессиональные

пенсионные планы, которые подразделяются на планы с установленными взносами (DB) и планы с установленными выплатами (DC) [17]. Индивидуальные пенсионные планы реализуются страховыми

Таблица 3 / Table 3

Структура активов пенсионных фондов США (Кластер 2) по виду пенсионных планов, формула (9) / Structure of U.S. pension funds (Cluster 2) according to the retirement savings plan, formula (9)*

	Показатель	1981	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
1	Активы в DC-планах в % от активов профессиональных планов	20,7	23,6	26,9	30,3	36,2	38,0	40,8	43,4	47,5
2	Активы в DB-планах в % от активов профессиональных планов	79,3	76,4	73,1	69,7	63,8	62,0	59,2	56,6	52,5
3	Активы в профессиональных планах, в том числе	0,9	1,8	2,7	4,8	8,0	9,7	11,0	14,2	20,2
4	Активы в DC-планах, трлн долл. [1/100 × 3]	0,2	0,4	0,7	1,5	2,9	3,7	4,5	6,2	9,6
5	Активы в DB-планах, трлн долл. [2/100 × 3]	0,7	1,4	2,0	3,4	5,1	6,0	6,5	8,0	10,6
6	Индивидуальные планы, трлн долл., в том числе:	0,2	0,7	1,7	3,0	5,1	6,8	9,2	12,7	19,1
6.1	Индивидуальные планы (под управлением страховых компаний), трлн долл.	0,1	0,3	0,6	0,9	1,4	1,9	2,3	2,9	3,8
6.2	Индивидуальные планы (в составе других механизмов), трлн долл.	0,1	0,5	1,2	2,1	3,7	4,9	6,9	9,8	15,3

Источник / Source: база данных пенсионных индикаторов ОЭЦР / Pension indicators database.

Примечание:* приводится в сокращении.

компаниями и «другими механизмами», они не подразделяются на DC и DB планы.

В динамике растет доля активов в DC-планах. К 2020 г. между ними был достигнут паритет (табл. 3). Исторически DB-планы могли оказать большее воздействие на развитие глобального финансового рынка (сумма активов за 1981–2020 гг. больше, чем у DC-планов).

Выделять отдельный Кластер влияния в составе DC-или DB-планов нецелесообразно. Перераспределение активов пенсионных фондов США в пользу DC-планов формирует долгосрочный прогнозный тренд.

2.4. Структура Кластера 2 (пенсионные фонды США) по частным и государственным³ фондам, формула (10), также подтверждает равное распределению активов между ними (табл. 2). Продолжается переход активов от государственных: 58,1% (1945 г.) — 40,9% (2021 г.) — к частным фондам: 41,9% (1945 г.) — 59,1% (2021 г.).

³ Включают федеральные фонды, фонды штатов и местные фонды.

Законодательное регулирование инвестиций частных и государственных пенсионных фондов США схоже. Лимиты портфельного инвестирования и принципы управления для частных фондов устанавливаются Законом о безопасности пенсионных накоплений работников 1974 г. (Employee Retirement Income Security Act — ERISA), а для государственных и муниципальных фондов регулируются законами и положениями, которые часто основаны на ERISA. Выделять отдельный Кластер в составе государственных или частных фондов нецелесообразно.

2.5. Основа активов пенсионных фондов США (Кластер 2) — инвестиции в акции. Доля акций (средневзвешенная по размеру активов) за 1945–2021 гг. составила 36%, взаимных фондов — 22%, государственных, муниципальных (и иностранных) облигаций — 16%, прочих инструментов — 10% [17].

Пенсионные фонды США «наращивают аппетит» к риску. С 1,5% (1951 г.) доля вложений в акции выросла до 44% (1972 г.) и далее, до 2021 г., сохранялась на уровне 35–42%. Доля вложений во взаимные фонды непрерывно росла: с 0,2% (1962 г.) до 28% (2017 г.),

Таблица 4 / Table 4

**Структура активов пенсионных фондов США по государственным и частным институтам /
U.S. pension funds' assets allocation by public and private institutions***

	Федеральные пенсионные фонды (FPF) ^a	Государственные и местные пенсионные фонды ^b	Частные пенсионные фонды (PRPF)	Всего активы ^c	Активы по данным ОЭСР (справочно)	Доля FPF, % [2/5]	Доля GLPF, % [3/5]	Доля PRPF, % [4/5]	Доля государственных фондов (всего), % [7+8]
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1945	2,9	2,5	3,9	9,3	-	31,2	26,9	41,9	58,1
1955	10	10,9	19,3	40,2	-	24,9	27,1	48,0	52
1965	19,7	34,0	79,0	132,7	-	14,8	25,6	59,5	40,5
1975	42,1	104,0	240,8	386,9	-	10,9	26,9	62,2	37,8
1985	172,1	413,1	1196,8	1782,0	1828,1	9,7	23,2	67,2	32,8
1995	532,5	1369,0	2770,8	4672,3	4833,0	11,4	29,3	59,3	40,7
2005	1072,1	3129,4	5383,1	9584,6	9664,4	11,2	32,7	56,2	43,8
2015	1976,2	4017,4	7798,4	13792,0	14173,7	14,3	29,1	56,5	43,5
2020	2744,8	5494,9	11806,2	20045,9	20229,6	13,7	27,4	58,9	41,1
2021	2819,3	5929,5	12618,5	21367,3	-	13,2	27,8	59,1	40,9

Источник / Source: отчеты Z1 ФРС (Historical Annual Tables. L 118, L 119, L.120); База данных пенсионных индикаторов ОЭСР / Reports Z1 FPC (Historical Annual Tables. L 118, L 119, L.120); Pension indicators database.

Примечание: * приводится в сокращении; ^{a,b} размер активов пенсионных фондов США по данным ФРС (все активы, до 2014 г., учтенные по оперативно-бухгалтерскому принципу, с 2014 г. – по актуарному принципу за вычетом суммы требований по еще не поступившим взносам); ^c размер активов пенсионных фондов США по данным ОЭСР (включая сумму инвестиций, профинансированных из взносов). Разница (столбцов 4 и 5) объясняется системами учета.

далее сохранялась на уровне 27%. С 1985 г. идет быстрый рост вложений в прочие активы, большая их часть – альтернативные инструменты [17].

На этом фоне снижались вложения в государственные и муниципальные облигации: с 78,5% (1945 г.) до 14,5% (1972 г.), далее – 13–23%), а с 1974 г. – в корпоративные облигации: с 30% в 1974 г. до 6% в 2004 г. и далее до 10%.

Государственные пенсионные фонды большую часть активов держат в акциях (40%). Без учета федеральных фондов (30% от всех государственных фондов по размеру активов), традиционно много инвестирующих во внутренние государственные облигации – доля вложений в акции вырастет до 52% (средневзвешенная по размеру активов за 1945–2001 гг.) [17].

Для сравнения у частных пенсионных фондов 84% всех активов относились к более рискованным. Вложения в акции – 36%, во взаимные фонды – 33%, в прочие инструменты – 15% [17].

Пенсионное законодательство США не ограничивает зарубежные инвестиции пенсионных фондов [22], но, по оценкам Всемирного банка, их доля низка – около 10% активов [23]. В Великобритании до 2015 г. в зарубежные инструменты инвестировалось

20–25% активов пенсионных фондов, после – 13% (2020); в Нидерландах – 80–90%, в Канаде – 22–35%; в Швейцарии – 4,5–8% до 2008 г., далее – до 41% (2020)⁴.

Пенсионные фонды США держат во внутренних акциях большую, чем у других стран, долю активов: 85% (2001 г.), 77% (2005 г.), 70% (2009 г.), 63% (2014 г.), 60,1% (2020 г.), 63% (2021 г.). По сравнению за США шестью странами этот показатель составлял: 55% (2001 г.), 51% (2009 г.), 34% (2020 г.). Для внутренних инструментов США с фиксированным доходом эта доля еще выше: 100% в 2001 г. и 86,6 в 2021 г.

Финансовый рынок США – крупный и предоставляет широкие возможности по диверсификации активов, но концентрация на одном типе инструментов одного национального рынка влечет рост странового риска.

Акции США выступают основным объектом зарубежных инвестиций для пенсионных фондов других стран ОЭСР: 60% в 2001 г., 54% в 2005 г., 52% в 2009 г., 49% в 2014 г. и 46% в 2020 г. (для облигаций, соответ-

⁴ OECD. Funded Pension Statistics: Pension fund foreign investments.

ственно, 13, 11, 39, 37, 34%)⁵. Доля альтернативных инструментов (для пенсионных фондов семи первых стран по пенсионным активам), хотя и росла с 5% в 2021 г. до 27% в 2016 г., но к 2021 г. вернулась к 19% (как в 2011 г.)⁶.

Ситуация длительной сверхконцентрации пенсионных активов сложилась в пенсионных фондах США (далее — Кластер 3, влияние которого важно исследовать как на глобальном, так и на национальном уровнях).

3. По результатам структурного анализа (п. 2.1–2.5) выявлены следующие кластеры влияния:

- Кластер 1. «Пенсионные фонды стран ОЭСР» [34,5 трлн долл. (2020 г.), 60% из них — под законодательством США];
- Кластер 2. «Пенсионные фонды США» [20,2 трлн долл. (2020 г.)];
- Кластер 3. «Инвестиции пенсионных фондов США в акции» [6,7 трлн долл. (2020 г.)].

Определены два уровня их влияния — мировой и национальный (США).

4. Для анализа влияния пенсионных институтов на глобальный финансовый рынок выбрано 20 индикаторов финансового развития из Базы данных Всемирного банка по критериям, указанным в п. 4. [19]. Каждый индикатор рассматривается на мировом, формула (13), и национальном уровнях.

5. Проведенный в соответствии с методикой (п. 5) авторегрессионный анализ выявил влияние динамики активов пенсионных фондов США (в том числе, инвестированных в акции) на 10 из 20 индикаторов финансового развития (на мировом и национальном уровне) по 4 направлениям: глубина (5 из 8 индикаторов), доступность, эффективность и стабильность (2 из 4 индикаторов в каждом) (табл. 5) [19].

Из табл. 5 видно, что в центре влияния — рынок акций (стоимостные показатели, доходность, волатильность, оборачиваемость, далее — стоимостные показатели международного рынка государственных и частных облигаций). Влияние через институты представлено меньшим числом индикаторов, но они связаны с бенчмарками доступности услуг [19].

Данные регрессионного анализа (коэффициент регрессии) показывают, что динамика активов

пенсионных фондов США сильнее влияет на отношение общей стоимости акций на биржевом рынке к ВВП. В среднем за период рост активов пенсионных фондов на 1% ведет к росту стоимости акций на 0,44%.

Ситуация усложняется наличием обратного канала воздействия. Рост стоимости акций на биржевом рынке в мире на 1% ведет к росту размера активов пенсионных фондов США на 0,86%.

Увеличение активов пенсионных фондов на 1% вызовет рост коэффициента оборачиваемости рынка акций на 0,38%, а капитализации — на 0,28%.

На стоимость обращающихся международных частных долговых ценных бумаг влияние оказывается меньше. Рост активов на 1% ведет к росту А.М.1 на 0,14%. Для аналогичного показателя в государственных долговых ценных бумагах — еще меньшее влияние: рост на 1% — прирост на 0,008–0,009%. Несущественно влияние динамики активов пенсионных фондов США на волатильность рынка акций — 0,02–0,45% на 1% роста активов. Исключение — активы пенсионных фондов США в акциях. Рост инвестиций в акции на 1% приведет к росту волатильности в среднем на 1,3%.

Самое слабое влияние оказывается на индикаторы развития институтов (В.1.1) — прирост всего 0,33–0,88 счета на 1000 населения.

Спрос на акции со стороны пенсионных фондов США способствует снижению доходности рынка акций, но произвести достоверную количественную оценку влияния в данном случае не представляется возможным.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Пенсионные институты — крупнейшие инвесторы на глобальном финансовом рынке с ядром в виде пенсионных фондов США: 20,2 трлн долл.

Их особенность — значительность инвестиций в акции внутреннего рынка, которые не замещаются инвестициями во взаимные фонды и в альтернативные инструменты (доля последних растет за счет сокращения доли корпоративных и государственных облигаций).

Тенденция перетока активов от пула пенсионных фондов США (57% пенсионных активов в 2020 г.) к пулу индивидуальных пенсионных счетов (Individual Retirement Accounts, IRAs) (32% активов) пока не обрела достаточного веса для изменения ситуации. Вложения IRAs в акции внутреннего рынка США по сумме равны вложениям пенсионных фон-

⁵ OECD. Funded Pension Statistics: Pension fund foreign investments. Формула средневзвешенной.

⁶ Gilbert M. Pension Funds Would Benefit From Overseas Adventures. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2022-02-23/pension-funds-would-benefit-from-overseas-adventures> (дата обращения: 30.08.2022).

Таблица 5 / Table 5

Индикаторы глобального финансового развития Всемирного банка, динамика которых определяется динамикой активов пенсионных фондов США / World Bank global financial development indicators influenced by U.S. pension funds dynamics

		М – рынки				
А. глубина	А.М.1	Обращающиеся международные частные долговые ценные бумаги к ВВП	Мир	США	Коэффициент регрессии (мир)	Коэффициент регрессии (США)
		Активы пенсионных фондов США	Да	Да	0,0017	0,0014
		Активы пенсионных фондов США в акциях	Да	Да	0,005	0,0041
	А.М.2	Обращающиеся международные государственные долговые ценные бумаги к ВВП	Мир	США		
		Активы пенсионных фондов США	Да	Нет	0,0001	-
		Активы пенсионных фондов США в акциях	Да	Нет	0,0003	-
	А.М.4	Общая стоимость акций, торгуемых на биржевом рынке, к ВВП	Мир	США		
		Активы пенсионных фондов США	Да*	Да*	0,0068	0,0151
		Активы пенсионных фондов США в акциях	Да*	Да*	0,02	0,0437
	А.М.5	Капитализация рынка акций к ВВП	Мир	США		
		Активы пенсионных фондов США	Да	Нет	0,0044	-
		Активы пенсионных фондов США в акциях	Да	Нет	0,013	-
		I – институты				
В В доступность	В.1.1	Банковские счета на 1000 взрослого населения	Мир	США		
		Активы пенсионных фондов США	Да	Да*	0,0051	0,0076
		Активы пенсионных фондов США в акциях	Да	Да*	0,0135	0,0223
	В.1.2	Отделения банков на 100 000 взрослого населения	Мир	США		
		Активы пенсионных фондов США	Да	Да	-0,001	-0,0005
		Активы пенсионных фондов США в акциях	Нет	Да	-	-0,0017

Продолжение таблицы 5 / Table 5 (continued)

		М – рынки					
С-эффективн-ть	С.М.1	Коэффициент оборачиваемости рынка акций	Мир	США			
		Активы пенсионных фондов США	Да	Да	0,0057	0,0089	
		Активы пенсионных фондов США в акциях	Да	Да	0,0162	0,025	
	С.М.2	Доходность рынка акций	Мир	США			
		Активы пенсионных фондов США	Да	Да	-0,0011	-	
		Активы пенсионных фондов США в акциях	Да	Да	-0,003	-	
		I – институты					
D-стабильность	D.I.2	Банковский капитал к активам	Мир	США			
		Активы пенсионных фондов США	Нет	Да	0,0005	0,0007	
		Активы пенсионных фондов США в акциях	Нет	Да	0,0017	0,0023	
			M – рынки				
	D.M.1	Волатильность цен на акции	Мир	США			
		Активы пенсионных фондов США	Да	Да	0,0002	0,0003	
Активы пенсионных фондов США в акциях		Да	Да	0,0007	0,001		

Источник / Source: [19].

Примечание: * двустороннее влияние.

дов США, т.е. в структуре портфеля акции занимают больший вес⁷.

Авторегрессионный анализ, включая Тест Грейнджера, подтвердил влияние динамики размера активов пенсионных фондов США на 50% выбранных индикаторов глобального финансового развития. Эти индикаторы охватывают рынки акций и облигаций, в меньшей степени — банки.

Можно выделить следующий механизм влияния: рост общей стоимости акций, торгуемых на биржевом рынке, ведет к росту активов пенсионных фондов США. Этот эффект мультиплицируется

обратным влиянием динамики пенсионных фондов на указанный индикатор. Далее с небольшой потерей мультипликационного эффекта следует рост капитализации рынка акций и стоимости обращающихся частных долговых ценных бумаг.

Изменение стоимости акций, торгуемых на мировом рынке, на 1% приведет к изменению размера пенсионных активов (с учетом мультипликационного эффекта) также на 1%. При снижении пенсионных активов быстрее замедляется оборачиваемость рынка акций, снижается капитализация и стоимостные показатели рынка частных облигаций. В меньшей степени негативное влияние распространяется на государственные облигации.

На фоне устойчивого и глубокого снижения индексов (в 1,5 раза и более) будет заметным участие

⁷ Данные Института инвестиционных компаний: Investment Company Institute. URL: https://www.ici.org/faqs/faq/iras/faqs_iras (дата обращения: 06.09.2022).

пенсионных фондов в снижении доходности рынка акций и в росте волатильности цен на них. Это путь к снижению инвестиционных качеств финансовых инструментов. Меньший, но заметный (при глубокой рецессии) вклад будет внесен в снижение показателей стабильности банковской системы и доступности банковских услуг.

В сложившемся механизме глобального влияния пенсионных фондов сверхконцентрированы

рыночные риски рынка акций и страновые риски США. Обвал биржевых рынков, ухудшение экономической конъюнктуры, изменения в пенсионном и налоговом законодательстве США — все это весомые причины снижения активов пенсионных фондов. В среднесрочной перспективе активное участие пенсионных институтов в замедлении глобального финансового развития выглядит почти неизбежным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Fabozzi F. J., ed. Handbook of finance. Vol. 1: Financial market and instruments. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc.; 2008. 869 p.
2. Thomas A., Spataro L. The effects of pension funds on markets performance: A review. *Journal of Economic Surveys*. 2016;30(1):1–33. DOI: 10.1111/joes.12085
3. Davis E. P., Hu Y. W. Does funding of pensions stimulate economic growth. *Journal of Pension Economics & Finance*. 2008;7(2):221–249. DOI: 10.1017/S 1474747208003545
4. Bailliu J. N., Reisen H. Do funded pensions contribute to higher aggregate savings? A cross-country analysis. *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1998;134(4):692–711. DOI: 10.1007/BF02773293
5. James E. Pension reform: An efficiency-equity tradeoff? In: Birdsall N., Graham C. L., Sabot R. H., eds. Beyond tradeoffs: Market reforms and equitable growth in Latin America. Washington, DC: Brookings Institution Press; 1998:253–272.
6. Clark G. L., Hebb T. Pension fund corporate engagement: The fifth stage of capitalism. *Relations Industrielles/Industrial Relations*. 2004;59(1):142–171. DOI: 10.7202/009130ar.
7. Lopez Murphy P., Musalem A. R. Pension funds and national saving. World Bank Policy Research Working Paper. 2004;(3410). URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/14127/wps3410.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed on 03.07.2022).
8. Bosworth B., Burtless G. Pension reform and saving. *National Tax Journal*. 2004;57(3):703–727. DOI: 10.17310/ntj.2004.3.11
9. Rezk E., Irace M., Ricca V. Pension funds' contribution to the enhancement of aggregate private saving: A panel data analysis for emerging economies. *SSRN Electronic Journal*. 2009. DOI: 10.2139/ssrn.1992440
10. Bottazzi R., Jappelli T., Padula M. Retirement expectations, pension reforms, and their impact on private wealth accumulation. *Journal of Public Economics*. 2006;90(12):2187–2212. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2006.03.005
11. Perotti E., Schwienbacher A. The political origin of pension funding. *Journal of Financial Intermediation*. 2009;18(3):384–404. DOI: 10.1016/j.jfi.2008.11.001
12. Sun S., Hu J. The impact of pension systems on financial development: An empirical study. *Risk Governance & Control: Financial Markets & Institutions*. 2014;4(3):120–131. DOI: 10.22495/rgcv4i3c1art5
13. Bonizzi B., Churchill J. Pension funds and financialisation in the European Union. *Revista de Economía Mundial*. 2017;(46):71–90. URL: <https://www.redalyc.org/pdf/866/86652391004.pdf>
14. Chovancova B., Hudcovsky J., Kotaskova A. The impact of stocks and bonds on pension fund performance. *Journal of Competitiveness*. 2019;11(2):22–35. DOI: 10.7441/joc.2019.02.02
15. Barr N., Dimond P. Pension reform: A short guide. Oxford, New York, NY: Oxford University Press; 2010. 261 p.
16. Жукова Т.В. Волновая природа пенсионных реформ. Первая волна 1994–2008 гг. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2019;12(6):130–151. DOI: 10.23932/2542–0240–2019–12–6–6
Zhukova T. V. Wavelike character of pension reforms. First-wave 1994–2008. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo = Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2019;12(6):130–151. (In Russ.). DOI: 10.23932/2542–0240–2019–12–6–6
17. Жукова Т.В. Статистические таблицы и рисунки к исследованию по теме: «Пенсионные фонды как глобальные инвесторы». ResearchGate. 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/362837776_Statisticeskie_tablicy_i_risunki_k_issledovaniu_po_teme_Pensionnye_fondy_kak_globalnye_investory_Statistical_Tables_and_Figures_of_Research_Topic_Pension_Funds_as_Global_Investors (дата обращения: 23.09.2022).

- Zhukova T.V. Statistical tables and figures of research topic “Pension funds as global investors”. ResearchGate. 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/362837776_Statisticeskie_tablicy_i_risunki_k_issledovaniu_po teme_Pensionnye_fondy_kak_globalnye_investory_Statistical_Tables_and_Figures_of_Research_Topic_Pension_Funds_as_Global_Investors (accessed on 23.09.2022).
18. Čihák M., Demirgüç-Kunt A., Feyen E., Levine R. Benchmarking financial systems around the world. World Bank Policy Research Working Paper. 2012;(6175). URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/12031/wps6175.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed on 12.08.2022).
 19. Жукова Т.В. Анализ временных рядов. Тест Грейнджера к исследованию по теме «Пенсионные фонды как глобальные инвесторы». ResearchGate. 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/362888768_Analiz_vremennyh_radov_Test_Grejndzera_k_issledovaniu_Time-series_analysis_Granger_causality_test_of_Research_Topic?channel=doi&linkId=6305d83a61e4553b95340e01&showFulltext=true (дата обращения: 23.09.2022).
Zhukova T.V. Time-series analysis. Granger causality test of research topic “Pension funds as global investors”. ResearchGate 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/362888768_Analiz_vremennyh_radov_Test_Grejndzera_k_issledovaniu_Time-series_analysis_Granger_causality_test_of_Research_Topic?channel=doi&linkId=6305d83a61e4553b95340e01&showFulltext=true (accessed on 23.09.2022).
 20. Rajbhandari A., Zhang F. Does energy efficiency promote economic Growth? Evidence from a multi-country and multi-sector panel data set. World Bank Policy Research Working Paper. 2017;(8077). URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/957991496167336779/pdf/WPS_8077.pdf (accessed on 05.09.2022).
 21. Moriyama K., Naseer A. Forecasting inflation in Sudan. IMF Working Paper, 2009;(132). URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Forecasting-Inflation-in-Sudan-23043> (accessed on 03.05.2022).
 22. Afanador J.P., Davis R., Pedraza A. Estimating the gains from international diversification: The case of pension funds. World Bank Policy Research Working Paper. 2021;(9635). URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/199811618928307743/pdf/Estimating-the-Gains-from-International-Diversification-The-Case-of-Pension-Funds.pdf> (accessed on 25.05.2022).
 23. Vittas D. Pension funds and capital markets: Investment regulation, financial innovation, and governance. The World Bank Note. 1996;(71). URL: <http://www.pensionreform.ru/files/24694/71vittas.pdf> (accessed on 26.05.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Татьяна Васильевна Жукова — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора теории финансовых рынков, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

Tatyana V. Zhukova — Candidate of Sciences (Econ.), Senior Researcher, Section of Financial Markets Theories, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5568-4089>
ttanya2001@gmail.com

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.*

*Статья поступила 15.11.2022; после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 12.01.2023.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 15.11.2022; revised on 10.12.2022 and accepted for publication on 12.01.2023.
The author read and approved the final version of the manuscript.*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-83-93
УДК 336(045)
JEL G1

Переоценка роли и функций российского финансового рынка в условиях структурной трансформации экономики

М.Л. Дорощев

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Хорошо развитый финансовый рынок играет центральную роль в управлении сбережениями и инвестициями в экономике и способствует ускорению экономического роста. Геополитические события на Украине, в которые оказалась вовлечена Россия в феврале 2022 г., принципиально изменили ее внешнеторговую политику в части проведения экспортно-импортных расчетов. Множество внешних и внутренних ограничений отразилось на эффективности функционирования прошлой модели российского финансового рынка. Сегодня перед нашей страной встала необходимость проводить кардинальные структурные изменения в экономике. В этой связи возрастает актуальность идентификации проблем, возникших на российском финансовом рынке, и разработки оптимальных вариантов их решений. Целью данной статьи является оценка роли и динамики развития финансового рынка до и после февральских событий 2022 г. с акцентом на изменение качества выполнения финансовым рынком своих функций.

Ключевые слова: финансовый рынок; санкции; структурная трансформация экономики; экономический рост; курс рубля; международные расчеты

Для цитирования: Дорощев М.Л. Переоценка роли и функций российского финансового рынка в условиях структурной трансформации экономики. *Мир новой экономики*. 2023;17(1):83-93. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-83-93

ORIGINAL PAPER

Reassessment of the Role and Functions of the Russian Financial Market in the Context of Structural Transformation of the Economy

M.L. Dorofeev

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

A well-developed financial market has a central role in the savings management and investments in the economy and accelerates the economic growth. Geopolitical events in Ukraine, in which Russia got involved in February of 2022, fundamentally changed Russia's foreign trade policy in terms of export-import payments. A large number of external and internal restrictions left a considerable impact on the effectiveness of the previous model of the Russian financial market. Today our country faces the need to carry out radical structural changes in its economy. Due to this fact there is an evident increase in the importance of the problems identification in the Russian financial market as well as in the development of optimal solutions of the issue. The purpose of this article is to assess the role and dynamics of the financial market's development before and after the February events of 2022. Moreover, the article makes an emphasis on the change in the functions performance quality of the financial market.

Keywords: financial market; sanctions; structural transformation of the economy; economic growth; ruble exchange rate; international payments

For citation: Dorofeev M.L. Reassessment of the role and functions of the Russian financial market in the context of structural transformation of the economy. *The World of New Economy*. 2023;17(1):83-93. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-83-93

© Дорощев М.Л., 2023

ВВЕДЕНИЕ

Как и любой другой, финансовый рынок формируется на основе экономических отношений между его участниками. Только объектом этих отношений являются не реальные активы (недвижимость, продукты питания, автомобили и т.п.), а финансовые ресурсы. В большинстве случаев финансовый рынок структурно представляет как совокупность системообразующих сегментов: валютного, кредитного, страхового рынков, а также рынка ценных бумаг [1, 2].

Хорошо развитый финансовый рынок играет центральную роль в управлении сбережениями и инвестициями в экономике. Качественно выполняя свои функции, он способствует ускорению экономического роста [3–7]. Одним из наиболее показательных признаков развитости финансового рынка является коэффициент соотношения капитализации рынка акций к ВВП страны (табл. 1). Значение этого показателя по сравнению с уровнем 100%, показателями других стран и историческими экстремумами характеризует спрос на акции и желание инвестировать в рынок акций конкретной страны. Чем больше данный показатель, тем больше перспектив для инвесторов и наоборот.

В таких странах, как США, Япония, Нидерланды, Сингапур, Южная Африка, Гонконг капитализация фондового рынка, по сравнению с размерами их ВВП, больше чем в полтора раза. Во многих случаях это связано с профицитом торгового баланса, текущими выгодами от конъюнктуры на сырьевых рынках, статусом международного финансового центра и другими конкурентными преимуществами экономики отдельно взятой страны. Другими словами, с сильной экономикой и хорошей финансовой инфраструктурой, как например, в США. Инвесторы по той или иной причине стремятся купить акции этой страны и объем вкладываемых средств весьма существенен по сравнению с уровнем ее ВВП. С одной стороны, это может указывать на большие возможности для корпораций по привлечению финансовых ресурсов на финансовом рынке, поскольку уровень его монетизации достаточно велик и, соответственно, условия для них очень благоприятные. С другой стороны, такие высокие показатели могут говорить об отстающем знаменателе, т.е. о стагнирующей экономике, высоком уровне безработицы и т.п. при сохраняющейся восходящей динамике фондового рынка, как, например, в Южной Африке и Японии после 2010 г. Стимулирующая монетарная политика и стремление внутренних инвесторов спасти свои

сбережения от разгоняющейся инфляции могут приводить к надуванию финансовых пузырей. Ситуация на рынке акций Южной Африки очень похожа на ту, что была в нашей стране в 2020–2022 гг., когда Банк России начал постепенно повышать процентную ставку с рекордно низкой базы. Страны с развивающимися экономиками с сырьевой спецификой (Россия, Бразилия, Мексика, Южная Африка и т.п.) могут иметь совершенно разные диапазоны и текущие значения соотношения капитализации рынка акций к ВВП страны. В этом контексте сегодня у российского рынка акций продолжается «черная полоса», поскольку уровень монетизации рынка акций на начало 2022 г. был невысоким, а после событий 2022 г. драматически сократился. Роль финансового рынка для развития экономики России возросла, поскольку в настоящее время для большинства участников он является единственной доступной площадкой для привлечения финансирования. Многих коснулась проблема введения санкций и невозможности привлекать капитал в евродолларовом сегменте мирового финансового рынка, а другие каналы финансирования (финансовые рынки дружественных стран) в части доступных финансовых инструментов и финансовой инфраструктуры пока развиты недостаточно. Поскольку на текущий момент российский финансовый рынок не восстановился, существуют объективные препятствия для достижения показателей, заложенных в национальные цели развития Российской Федерации.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

При анализе динамики развития российского финансового рынка использовались данные Банка России и Московской Биржи. При их сопоставлении учитывались относительные показатели объема активов и торгов в процентах к ВВП. Для оценки изменения долей того или иного рынка рассматривалась динамика финансовых индикаторов этих рынков.

Анализ современного состояния финансового рынка проведен методом экспертных оценок на основании открытых данных из официальных источников. Каждая функция финансового рынка оценивалась по 10-балльной шкале, где «0» — самая низкая оценка, а «10» — наивысшая. Текущие оценки качества выполнения финансовым рынком своих функций даны в виде диапазонов с учетом того, что в последние месяцы производятся попытки его структурной трансформации и создания новых возможностей для доступа к азиатским международным финансовым центрам.

Таблица 1 / Table 1

Капитализация рынка акций в странах с развитой и развивающейся экономикой по состоянию на середину 2022 г. / Equity market capitalization in advanced and emerging economies as of mid-2022

Страна	Тип экономики	ВВП (трлн долл. США)	Капитализация рынка к ВВП на текущую дату, %	Исторический минимум, %	Исторический максимум, %	Количество наблюдений, лет	Наименование странового ETF
США	DM*	24,39	161,9	32,7	202,5	52	SPY
Китай	EM**	16,68	56,87	0,23	156,87	32	MCHI
Япония	DM	3,98	147,08	31,06	156,26	42	EWJ
Германия	DM	3,65	52,9	18,46	76,61	35	EWG
Индия	EM	2,96	89,17	21,34	156,25	25	INDA
Великобритания	DM	2,78	99,54	46,15	177,37	38	EWU
Франция	DM	2,54	110,13	27,63	130,51	32	EWQ
Россия	EM	2,25	25,7	7,53	123,55	25	ERUS
Канада	DM	1,93	138,25	7,83	211,54	42	EWC
Италия	DM	1,81	23,72	15,5	77,28	25	EWI
Бразилия	EM	1,58	47,9	19,28	101,95	25	EWZ
Корея	DM	1,57	90,43	11,38	132,58	26	EWY
Австралия	DM	1,51	101,02	43,83	153,98	30	EWA
Мексика	EM	1,28	32,67	13,43	45,09	31	EWV
Испания	DM	1,23	50,21	25,05	126,48	29	EWP
Индонезия	EM	1,13	46,86	4,51	57,15	32	EIDO
Нидерланды	DM	0,88	139,82	39	178,8	30	EWN
Швейцария	DM	0,77	253,71	54,62	298,52	32	EWL
Швеция	DM	0,52	162,79	25,21	217,38	32	EWD
Бельгия	DM	0,52	64,18	31,76	103,75	31	EWK
Турция	EM	0,4	33,28	5,5	76,55	30	TUR
Сингапур	DM	0,38	175,06	64,91	354,46	35	EWS
Южная Африка	EM	0,37	292,88	94,79	340,2	27	EZA
Гонконг	DM	0,37	976,85	104,82	1525,57	36	EWH
Египет	EM	0,34	7,44	7,39	123,99	24	EGPT
Пакистан	EM	0,21	17,1	5,82	49,63	25	PAK
Максимум	-	24,39	976,85	104,82	1525,57	-	-
Медиана	-	1,40	89,80	23,20	143,28	-	-
Среднее	-	2,92	130,67	29,22	205,95	-	-
Среднее по DM	-	3,05	171,72	36,24	257,72	-	-
Среднее по EM	-	2,72	64,99	17,98	123,12	-	-
Минимум	-	0,21	7,44	0,23	45,09	-	-

Источник: / Source: составлено автором по: URL: <https://www.gurufocus.com/global-market-valuation.php> / compiled by the author based on: <https://www.gurufocus.com/global-market-valuation.php>

Примечание: ETF – биржевой инвестиционный фонд, позволяющий в данном случае инвестировать в широкий рынок акций отдельно взятой страны; DM – страны с развитой экономикой; EM – страны с развивающейся экономикой.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ развития российского финансового рынка и его роли в функционировании российской экономики до февраля 2022 г.

За первые двадцать лет текущего столетия российский финансовый рынок эффективно встроился в глобальную финансовую систему и стал ее неотъемлемой частью [8]. Россия продавала сырье за доллары США, которые вместе с глобальным спекулятивным капиталом свободно перемещались через границу. После 2008 г. российская экономическая модель развивалась в условиях стабильно положительного сальдо торгового баланса и хронического оттока капитала¹. Как это ни парадоксально, но при наличии более чем 20-летней истории существования современного российского финансового рынка, при ярко выраженной сырьевой специфике российской экономики товарный рынок Московской Биржи до сих пор является слабо развитым, низколиквидным и недостаточно глубоким по сравнению с другими сегментами [2]. Во многом это связано с тем, что торги сырьевыми товарами, которые добывает и экспортирует Россия, проходят в иностранной валюте и преимущественно на внешних рынках.

Глубина российского финансового рынка на 2022 г. — небольшая для полноценного обслуживания потребностей экономики, в том числе крупных российских заемщиков. В частности, по показателю банковских кредитов частному сектору экономики к ВВП Россия отстает от многих развитых стран (59,9% против 158,5% в странах ОЭСР, 94,8% в Евроне в 2020 г.). При этом кредитный рынок сопоставим с некоторыми странами с развивающимися экономиками (70,2% — Бразилия, 55,3% — Индия). Показатель объема облигаций нефинансовых организаций к ВВП в России также находится ниже уровня стран ОЭСР (8,1% против 24,2%, по итогам 2020 г.), а также Китая (30,7%), при этом близок к Бразилии (7%)².

Сегмент долевого финансирования на рынке капитала до сих пор не стал существенным источником привлечения финансовых ресурсов российскими компаниями. В период с 2014 по 2022 г. на российском финансовом рынке произошло около двух десятков первичных размещений акций. Финансовые

результаты участия инвесторов в российских IPO, по состоянию на середину 2022 г., выглядят не очень обнадеживающе³. В то же время на американском первичном рынке акций, который является одним из наиболее глубоких и ликвидных в мире, сопоставимое количество размещений проходит за период 1–2 месяца и многие из выпусков позволяют инвесторам заработать сотни процентов чистой доходности⁴.

В условиях недостаточной глубины российского финансового рынка и ограниченной доступности долгосрочного финансирования роль собственных средств предприятий в финансировании инвестиций в основной капитал продолжает возрастать. Их доля в общих источниках финансирования инвестиций увеличилась с 53% в 2018 г. до 55,2% в 2020 г. Сравнительно низкий уровень финансовой грамотности населения и отсутствие доверия внутреннего инвестора создают не очень благодатную почву для нормального функционирования долевого сегмента российского финансового рынка. С другой стороны, темпы его развития позволяют говорить о конкурентных преимуществах на мировом финансовом рынке⁵.

Согласно статистическим показателям Банка России корпоративные кредиты и кредиты сектору домохозяйств в среднем растут быстрее российской экономики на 5 процентных пунктов в год (*табл. 2*).

Для наглядного сравнения роли банковского сектора и кредитного рынка с фондовым, валютным, срочным и товарным рассмотрим статистические показатели основных рынков Московской Биржи (*табл. 3*).

По *табл. 2* и *3* видно, что сбережений физических лиц на банковских депозитах (34 трлн руб. по состоянию на конец 2021 г.) достаточно, чтобы выкупить весь российский рынок акций (около 30 трлн руб. по состоянию на конец 2021 г.), который обращается на Московской Бирже. Если к вкладам физлиц добавить депозиты корпоративных клиентов в банковском секторе (около 40 трлн руб. на конец 2021 г.), то этого будет более чем достаточно, чтобы выкупить все выпущенные акции на российском фондовом рынке,

¹ Банк России. Статистика внешнего сектора. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 25.08.2022).

² Банк России. Основные направления развития финансового рынка российской федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/131935/onrfr_2021-12-24.pdf (дата обращения: 25.07.2022).

³ Открытие Брокер. Основные результаты прошедших IPO для компаний и для инвесторов. URL: <https://journal.open-broker.ru/investments/7-kompanij-kotorye-proveli-ipo-na-mosbirzhev-2021-godu/> (дата обращения: 25.07.2022).

⁴ Календарь IPO на официальном сайте биржи Насдак. URL: <https://www.nasdaq.com/market-activity/ipos> (дата обращения: 25.07.2022).

⁵ Мосбиржа. Годовые отчеты и Отчеты о сделках с заинтересованностью. URL: <https://www.moex.com/s1346> (дата обращения: 25.07.2022).

Таблица 2 / Table 2

**Статистические показатели банковского сектора Российской Федерации /
Statistical indicators of the banking sector of the Russian Federation**

№	Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	Среднегодовой темп прироста, %
1	Активы банковского сектора, млрд руб.	77 961	86 232	88 796	103 842	120 310	13,6
	в % к ВВП	84,9	83,0	81,0	96,8	92,0	1,8
2	Корпоративные кредиты и кредиты, предоставленные физлицам, включая просроченную задолженность, млрд руб.	45 994	52 912	56 654	64 804	74 949	15,7
	в % к ВВП	50,1	50,9	51,7	60,4	57,3	1,8
3	Вложения в ценные бумаги, млрд руб.	10 564	11 484	12 012	16 151	17 289	15,9
	в % к ВВП	11,5	11,1	11,0	15,0	13,2	0,4
4	Вклады физлиц, млрд руб.	25 987	28 459	30 412	32 834	34 695	8,4
	в % к ВВП	28,3	27,4	27,7	30,6	26,5	-0,4
5	Депозиты и средства корпоративных клиентов, млрд руб.	24 843	28 005	28 146	34 067	39 885	15,1
	в % к ВВП	27,0	27,0	25,7	31,7	30,5	0,9

Источник / Source: составлено автором по: URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ / compiled by the author based on: URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/review/

рыночная капитализация которого составляла примерно 63 трлн руб. на конец 2021 г.⁶

Обороты торгов на фондовом рынке в среднем за период 2017–2021 гг. составили примерно 40% ВВП. В то же время объем корпоративных кредитов и кредитов, предоставленных физлицам, включая просроченную задолженность, колебались в районе 55–60% ВВП. Таким образом, ключевую роль в финансировании экономики играет не фондовый, а кредитный рынок. Валютный и денежный рынки значительно превосходят фондовый по объему торгов на Московской Бирже. На денежном рынке почти весь объем торгов проходит в сегменте операций РЕПО, в рамках которых происходит кредитование под залог различных ценных бумаг с участием или без участия центрального контрагента, а также в других форматах. Срочный рынок Московской Биржи развивался наиболее быстрыми темпами по сравнению с остальными сегментами финансового рынка. Самым динамичным

можно считать рынок фьючерсов, который по объему торгов занимает весьма значительное место среди прочих (около 120% ВВП).

Оценка современного состояния финансового рынка после событий февраля 2022 г.

Трансформации, которые произошли с финансовым рынком в 2022 г., колоссальны по своим масштабам и последствиям для развития российской экономики. Наша финансовая система оказалась частично отсечена от международной финансовой инфраструктуры. Отключение банковской системы от Свифт, отзыв кредитных рейтингов от международных рейтинговых агентств, демарш большой аудиторской четверки и другие события изменили инвестиционный статус российского финансового рынка. Он лишился значительной доли иностранной ликвидности от нерезидентов, доля которых составляла от 15 до 35% в разных сегментах. При этом часть иностранного капитала оказалась запертой внутри российской финансовой системы на неопределенный срок, что явилось ответной мерой на бло-

⁶ Московская Биржа. Рыночная капитализация. URL: <https://www.moex.com/s26> (дата обращения: 25.07.2022).

Таблица 3 / Table 3

Статистические показатели сегментов финансового рынка, которые обслуживаются Московской биржей, объемы торгов в млрд руб. / Statistical indicators of the segments of the financial market, which are served by the Moscow Exchange, trading volumes in billion rubles

Сегмент рынка Московской Биржи	2017	2018	2019	2020	2021	Среднегодовой темп прироста, %
Фондовый рынок	35 413	40 671	40 662	54 522	52 430	12,0
В % от ВВП	38,6%	39,2%	37,1%	50,8%	40,1%	0,4
Рынок акций, ДР и паев	9 185	10 830	12 443	23 905	29 997	56,6
Рынок облигаций	26 228	29 841	28 219	30 617	22 433	-3,6
Денежный рынок	419 750	381 781	366 452	433 176	476 352	3,4
В % от ВВП	457,0%	367,6%	334,3%	403,6%	364,2%	-23,2
Валютный рынок	347 755	349 198	308 579	329 460	322 033	-1,8
В % от ВВП	378,6%	336,2%	281,5%	307,0%	246,2%	-33,1
Срочный рынок	84 522	89 317	82 479	129 953	158 530	21,9
В % от ВВП	92,0%	86,0%	75,2%	121,1%	121,2%	7,3
Товарный рынок	128	152	85	78	224	18,8
В % от ВВП	0,1%	0,1%	0,1%	0,1%	0,2%	0,0

Источник / Source: составлено автором по: URL: <https://www.moex.com/ru/ir/interactive-analysis.aspx> / compiled by the author based on: URL: <https://www.moex.com/ru/ir/interactive-analysis.aspx>

кировку и конфискацию российских государственных золотовалютных резервов, финансовых активов и имущества за рубежом. В результате российский финансовый рынок оказался лишен внешних источников финансирования и остался наедине с собой и ресурсами внутренних инвесторов (резидентов).

Большое количество внутренних ограничений, которые были введены регулятором для стабилизации ситуации на российском финансовом рынке, также отразились на уровне качества его работы. Например, введение комиссий принудительной продажи валютной выручки в феврале 2022 г., отмена бюджетного правила, санкции против ЦБ РФ, а также почти полная блокировка трансграничного движения капитала привели к чудовищному дисбалансу спроса и предложения на иностранную валюту на российском валютном рынке с учетом текущего уровня цен на углеводороды. Несмотря на то что несколько месяцев валютный курс называли абсолютно рыночным⁷, он, безусловно,

⁷ РБК: Максим Орешкин назвал курс рубля абсолютно рыночным. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/62860ea49a7947ce2565ecdb> (дата обращения: 01.09.2022).

являлся таковым с большими оговорками. Административное регулирование финансового рынка и запрет на вывод капитала из России за несколько месяцев сделали свое дело, укрепив валютный курс до абсурдных уровней. Еще одним значимым аргументом в пользу тезиса о существующих дисбалансах на российском финансовом рынке является большой перекоп в стоимости сопоставимых импортных товаров на территории России и за рубежом. Разница в ценах на аналогичные импортные товары, продаваемые на территории России и за границей, на середину 2022 г. составляла до 30%. Даже снятие большей части ограничений в начале осени 2022 г. не помогло восстановить валютный курс рубля до уровня начала года. Фактически старая «версия» финансового рынка была ликвидирована в феврале 2022 г., и с тех пор происходит рождение его новой модели.

В табл. 4 представлены результаты анализа качества выполнения финансовым рынком своих функций по состоянию на январь и сентябрь 2022 г. Сейчас по большинству позиций ситуация улучшается, однако остается значительно хуже, чем в начале 2022 г.

ДИСКУССИЯ

В анализе приоритетных направлений и принципов развития финансового рынка России на среднесрочную перспективу мы исходим из того, что введенные против России санкции и торговые ограничения будут иметь долгосрочные последствия. В период активной фазы специальной военной операции, которая может продолжаться дольше, чем ожидается, вероятно не только сохранение текущих санкций, но и введение новых. Скорее всего, внешняя конъюнктура будет оставаться неблагоприятной для работы российского финансового рынка достаточно долго (не менее 2-х президентских циклов).

Безусловно, для развития внутреннего финансового рынка Банку России следует двигаться в тех же направлениях, в которых он развивался в начале 2022 г., куда входит: повышение защищенности потребителей финансовых услуг; содействие цифровизации; повышение доступности финансовых услуг; развитие конкуренции на финансовом рынке; обеспечение финансовой стабильности; содействие целям устойчивого развития и продолжение ESG-трансформации российского бизнеса; развитие рынка капиталов и долгосрочного финансирования⁸. Вместе с тем очевидно, что траектории движения в перечисленных направлениях должны измениться в большей или меньшей степени — в зависимости от вовлеченности в этот процесс иностранных технологий и инфраструктуры.

Генеральным трендом предстоящего десятилетия будет разворот России на Восток, по направлению к китайской финансовой инфраструктуре и рынкам. По мнению автора, на текущий момент только юань может стать заменой западным резервным валютам в качестве мировых денег, так как импорт из Китая составляет более четверти от всего объема, в то время, как из Индии, Турции, Вьетнама и пр. он не превышает 2% по каждой стране⁹. К сожалению, это будет неполноценной заменой евродолларовой валютной системы, поскольку финансовый рынок Китая, так же, как и российский, является развивающимся и содержит много рисков для внешних инвесторов [9].

Развитие финансовой инфраструктуры в рамках ЕвразЭС также способно сгладить негативное влияние

иностранных санкций на российский финансовый рынок и экономику [10–13]. Однако очевидно, что страны — участники евразийского сообщества будут стараться избегать рисков попадания под вторичные санкции США, поэтому России придется проявить «творческий» подход для успешного решения этой задачи. Учитывая большую зависимость западного мира от сырьевых ресурсов России, ожидается, что США не будут этому препятствовать.

Основными инвесторами в российскую экономику в ближайшие 10 лет должны стать резиденты и государство. Вполне логичным является введение программ повышения финансовой грамотности для вовлечения большего числа инвесторов с одновременным обеспечением для них необходимого уровня защиты со стороны мегарегулятора [14–16]. Проведение уроков финансовой грамотности в школах в этом контексте выглядит оправданной мерой¹⁰.

Очевидно, что полученный опыт должен заставить Россию развивать финансовые инструменты, позволяющие внутренним инвесторам вкладывать в реальную экономику России на долгосрочной основе. В том числе, это касается и международных российских резервов, которые сегодня крайне сложно инвестировать в иностранные финансовые активы под минимальную доходность.

Перспективным направлением является инициатива по развитию системы расчетов и обслуживающей инфраструктуры в национальных валютах. В рамках него необходимо переходить на ценообразование российского экспорта в рублях, что в долгосрочной перспективе позволит увеличить количество иностранных участников на российском финансовом рынке и частично решить проблему недостаточности его глубины и ликвидности. Данное направление целесообразно развивать именно в рамках двухконтурной валютной системы, в которой внутренний рубль будет управляемой, а внешний — рыночной валютой. Использование цифровых валют для международных расчетов также представляется рациональным. Отметим, что для развития внутренней экономики нашей стране невыгоден крепкий валютный курс, поскольку это не стимулирует внутреннее производство и развитие инноваций и делает все факторы производства очень дорогими по сравнению с иностранными аналогами. При этом стабильный и крепкий внешний рубль может стать одной из новых мировых резервных

⁸ Банк России. Основные направления развития финансового рынка российской федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/131935/onfr_2021-12-24.pdf (дата обращения: 01.08.2022).

⁹ Структура импорта в Россию из разных стран мира. URL: <https://tradingeconomics.com/russia/imports-by-country> (дата обращения: 01.09.2022).

¹⁰ РБК. Российских школьников в обязательном порядке начнут учить финграмотности. URL: <https://www.rbc.ru/finances/08/07/2021/60e6d86b9a7947f1088532bf>

Таблица 4 / Table 4

Результаты анализа качества выполнения финансовым рынком своих функций по состоянию на январь и сентябрь 2022 г. и количественные оценки по шкале от 0 до 10 / Results of analysis of the functions performance quality of the financial market as of January and September 2022 and quantitative assessments on a scale from 0 to 10

Функция финансового рынка	01 янв. 2022	01 сент. 2022	Примечания
Перераспределительная	10	6–7	После введения инфраструктурных ограничений, блокировок иностранных ценных бумаг, демарша двух международных операторов платежных систем, ограничений по трансграничному движению капитала, запрета на снятие наличной иностранной валюты и введения комиссий за хранение иностранной валюты недружественных стран в российских финансовых организациях данная функция стала выполняться заметно хуже, чем было в начале года. Вместе с тем частично финансовая инфраструктура продолжила работать, задействованы отечественные платежные системы, предпринимаются попытки расширять сферы их охвата на территории иностранных государств
Сберегательная (инвестиционная)	10	5–6	Санкции и ограничения, введенные со стороны недружественных стран, а также ответные санкции и регуляторные ограничения со стороны России свели возможности инвестирования сбережений в иностранные ценные бумаги и финансовые активы до минимума. Внутренний финансовый рынок остается недостаточно глубоким и проходит болезненную структурную перестройку. На текущий момент у инвесторов есть не так много возможностей для инвестирования и большинство из них не позволяют обгонять инфляцию. В перспективе для розничного инвестора возможно открытие финансовых рынков дружественных стран (Гонконг, Китай, Индия, Турция и т.п.). Вместе с тем Банк России ужесточает требования к уровню квалификации инвесторов, тем самым отсекая возможности для большинства из них вкладываться во что-то. Перечень инвестиционных стратегий для резервов суверенного фонда и ЗВР России, в которых фигурируют иностранные финансовые активы, сократился почти до нуля. До сих пор не разработано новое бюджетное правило, поскольку просто непонятно, куда можно безопасно инвестировать, чтобы не столкнуться с очередной блокировкой резервов. Санкт-Петербургская биржа, которая являлась посредником для российских розничных инвесторов по инвестированию в иностранные ценные бумаги, фактически полностью выведена из строя блокировкой западной инфраструктуры и в настоящее время вынуждена полностью перестраиваться на азиатские рынки
Мобилизации капитала	7	4–5	На начало года ключевая ставка ЦБ РФ уже находилась в устойчивом повышательном тренде, что сильно ухудшало условия заимствований и привлечения капитала на рынке. В марте 2022 г. Банком России введена запретительная ключевая ставка в размере 20%. Российская финансовая система была по большей части отключена от SWIFT. Были введены санкции на долговой рынок России. Крупнейшие российские банки попали в SDN-лист. Проблемы с обслуживанием долговых бумаг из-за невозможности провести по ним платежи начались даже у тех, кто не попал под санкции. Фактически российский финансовый рынок оказался отрезанным от мировой финансовой системы. По состоянию на март-апрель эту функцию российский финансовый рынок практически не выполнял (0–1 балл). После стремительного снижения ключевой ставки ЦБ РФ во втором квартале 2022 г. ситуация на финансовом рынке стала лучше, а кредиты – более доступны. Минфин России сообщил, что планирует досрочно возвращаться на рынок ОФЗ в текущем году. Однако большинство внешних и внутренних ограничений остались в силе, поэтому данная функция выполняется рынком существенно хуже, чем в начале года. На текущий момент привлечение капитала через рынок акций на российском фондовом рынке путем открытой подписки не представляется возможным. Из-за отзыва иностранных рейтингов финансовые ресурсы от иностранных институциональных инвесторов и крупных фондов не поступают
Защита от рисков	8	3–4	Основной проблемой на начало текущего года была низкая глубина и ликвидность финансового рынка и его срочной секции. По состоянию на середину 2022 г., эта проблема стала в разы больше. Российский финансовый рынок не позволяет в достаточной мере защититься от валютного риска, поскольку для большинства участников эта услуга стоит чрезмерно дорого как на спотовом рынке из-за введенных комиссий и ограничений, так и на срочном рынке из-за низкой ликвидности и высоких требований к гарантийному обеспечению. Главная проблема в части данной функции – сокращение ликвидности и глубины рынка. Для розничного инвестора услуги по хеджированию стоят дорого, а для институциональных инвесторов на рынке не хватает ликвидности. Кроме этого, перечень инструментов, в том числе «нетоксичных» иностранных валют, доступных для инвестирования, существенно сократился. Соответствие, возможности для диверсификации инвестиционного портфеля также сильно ухудшились

Продолжение таблицы 4 / Table 4 (continued)

Функция финансового рынка	01 янв. 2022	01 сент. 2022	Примечания
Ценообразования	10	3–4	Много ограничений для финансового рынка было введено со стороны недружественных стран. Российские регуляторы в большом объеме задействовали методы прямого административного регулирования рынка, в том числе запреты на продажу активов, на выход с рынка для нерезидентов, на покупку иностранных активов, на публикацию финансовой отчетности и т.д. Следствием этих мер стало замыкание рынка на внутренних инвесторах, которые дезориентированы и не могут сформировать адекватную фундаментальную оценку финансовых активов, обращающихся на российском фондовом рынке. С нашей точки зрения, невозможно утверждать, что текущие цены на рынке эффективны из-за неработающих по причине блокировки трансграничного движения капитала межрыночных арбитражеров
Информационная	10	7–8	Вероятно, эту функцию рынок продолжает выполнять лучше других. Анализ индикаторов на внутреннем и внешнем финансовых рынках позволяет дать оценку различным процессам в экономике. Вместе с тем снижение ликвидности и временная приостановка некоторых сегментов финансового рынка (например, рынка ОФЗ с погашением до года или биржевого рынка швейцарского франка на валютной секции Мосбиржи) в определенной степени сокращают информативность финансового рынка России
Среднее значение	9,2	4,7–5,7	-

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

валют, пользующихся спросом со стороны резидентов дружественных стран.

ВЫВОДЫ

Изменения, которые произошли с российским финансовым рынком в феврале-марте 2022 г., поражают своими масштабами и последствиями. Финансовый рынок России оказался отрезан от глобального рынка, в который он очень долго и последовательно встраивался после распада СССР. Находясь в изоляции от иностранных инвестиций, российская экономика теперь может рассчитывать только на внутренних инвесторов и финансовые ресурсы российского финансового рынка.

По разным оценкам, текущий уровень качества выполнения финансовым рынком России своих функций сократился примерно вдвое, однако динамика его восстановления достаточно быстрая. Роль внутреннего финансового рынка для российской экономики значительно возросла, поэтому нужно прилагать больше усилий по его развитию, чем это делалось раньше. Очевидно, что вернуться к показателям качества на начало года с учетом сложившихся обстоятельств не представляется возможным. В этой связи необходимо перестраивать не только экономику, но и соответствующую

инфраструктуру российского финансового рынка, стремясь к тому, чтобы он хотя бы частично восстановил свои функции.

Для российского финансового рынка в сложившихся обстоятельствах необходимо:

- развиваться в соответствии с принятой ранее стратегией с учетом ряда корректировок;
- ориентироваться на Восток, преимущественно под шанхайский и гонконгский мировые финансовые центры;
- способствовать усилению роли юаня как фиатной валюты для хранения международных резервов;
- развивать инфраструктуру и доступность финансовых услуг для внутренних инвесторов;
- разрабатывать инструменты для инвестирования длинных денег на внутреннем финансовом рынке;
- ускорить переход международных расчетов на основе национальных валют;
- оценить перспективы введения двухконтурной валютной системы, в которой внутренний рубль (несильный и управляемо девальвируемый) будет предназначен для развития российской экономики, а внешний (рыночный, возможно на основе цифрового рубля) — для международных расчетов и резервирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Красилов Д.А. Финансовый рынок как экономическая и юридическая категория. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2018;(1):207–213.
2. Рулинская А.Г., Таранов А.В., Ковалерова Л.А. и др. Финансовый рынок России: современные характеристики, инструменты, регуляторы. Брянск: Брянский гос. ун-т им. акад. И.Г.Петровского; 2015. 122 с.

3. Мандрон В.В., Зверев А.В., Мишина М.Ю. Финансовые рынки современной России: особенности регулирования и тенденции развития. *Вестник Брянского государственного университета*. 2018;(1):226–234.
4. Новиков А.В., Новикова И.Я. Развитие финансового рынка как драйвер роста экономики России. *Идеи и идеалы*. 2020;12(1–2):319–352. DOI: 10.17212/2075–0862–2020–12.1.2–319–352
5. Котляров М.А., Ломтатидзе О.В. Направления развития финансового рынка России. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2010;(4):24–32.
6. Галимова Г.А. Роль финансового рынка в развитии финансовой системы региона. *Финансы Башкортостана*. 2014(1):35–38.
7. Есакова Д.А., Тропынина Н.Е. Проблемы и направления развития российского фондового рынка на современном этапе его функционирования. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2021;(3):33–38. DOI: 10.47581/2021/FA-09/IE/53/03.006
8. Абилкасымов Б.Ж., Алексеев П.В., Белавина А.А. и др. *Мировой финансовый рынок и Россия*. М.: КноРус; 2021. 340 с.
9. Козлов Л.Е. Специфика финансового аудита в современном Китае. *Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление*. 2015;(4):106–116.
10. Абрамова М.А., Лаврушин О.И., Пищик В.Я. и др. Программный документ Банка России «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов»: мнение экспертов Финуниверситета. *Экономика. Налоги. Право*. 2019;12(3):17–24. DOI: 10.26794/1999–849X-2019–12–3–17–24
11. Львова Н.А., Коршунов О.Ю., Рахимов З.Ю. Внедрение парадигмы устойчивых финансов в стратегию развития финансового рынка ЕАЭС. *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент*. 2021;(1):32–42. DOI: 10.17586/2310–1172–2021–14–1–32–42
12. Блажевич О.Г., Сафонова Н.С. Особенности развития финансового рынка в условиях цифровизации. *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*. 2021(1): 106–124. DOI: 10.37279/2312–5330–2021–1–106–124
13. Блохина Т.К., Родин Н.М. Рынок финансовых услуг и его роль в формировании общего финансового рынка Евразийского экономического союза. *Вестник Евразийской науки*. 2021;13(6):70.
14. Пастушенко Е.Н., Малыхина Е.А., Земцова Л.Н. Повышение финансовой грамотности как функция Центрального банка Российской Федерации в условиях цифровой экономики. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2021;(5):227–233. DOI: 10.24412/2227–7315–2021–5–227–233
15. Дорофеев М.Л. Современная методология идентификации «пузырей» на рынке акций. *Банковское дело*. 2021(7):24–33.
16. Дорофеев М.Л., Домашенко Д.В. Влияние уровня финансовой грамотности населения на динамику его благосостояния в условиях современного финансового рынка. *Труд и социальные отношения*. 2012;23(9):120–128.

REFERENCES

1. Krasikov D.A. Financial market as the economic and legal category. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*. 2018;(1):207–213. (In Russ.).
2. Rulinskaya A.G., Taranov A.V., Kovalerova L.A. et al. Russian financial market: Modern characteristics, instruments, regulators. Bryansk: Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky; 2015. 122 p. (In Russ.).
3. Mandron V.V., Zverev A.V., Mishina M. Yu. Financial markets of modern Russia: Peculiarities of regulation and development trends. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bryansk State University Herald*. 2018;(1):226–234. (In Russ.).
4. Novikov A.V., Novikova I. Ya. Development of the financial market as a driver of economic growth in Russia. *Idei i idealy = Ideas and ideals*. 2020;12(1–2):319–352. (In Russ.). DOI: 10.17212/2075–0862–2020–12.1.2–319–352
5. Kotlyarov M.A., Lomtadidze O.V. Directions of development of the financial market of Russia. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*. 2010;(4):24–32. (In Russ.).
6. Galimova G.A. The role of the financial market in the development of the financial system of the region. *Finansy Bashkortostana = Finance Bashkortostan*. 2014(1):35–38. (In Russ.).
7. Esakova D.A., Troppynina N.E. Problems and directions of development of the Russian stock market at the modern stage of functioning. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovation Economy: Prospects for Development and Improvement*. 2021;(3):33–38. (In Russ.). DOI: 10.47581/2021/FA-09/IE/53/03.006

8. Abilkasymov B. Zh., Alekseev P.V., Belavina A.A. et al. World financial market and Russia. Moscow: KnoRus; 2021. 340 p. (In Russ.).
9. Kozlov L.E. Specifics of the financial audit in modern China. *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie = The Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*. 2015;(4):106–116. (In Russ.).
10. Abramova M.A., Lavrushin O.I., Pishchik V. Ya. et al. The draft guidelines for the development of the Russian financial market in 2019–2021 prepared by the Bank of Russia: Expert opinion of Financial University. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*. 2019;12(3):17–24. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2019–12–3–17–24
11. Lvova N.A., Korshunov O. Yu., Rakhimov Z. Yu. Implementation of the sustainable finance paradigm in the EAEU financial market development strategy. *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskii menedzhment = Scientific Journal NRU ITMO. Series: Economics and Environmental Management*. 2021;(1):32–42. (In Russ.). DOI: 10.17586/2310–1172–2021–14–1–32–42
12. Blazhevich O.G., Safonova N.S. Features of the financial market development in the conditions of digitalization. *Nauchnyi vestnik: finansy, banki, investitsii = Scientific Bulletin: Finance, Banking, Investment*. 2021(1): 106–124. (In Russ.). DOI: 10.37279/2312–5330–2021–1–106–124
13. Blokhina T.K., Rodin N.M. Financial services market and its role in the formation of the common financial market of the Eurasian Economic Union. *Vestnik Evraziiskoi nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2021;13(6):70. (In Russ.).
14. Pastushenko E.N., Malykhina E.A., Zemtsova L.N. Improving financial literacy as a function of the Central Bank of the Russian Federation in the digital economy. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*. 2021;(5):227–233. (In Russ.). DOI: 10.24412/2227–7315–2021–5–227–233
15. Dorofeev M.L. Modern methodology for identifying “bubbles” in the stock market. *Bankovskoe delo = Banking*. 2021(7):24–33. (In Russ.).
16. Dorofeyev M.L., Domashchenko D.V. Influence of the level of financial literacy of the population on the dynamics of its well-being in the conditions of the modern financial market. *Trud i sotsial'nye otnosheniya = Labour and Social Relations Journal*. 2012;23(9):120–128. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Михаил Львович Дорофеев — кандидат экономических наук, доцент департамента общественных финансов, Финансовый университет, Москва, Россия

Mikhail L. Dorofeev — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Departemnt of the Public Finance, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2829-9900>

dorofeevml@ya.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.08.2022; после рецензирования 10.09.2022; принята к публикации 05.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.08.2022; revised on 10.09.2022 and accepted for publication on 05.12.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-94-102
УДК 336(045)
JEL E5

Анализ волатильности денежных потоков в сфере трудовых отношений для мониторинга устойчивости экономики России

А.В. Ларионов^а, Г.Л. Подвойский^б

^а МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, Финансовый университет, Москва, Россия;

^б Институт экономики РАН, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Целью данного исследования является оценка применимости данных платежной системы Банка России для оперативного мониторинга состояния трудовых отношений. С учетом роста прекаризации изменение динамики трудовых отношений рассматривается как оперативный индикатор наступления потенциальных экономических кризисов. Применяя данные платежной системы Банка России, можно использовать информацию о волатильности денежных потоков в сфере трудовых отношений для определения состояния экономики. Также в статье на основе правила трех сигм раскрывается методический подход к определению критических значений рассматриваемого показателя. Кроме того, в исследовании определяется зависимость между возникновением нестандартных практик взаимодействия экономических субъектов на рынке труда и значениями денежного потока в сфере трудовых отношений.

Ключевые слова: трудовые отношения; критические значения; волатильность денежных потоков; прекаризация; условия труда; дистанционная занятость; платежная система Банка России; экономическая безопасность

Для цитирования: Ларионов А.В., Подвойский Г.Л. Анализ волатильности денежных потоков в сфере трудовых отношений для мониторинга устойчивости экономики России. *Мир новой экономики*. 2023;17(1):94-102. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-94-102

ORIGINAL PAPER

Analysis of the Volatility of Cash Flows in the Field of Labor Relations for Monitoring the Sustainability of the Russian Economy

A.V. Larionov^a, G.L. Podvoysky^b

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, Financial University, Moscow, Russia;

^b Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ABSTRACT

The aim of this research paper is to assess the applicability of the payment system data provided by the Bank of Russia for a prompt monitoring of the labor relations situation. Considering the growth of precarization, the change in the dynamics of labor relations is considered in the article as an operational indicator of the onset of potential economic crises. Taking the Bank of Russia payment system data as a basis, it is possible to use the volatility of cash flows information in the field of labor relations to determine the state of the economy. A methodological approach to determining critical values of this indicator by applying the three-sigma rule is also given in the article. In addition, the research paper investigates the relationship between the emergence of non-standard practices of interaction between economic actors in the labor market and values of the cash flow in the field of labor relations.

Keywords: labor relations; critical values; volatility of cash flows; precarization; working conditions; remote employment; Bank of Russia payment system; economic security

For citation: Larionova A.V., Podvoysky G.L. Analysis of the volatility of cash flows in the field of labor relations for monitoring the sustainability of the Russian economy. *The World of New Economy*. 2023;17(1):94-102. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-94-102

© Ларионов А.В., Подвойский Г.Л., 2023

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии с Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», ключевым национальным интересом является «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан». Для достижения поставленной цели необходимо создать систему индикаторов, позволяющих осуществлять оперативный мониторинг состояния экономики и, как следствие, применять оперативные инструменты воздействия¹. Примером инструмента оперативного воздействия на рынке труда, применяемого в период пандемии COVID-19, может служить предоставление работодателям субсидий для трудоустройства безработных².

Реализация оперативного мониторинга требует наличия высокочастотных данных, доступных, в частности, в платежных системах.

Платежная система Банка России (далее — ПС БР) получает информацию о денежных потоках в режиме реального времени. Существенным преимуществом использования данных ПС БР является отсутствие негативного эффекта асимметрии информации и морального риска [1]. Банк России имеет возможность фиксировать факт совершения платежа без запроса соответствующей информации у участников ПС БР. Очевидно, что денежные потоки оперативно реагируют на изменения направленности действий экономических субъектов, благодаря чему информация об их волатильности может быть использована для идентификации возможных кризисных явлений на ранней стадии [2]. Вместе с тем денежные потоки неоднородны, и в производственной сфере они будут подвержены меньшим изменениям, чем на финансовых рынках — из-за существования спекулятивных операций. Последнее определяет необходимость оценки применимости денежных потоков в различных сферах для реализации оперативного мониторинга. Перспективным направлением является анализ денежных потоков в сфере трудоустройства и подбора персонала (далее — денежный поток в сфере трудовых отношений).

Сфера трудовых отношений зависит от сложившихся трендов в экономике. Изменение институциональной среды и возможность работать дистанци-

онно приводят к усилению эффекта прекаризации [3]³, которая предполагает возникновение нестабильной занятости и размера получаемых доходов, а также вероятность изменения сферы трудовой деятельности [4]. Именно поэтому состояние рынка труда тесно связано с экономическим циклом [5]. Снижение защищенности работника и ограничение периодов трудовых договоров приводят к увеличению риска потери работы, что обуславливает рост волатильности денежного потока в сфере трудовых отношений. Достижение им критических значений выступает индикатором кризисных явлений на рынке труда.

ДИНАМИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Повышение мобильности трудовых потоков связано с возникновением эффекта прекаризации, который возможно оценить посредством анализа различных статистических показателей. Вместе с тем сами работники не заинтересованы в нестабильных трудовых отношениях, ведущих к снижению возможности планирования доходов и понижению уровня социальной защищенности, ведь после окончания сроков реализации проекта им приходится искать новое место работы, чтобы восстановить прежний уровень дохода. Последнее способствует появлению различных цифровых платформ, таких, как Talent Cloud в Канаде⁴. Данный процесс, очевидно, сопровождается ростом волатильности денежного потока в сфере трудовых отношений.

Степень развития данного процесса зависит от сложившейся ситуации на рынке труда. Уровень прекаризации трудовых отношений возможно оценить посредством анализа нормативного правового регулирования. Всего можно выделить несколько этапов развития регулирования трудовых отношений в России, включая период РСФСР/СССР; переход от законодательства СССР к современной системе регулирования трудовых отношений; модернизацию трудового законодательства в кризисные периоды. Анализ направленности правового регулирования с момента создания РСФСР целесообразно провести с позиции преемственности современного законодательства Российской Федерации в сфере трудовых отношений от трудового законодательства XX в.

¹ Methodology Weekly activity index. URL: <https://www.bundesbank.de/en/statistics/economic-activity-and-prices/weekly-activity-index/methodology-833982#tar-2>

² URL: <http://duma.gov.ru/news/51043/>

³ «Прекаризация занятости — нестабильная занятость, отсутствие гарантий занятости, связанных с защитой от самовольных увольнений, регулированием процесса найма и увольнения».

⁴ URL: <https://talent.canada.ca/en/talent-cloud/>

Этап 1. Регулирование трудовых отношений в период РСФСР/СССР

Значительное развитие трудовое законодательство получило в период РСФСР/СССР, когда были введены единые подходы к унификации системы трудового регулирования. Кодекс законов о труде (далее — КЗоТ), принятый в 1918 г.,⁵ устанавливал требования к организации труда в новых условиях. В частности, была установлена всеобщая трудовая повинность и право на осуществление трудовой деятельности с 16 до 50 лет. Труд становился обязанностью физического лица. Для государства обеспечение трудоустройства граждан было в приоритете.

КЗоТ РСФСР 1922 г.⁶ сохранил основные подходы к трудовой повинности, но в нем были скорректированы возрастные группы. Трудовая повинность возлагалась на лиц старше 18 лет и моложе 40 лет — для женщин и 45 — для мужчин. Были детализированы правила трудового взаимодействия работника и работодателя. В частности, в трудовом договоре прописывалось вознаграждение за труд, а при определении размера оплаты труда учитывалась сложность работы. КЗоТ 1922 г. повысил гарантии работника, в том числе, за счет предоставления права расторжения трудового договора по собственному желанию.

КЗоТ РСФСР 1971 г.⁷ усложнил процесс расторжения трудового договора, в частности сроки предварительного расторжения были увеличены с семи дней до двух месяцев. Вместе с тем в трудовое законодательство были включены аспекты, связанные с особыми условиями труда для лиц, совмещающих работу и учебу. Была увеличена ответственность за нарушение трудового законодательства.

Таким образом, в РСФСР была заложена развитая система регулирования трудовых отношений, которая характеризовалась защищенностью интересов работников, благодаря чему нестабильность на рынке труда была минимальной. Эффект прекаризации отсутствовал.

Этап 2. Переход от законодательства СССР к современной системе регулирования трудовых отношений

⁵ Кодекс законов о труде 1918 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901889837>

⁶ Постановление ВЦИК от 09.11.1922 «О введении в действие Кодекса Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р. изд. 1922 г. (вместе с «Кодексом Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р.»). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3889#nRAeMYTM76Xj44hx>

⁷ Закон РСФСР от 09.12.1971 «Об утверждении Кодекса законов о труде РСФСР» (вместе с Кодексом). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1035/

Трудовое законодательство Российской Федерации до 2001 г. применяло положения, заложенные в КЗоТ РСФСР. Отличительной особенностью нового трудового законодательства была отмена трудовой повинности. Из-за того, что в нем было прописано право на труд (а не обязанность), увеличилась мобильность трудовых потоков за счет больших возможностей работодателя и работника в сфере изменения условий трудового взаимодействия. Вместе с тем в современной редакции Трудового кодекса Российской Федерации в главе 21 определены особенности труда отдельных групп работников, например для тех, кто трудится не вахтовых и сезонных работах. Данные условия направлены на адресную поддержку занятости граждан определенных категорий.

Таким образом, после распада СССР в России увеличилась прекаризация трудовых отношений. Граждане не обязаны трудиться, но у них есть право на труд, которое можно реализовать по собственному желанию. Последнее влияет на рост мобильности трудовых потоков и, как следствие, на увеличение волатильности денежных потоков в сфере трудовых отношений.

Этап 3. Модернизация трудового законодательства в кризисные периоды

Пандемия COVID-19 обусловила запрос общества на регулирование рынка труда в кризисные периоды. В частности, широкое распространение получила практика дистанционной работы, введенная в систему правового регулирования в 2013 г. Решение проблем в сфере регулирования дистанционной работы было обеспечено за счет введения дополнительных соглашений к трудовым договорам. В период пандемии были расширены полномочия работодателя в части предоставления возможности перевода работника на дистанционную работу и обеспечения его всем необходимым для осуществления трудовой деятельности [6].

Таким образом, сфера регулирования труда стала более адаптивной к кризисным явлениям. В этой связи представляется актуальной разработка оперативного индикатора состояния экономики, учитывающего изменение трудовых отношений посредством анализа денежных потоков.

ОПИСАНИЕ ДАННЫХ И МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ

Для оперативного мониторинга трудовых отношений с целью обеспечения экономической безопасности целесообразно использовать данные ПС БР. Банк России как оператор ПС БР обладает доступом к высокочастотным данным об объеме денежных

потоков по различным отраслям, осуществляя их группировку в соответствии с кодами ОКВЭД, утвержденными приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст. Для оперативного мониторинга целесообразно анализировать денежный поток в сфере трудоустройства и подбора персонала. Данная деятельность предполагает учет операций, связанных с ведением списка вакансий, анализом поступающих обращений и оказанием помощи в подборе заявок с целью восполнения трудовых ресурсов. Увеличение размера данного денежного потока отражает факт увеличения спроса граждан и компаний на услуги по поиску работы/работников.

В кризисные периоды возникает потребность в поиске новых мест работы, а также повышается мобильность трудовых потоков. Последнее выражается в увеличении пиковых нагрузок на кадровые агентства по подбору персонала и соответствующем росте денежных потоков. Таким образом, информация о денежных потоках в ПС БР позволит идентифицировать факт возникновения нестандартных практик взаимодействия, позволяющих предсказать высокую вероятность наступления кризиса в российской экономике. Рост волатильности денежных потоков может быть связан как с институциональными, так и с поведенческими факторами. Оперативные инструменты воздействия должны применяться, прежде всего, для нейтрализации источников роста волатильности, связанных с поведенческим фактором.

Для оценки волатильности денежного потока рассмотрим период с 30 марта — 3 апреля 2020 по 26–30 сентября 2022 г. и «изменения сезонно сглаженных данных среднего дневного значения входящего финансового потока за неделю по классам ОКВЭД2 для страны в целом, в % от среднего дневного уровня входящего финансового потока за 2019 год»⁸. Среднее значение за рассматриваемый период составило 0,0026.

Для определения критических значений денежного потока в сфере трудовых отношений применяется правило трех сигм, предполагающее оценку средних значений и стандартных отклонений [7]. Критические значения показателя будут рассчитаны посредством сложения и вычитания двух стандартных отклонений. Выпадающие значения (выше диапазона) будут отражать факт возникновения турбулентного денежного потока, характерного для панических действий экономических субъектов. Необходимо отметить, что оценка средних и стандартных отклонений была проведена отдельно по каждому году (табл. 1). Сред-

ние значения рассматриваемого денежного потока демонстрируют наличие существенных различий в динамике его движения.

Разбивка по годам связана с тем, что трудовые отношения в 2020 и 2022 гг. очевидно отличались, благодаря чему невозможно применять единый диапазон критических значений на всем временном периоде. Точный диапазон сохранения структурных условий возможно рассчитать посредством применения фрактального анализа. Объединение всего денежного потока в один временной ряд не позволит учесть влияние внешней среды, к примеру, пандемии COVID-19. Именно поэтому диапазон рассчитанных критических значений целесообразно сохранять на определенном временном промежутке.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведенный анализ динамики денежного потока в сфере трудовых отношений позволил выделить критические значения, отклонение от которых отражает факт возникновения нестандартных ситуаций на рынке труда (рис. 1). Необходимо отметить, что рассматриваемый период является кризисным из-за пандемии COVID-19, однако сравнение происходит с 2019 г., который, в свою очередь, является «устойчивым».

Анализ динамики изменения диапазона критических значений говорит об ее увеличении в течение рассматриваемого периода, что, вероятно, связано с повышением спроса граждан на поиск новых мест работы. При этом для верхних значений рассматриваемого показателя характерен более быстрый рост по сравнению с нижним диапазоном критических значений (рис. 2).

Применяя данную информацию, можно установить диапазон критических значений для последующих периодов. Значения R_2 для построенных линий тренда составили 0,826 для верхнего критического уровня и 0,4664 — для нижнего.

Посредством построения линии тренда возможно спрогнозировать дальнейшие направления его изменения⁹. В рассматриваемом примере прогноз линии тренда был составлен до конца 2022 г. (табл. 2).

Для прогнозируемых линий тренда в интересах национальной безопасности определяются средние значения нижней и верхней границы [8].

⁸ URL: <https://www.cbr.ru/analytics/finflows/>

⁹ С учетом того, что построение линий тренда осуществляется для критических значений, а не для рассматриваемого временного ряда, указанные значения R_2 являются приемлемыми.

Таблица 1 / Table 1

Диапазоны критических значений денежного потока «трудоустройство и подбор персонала» / Ranges of critical values of the cash flow „employment and recruitment“

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Среднее значение	-0,061	-0,006	0,08
Стандартное отклонение	0,098	0,137	0,12
Среднее плюс два стандартных отклонения	0,135	0,269	0,321
Среднее минус два стандартных отклонения	-0,258	-0,280	-0,16

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

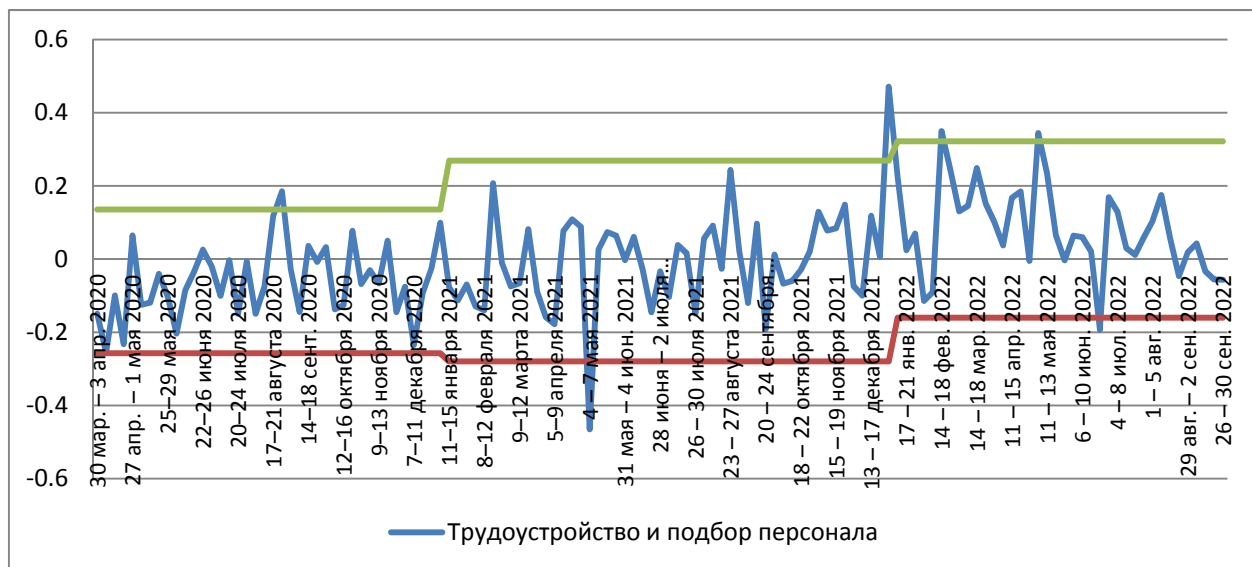

Рис. 1 / Fig 1. Критические значения для денежного потока «трудоустройство и подбор персонала» / Critical values for cash flow “employment and recruitment”

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Для идентификации нестандартных практик взаимодействия экономических субъектов на рынке труда до конца 2022 г. необходимо учитывать следующие моменты:

- Если значения денежного потока в сфере трудовых отношений попадают в диапазон от -0,176 до 0,3682 включительно, то это характерно для периода стандартных практик взаимодействия экономических субъектов. Процесс взаимодействия субъектов является нормальным.

- Если значения денежного потока попадают в диапазон от 0,3682 и до -0,176, то можно говорить о возникновении нестандартных практик взаимодействия экономических субъектов. На рынке труда наблюдается повышение мобильности трудовых ресурсов, что выражается в росте волатильности рассматриваемого денежного потока.

В случае возникновения нестандартных практик взаимодействия усиливается вероятность нарушения устойчивости функционирования национальной экономики. С учетом важности обеспечения стабильной занятости в кризисные периоды целесообразно применять механизмы воздействия, нацеленные на стабилизацию экономической ситуации посредством применения оперативных мер воздействия. Необходима детальная проработка вопросов, связанных как с организацией оперативного мониторинга, так и с реализацией необходимых инструментов государственного воздействия.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Проведенные расчеты демонстрируют возможность применения информации о денежных потоках в сфере трудовых отношений для мониторинга оперативного состояния экономики. Вместе с тем необ-

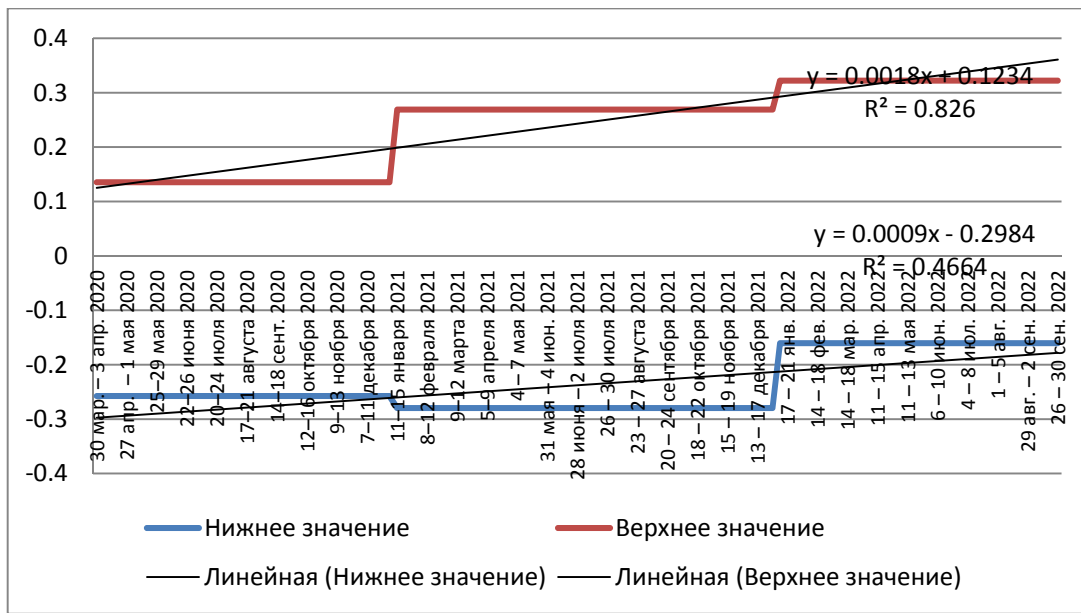

Рис. 2 / Fig 2. Оценка диапазона критических значений показателя денежного потока «трудоустройство и подбор персонала» / Assessment of the range of critical values of the cash flow indicator “employment and recruitment”

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 2 / Table 2

Прогнозирование значений будущих периодов / Forecast of values for future periods

Период	Нижние значения	Верхние значения
3–7 октября 2022	-0,1814	0,3574
10–14 октября 2022	-0,1805	0,3592
17–21 октября 2022	-0,1796	0,361
24–28 октября 2022	-0,1787	0,3628
31–2 ноября 2022	-0,1778	0,3646
7–11 ноября 2022	-0,1769	0,3664
14–18 ноября 2022	-0,176	0,3682
21–25 ноября 2022	-0,1751	0,37
28 ноября – 2 декабря 2022	-0,1742	0,3718
5–9 декабря 2022	-0,1733	0,3736
12–16 декабря 2022	-0,1724	0,3754
19–23 декабря 2022	-0,1715	0,3772
26–30 декабря 2022	-0,1706	0,379
Среднее за рассматриваемый период	-0,176	0,3682

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ходимо принимать во внимание ряд практических аспектов (табл. 3).

Учет иных сфер экономики. В настоящем исследовании сделан акцент на учет динамики денежных потоков в сфере трудовых отношений. Вместе с тем

анализ устойчивости экономики предполагает также мониторинг состояния производственных и финансовых отношений. В частности, при его проведении возможно анализировать ежемесячные данные о денежных потоках в системно значимых организациях [9].

Таблица 3 / Table 3

Практические аспекты развития подхода к оперативной оценке состояния экономики / Practical aspects of the development of an approach to the operational assessment of the state of the economy

Направления	Характеристика
Учет иных сфер экономики	Оценка оперативного состояния экономики возможна посредством анализа дополнительных показателей, основанных, в том числе, на учете пассажиропотока, объема потребляемой электроэнергии и т.д. Применение системы оперативных показателей позволит создать комплексный индекс оперативного состояния экономики
Формирование набора субъектов	Банк России, применяя данные ПС БР, может выбирать целевые группы субъектов, которые выступают объектом анализа. В частности, возможно проведение анализа денежных потоков в сфере трудовых отношений для конкретного региона
Разработка классификатора инструментов оперативного воздействия	Органы власти с целью оперативного применения мер воздействия должны обладать необходимым набором инструментов, доступным при идентификации факта роста волатильности денежных потоков. Оперативность применения инструментов воздействия способствует повышению результативности государственной политики с целью обеспечения устойчивости развития
Разработка платформенных решений в сфере трудовых отношений	Разработка и внедрение платформенных решений в сфере трудовых отношений позволит обеспечить возможность оперативного поиска работы в случае завершения контракта в рамках предыдущей занятости. Таким образом, цифровые платформы выступают саморегулируемой инфраструктурой, позволяющей компенсировать возможные провалы на рынке труда

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Формирование набора субъектов. Банк России, обладая данными ПС БР, способен осуществлять мониторинг деятельности целевой группы экономических субъектов. Перечень субъектов может формироваться с учетом потребностей органов власти, обладающих необходимыми компетенциями. Банк России может анализировать изменчивость денежного потока в конкретном федеральном округе, регионе [10]. В случае расширения набора данных возможно анализировать динамику денежных потоков, в том числе, на уровне отдельных муниципалитетов.

Разработка классификатора инструментов оперативного воздействия. Фактически речь идет о восстановлении непрерывности взаимодействия экономических субъектов. Банк России, получая информацию о возникновении нестандартных практик взаимодействия посредством анализа денежных потоков передает информацию в профильный орган власти. В частности, для трудовых отношений таким органом власти выступает Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Получив указанную информацию, орган власти должен принять решение об оперативном реагировании на возникшую угрозу. Именно скорость принятия решений напрямую влияет на результативность государственной политики, как и происходило на начальной стадии пандемии COVID-19 [11]. С целью обеспечения возможности оперативного реагирования необходимо предварительно разработать инструменты воздействия, а также определить условия их применения. Одним

из примеров можно считать специализированные инструменты рефинансирования, реализуемые Банком России [12].

Разработка платформенных решений в сфере трудовых отношений. В международной практике определенное развитие получили различные платформенные решения. Стимулируя развитие цифровых платформ в сфере трудовых отношений, государство может способствовать уменьшению потенциального негативного воздействия от прекаризации на рынке труда за счет снижения транзакционных издержек, связанных с поиском новых мест работы.

Внедрение описанных выше аспектов позволит реализовать комплексную систему инструментов, позволяющую определить риск возникновения нестандартных практик взаимодействия на ранней стадии, а также впоследствии использовать эффективные способы воздействия. Последнее необходимо для обеспечения устойчивого развития национальной экономики.

ВЫВОДЫ

Исследование продемонстрировало возможность применения информации о денежных потоках в сфере трудовых отношений для осуществления оперативного мониторинга состояния экономики. Таким образом, данные о динамике взаимодействия в сфере трудовых отношений являются индикатором реализации кризисных явлений в экономике. С учетом существующего тренда на повышение

гибкости трудовых отношений значимость данного показателя будет возрастать. Дальнейшие исследования должны быть направлены на проработку системы оперативных инструментов воздействия, позволяющих обеспечить устойчивость развития национальной экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Akerlof G.A. The market for “lemons”: Quality uncertainty and the market mechanism. *The Quarterly Journal of Economics*. 1970;84(3):488–500. DOI: 10.2307/1879431
2. Мякинин М., Соланко Л. Определяющие факторы закрытия банков: что важнее — уровни или изменения CAMEL-переменных? *Деньги и кредит*. 2018;(2):3–21.
3. Долженко Р.А. Понятие и сущность прекаризации, а также основные направления её исследования. *Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством*. 2016;(4):28–36.
4. Растегаева А.В. Прекаризация на современном рынке труда: основные признаки и причины распространения. *Вестник Поволжского института управления*. 2018;18(3):82–88. DOI: 10.22394/1682–2358–2018–3–82–88
5. Кашепов А.В. Безработица в мире и Российской Федерации в 2020 году и прогнозы на 2021 год. *Modern Science*. 2021;(3–2):88–96.
6. Подвойский Г.Л., Котова Н.Е. Регулирование дистанционной работы в России: текущее состояние и перспективы развития. *Экономика. Бизнес. Банки*. 2021;(4):60–73.
7. Ларионов А.В. Методологический подход к организации мониторинга волатильности денежных потоков. *Финансы: теория и практика*. 2021;25(3):150–158. (На англ.). DOI: 10.26794/2587–5671–2021–25–3–150–158
8. Беляев И.И., Ларионов А.В., Сильвестров С.Н. Оценка состояния экономической безопасности России на примере показателя уровня безработицы: метод фрактального анализа. *Проблемы прогнозирования*. 2021;(2):34–42. DOI: 10.47711/0868–6351–185–34–42
9. Papanikolaou N.I. A dual early warning model of bank distress. *Economics Letters*. 2018;162:127–130. DOI: 10.1016/j.econlet.2017.10.028
10. Васильева Т.П., Ларионов А.В., Русских С.В. и др. Методический подход к организации мониторинга общественного здоровья Российской Федерации. *Здоровье населения и среда обитания — ЗНУСО*. 2022;30(7):7–17. DOI: 10.35627/2219–5238/2022–30–7–7–17
11. Зимовец А.В., Ханина А.В. Один год борьбы с коронавирусной пандемией COVID-19: анализ результатов. *Экономика, предпринимательство и право*. 2021;11(5):1035–1046. DOI: 10.18334/epp.11.5.112114
12. Дубинин С.К. Финансиализация экономического роста и российская национальная финансовая система. *Финансы: теория и практика*. 2017;21(4): 6–21.

REFERENCES

1. Akerlof G.A. The market for “lemons”: Quality uncertainty and the market mechanism. *The Quarterly Journal of Economics*. 1970;84(3):488–500. DOI: 10.2307/1879431
2. Mäkinen M., Solanko L. Determinants of bank closure: Do levels or changes of CAMEL variables matter? *Russian Journal of Money and Finance*. 2018;77(2):3–21. (In Russ.: *Den’gi i kredit*. 2018;(2):3–21.).
3. Dolzhenko R.A. The concept and essence of precarity and the main directions in its research. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya: Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom = News of Higher Educational Institutions. Series: Economy, Finance and Production Management*. 2016;(4):28–36. (In Russ.).
4. Rastegaeva A.V. The main signs and causes of the spread of precarization in the labor market. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya = Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 2018;18(3):82–88. (In Russ.). DOI: 10.22394/1682–2358–2018–3–82–88
5. Kashepov A.V. Unemployment in the world and in the Russian Federation in 2020 and forecasts for 2021. *Modern Science*. 2021;(3–2):88–96. (In Russ.).
6. Podvoisky G.L., Kotova N.E. Regulation of teleworking in Russia: Current state and development prospects. *Ekonomika. Biznes. Banki = Economy. Business. Banks*. 2021;(4):60–73. (In Russ.).
7. Larionov A.V. Methodological approach to the organization of monitoring of cash flow volatility. *Finance: Theory and Practice*. 2021;25(3):150–158. DOI: 10.26794/2587–5671–2021–25–3–150–158
8. Belyaev I.I., Larionov A.V., Sil’vestrov S.N. Assessment of the state of economic security in Russia using the example of the unemployment rate indicator: Fractal analysis method. *Studies on Russian Economic Development*.

2021;32(2):141–146. DOI: 10.1134/S 1075700721020027 (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya*. 2021;(2):34–42. DOI: 10.47711/0868–6351–185–34–42).

9. Papanikolaou N.I. A dual early warning model of bank distress. *Economics Letters*. 2018;162:127–130. DOI: 10.1016/j.econlet.2017.10.028
10. Vasilieva T.P., Larionov A.V., Russkikh S.V. et al. Methodological approach to organizing public health monitoring in the Russian Federation. *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya = Public Health and Life Environment — PH&LE*. 2022;30(7):7–17. (In Russ.). DOI: 10.35627/2219–5238/2022–30–7–7–17
11. Zimovets A.V., Khanina A.V. One year of fighting the COVID-19 coronavirus pandemic: Results analysis. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2021;11(5):1035–1046. (In Russ.). DOI: 10.18334/epp.11.5.112114
12. Dubinin S.K. Financialization of economic growth and the Russian national financial system. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2017;21(4): 6–21. (In Russ.).

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the government research assignment to the Financial University.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Александр Витальевич Ларионов — кандидат экономических наук, кандидат наук о государственном и муниципальном управлении, доцент Высшей школы государственного аудита, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории, Финансовый университет, Москва, Россия

Alexander V. Larionov — Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Public Administration), Associate Professor of Higher School of State Audit, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Senior Researcher, Research Laboratory, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8657-6809>

Автор для корреспонденции / Corresponding author

larionov.av.hse@yandex.ru

Глеб Львович Подвойский — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра проблем занятости и трудовых отношений, Институт экономики РАН, Москва, Россия

Gleb L. Podvoyskiy — Cand. Sci. (Econ.), Leading researcher at the Centre for Employment and Labour Relations, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8698-7496>

glpodvoyskiy@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.11.2022; после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 20.01.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.11.2022; revised on 10.12.2022 and accepted for publication on 20.01.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-103-116
УДК 332.834.8(045)
JEL C61

Моделирование согласования интересов экономических субъектов в жилищном строительстве

Н.Н. Шеломенцева^а, О.В. Грушина^б, Т.А. Красноштанова^с

^а Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия;

^{б,с} Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

АННОТАЦИЯ

В представленной статье проанализированы последствия введения проектного финансирования на фоне кризисов 2020 и 2022 гг. Выявлены субъектные взаимодействия в процессе строительства жилья в условиях проектного финансирования. Построена многокритериальная экономико-математическая модель согласования интересов экономических субъектов в жилищном строительстве, которая позволяет понять и оценить последствия выбора из возможных вариантов с позиции каждого из них. На основе полученной многокритериальной задачи с заявленными ограничениями проведены численные расчеты при выборе сначала двух (попарно), а затем всех трех (застройщика, банка и потребителя) экономических субъектов. Для решения оптимизационных задач и построения графиков использован пакет прикладных программ MATLAB. Решения, приемлемые для участников, выбирались из множества альтернатив, оптимальных в смысле Парето. Несмотря на то что все субъекты жилищного строительства вовлечены во взаимодействие, оно происходит неодновременно. При этом диктующую позицию в проектом финансировании занял банк, а платит за все потребитель. Роль субъекта, обязанность которого согласовывать интересы застройщика, банка и населения, должно взять на себя государство. Задача государства – создать такие условия на рынке жилищного строительства, чтобы экономические субъекты были заинтересованы в согласовании своих интересов и пришли к компромиссу. Здесь раскрывается перспектива дальнейшего исследования.

Ключевые слова: жилищное строительство; проектное финансирование; счета эскроу; экономические субъекты; согласование интересов; экономико-математическая модель; многокритериальная задача

Для цитирования: Шеломенцева Н.Н., Грушина О.В., Красноштанова Т.А. Моделирование согласования интересов экономических субъектов в жилищном строительстве. *Мир новой экономики*. 2023;17(1):103-116. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-103-116

ORIGINAL PAPER

Simulation of Interest Coordination of Economic Subjects in Housing Construction

N.N. Shelomentseva^a, O.V. Grushina^b, T.A. Krasnoshtanova^c

^a Irkutsk State University, Irkutsk, Russia; ^{б,с} Baikal State University, Irkutsk, Russia

ABSTRACT

In the present paper, the consequences of the introduction of project financing against the backdrop of crises in 2020 and 2022 are analyzed. The subject interactions in the course of housing construction under the conditions of project financing are considered. A multi-criteria economic-mathematical model for the interest coordination of economic subjects in housing construction has been proposed. The model permits to understand and evaluate the economic consequences of choosing the possible options from the standpoint of each of the economic subjects. The numerical calculations of choosing two (in pairs), and all three (developer, bank and consumer) economic subjects were performed using the proposed multi-criteria model with the stated limitations. The MATLAB software was employed to solve optimization problems and plotting. The solutions acceptable to the subjects were

© Шеломенцева Н.Н., Грушина О.В., Красноштанова Т.А., 2023

chosen from a set of Pareto-optimal alternatives. Despite the fact that all subjects of housing construction are involved in the interaction, this interaction does not occur simultaneously, but in a complex subordinate manner: the bank took the dictating position in project financing, and the consumer pays for everything. The state should play a role of the subject, which should coordinate the interests of the developer, the bank and the population. The task of the state is to create such conditions in the housing construction market so that economic subjects are interested in coordination of their interests to find a compromise. This opens routes for further research.

Keywords: housing construction; project financing; escrow accounts; economic subjects; coordination of interests; economic-mathematical model; multi-criteria problem

For citation: Shelomentseva N.N., Grushina O.V., Krasnoshtanova T.A. Simulation of interest coordination of economic subjects in housing construction. *The World of the New Economy*. 2023;17(1):103-116. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-103-116

Последние три года внесли много хаоса в деятельность субъектов отрасли жилищного строительства, — особенно это касается деятельности компаний-застройщиков. Строительство традиционно считается крайне фрагментированной отраслью с низкой маржой прибыли и высоким риском к провалу из-за сложной системы цепочек поставок [1].

Во-первых, введение проектного финансирования с использованием счетов эскроу усложнило возможность дальнейшего пребывания в отрасли и затруднило вход новым участникам. Появившиеся жесткие требования к застройщикам способствовали сокращению и монополизации субъектов предложения жилья. Во-вторых, на фоне коронакризиса, сопровождаемого локдаунами, закрытием границ и резким подорожанием стройматериалов, были буквально заморожены или значительно замедлились сроки строительства. Об отрицательном синергетическом эффекте этих двух явлений можно сказать следующее:

- уменьшение эффективности выразилось в повышении затрат на выплату процентов за банковское финансирование строительства, росте заработных плат в связи с дефицитом рабочей силы и возрастании условно-постоянных затрат из-за увеличения сроков строительства;

- разрушение и рекомбинация устоявшихся связей сопровождались кардинальным изменением взаимодействия застройщика и покупателя жилья, застройщика и наемных работников, застройщика и поставщиков стройматериалов;

- ослабление контроля процесса строительства стало следствием передачи этой функции банку, в то время как контроль за использованием рабочего времени стал осуществлять Роспотребнадзор;

- излишнее усложнение управления и трудности с адаптацией были вызваны встраиванием банка в качестве главного актора в строительный процесс, а также повышенными требованиями к застройщи-

ку и необходимостью соответствовать «пандемическим» требованиям [2].

В результате произошло сокращение ввода в действие жилья, резкий рост затрат и, соответственно, цен на жилье (от 12 до 20 с лишним процентов, по итогам 2020 г., в зависимости от региона) [3]. Помощь государства в форме льготной ипотеки позволила потребителям оплачивать ее (т.е. «проглотить» увеличение затрат застройщиков) и, таким образом, не «заморозить» отрасль полностью.

В 2021 г. произошел «выход» из коронакризиса с рекордным вводом жилья за счет достройки объектов 2020 г. Подъем жилищного строительства был вновь заторможен в феврале 2022 г. из-за нового скачка цен на стройматериалы и резкого взлета ключевой ставки ЦБ РФ. В апреле 2022 г. годовая инфляция строительного сектора составила 44% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Количество выданных ипотечных кредитов сократилось на 14% на первичном и на 43% на вторичном рынке жилья. При этом по суммам кредитов (из-за увеличения цен на первичном рынке) прирост составил 9%, а на вторичном рынке произошло их сокращение на 35%¹.

Несмотря ни на что, проектное финансирование год от года становится основным способом инвестирования жилищного строительства, вытесняя архаичные его формы. На сегодняшний день, по данным портала ДОМ.РФ, площадь строящихся квартир составляет 100,6 млн м², в том числе 87% строится с использованием счетов эскроу (табл. 1).

Прирост количества застройщиков за 2022 г. составил порядка 15%, а вводимых квадратных метров, строящихся с использованием счетов эскроу, — 18,7%. При этом количество застройщиков и достраиваемых квадратных метров по договорам долевого строительства сократилось в половину, а строящихся за счет собственных средств — на четверть (табл. 2).

¹ URL: <https://www.xn--d1aqf.xn--p1ai/analytics/>

Таблица 1 / Table 1

Распределение строящегося жилья в зависимости от форм финансирования на ноябрь 2022 г. /
Distribution of housing under construction depending on the formation of financing for November 2022

Механизм финансирования	Застройщики		Дома		Жилая площадь		Квартиры	
	шт.	%	шт.	%	тыс. м ²	%	тыс. шт.	%
Эскроу-счета	3240	90	8252	86,8	87 695	87,3	1766	87,1
ДДУ	340	9,4	854	9	10 177	10	206	10,2
Собственные средства	92	2,6	405	4,2	2714	2,7	55	2,7
ИТОГО	3672	100	9511	100	100 586	100	2027	100

Источник / Source: рассчитано по данным ДОМ.РФ / calculated according to DOM.RF date.

Таблица 2 / Table 2

Изменение доли механизмов финансирования жилья в 2022 г. /
Change in share of use of housing finance in 2022

Механизм финансирования	Застройщики, шт.		Дома, шт.		Жилая площадь, тыс. м ²		Квартиры, шт.	
	2021	прирост, %	2021	прирост, %	2021	прирост, %	2021	прирост, %
Эскроу-счета	2807	+15,4	7180	+14,9	73869	+18,7	1479	+19,4
ДДУ	697	-51,2	1798	-52,5	21067	-51,7	423	-51,3
Собственные средства	141	-34,8	525	-22,8	3700	-26,6	73	-24,7
ИТОГО	3475	+5,7	9503	+0,08	98636	+2	1975	+2,6

Источник / Source: рассчитано по данным ДОМ.РФ / calculated according to DOM.RF date.

Проектное финансирование в жилищном строительстве — достаточно сложный процесс, включающий взаимодействие различных экономических субъектов, среди которых: государство, застройщики, банки и население. Существует множество исследований, посвященных данной теме [4–7]. Система субъектных взаимодействий в процессе строительства жилья в условиях проектного финансирования, действующая в РФ, представлена на рис. 1.

Взаимосвязи, представленные на рис. 1, расшифрованы в табл. 3.

В процессе взаимодействия необходимо учитывать интересы каждого экономического субъекта [9], которые кардинально разнятся, заставляя участников действовать в противоположных направлениях. Еще за три года до легитимизации счетов эскроу в РФ Т.В. Светник и В.С. Вахнович отмечали в своей статье, что «в результате принятия законопроекта для строительных организаций могут возникнуть следующие негативные риски: резкое сокращение числа застройщиков, которые будут соответствовать указанным требованиям; увеличение затрат застройщиков и повышение стоимости строительства из-за необходимости регистрации изменений ка-

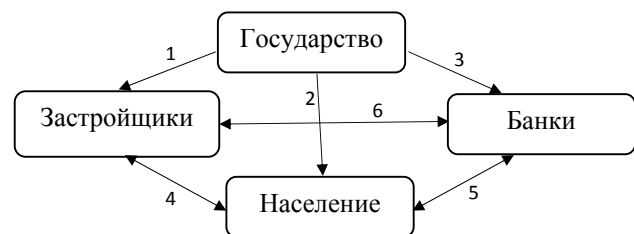

Рис. 1 / Fig. 1. Система субъектных взаимодействий в процессе строительства жилья в условиях проектного финансирования / The system of subjective interactions in the process of housing construction in terms of project financing

Источник / Source: [8].

ждой характеристики договоров с соответствующей уплатой государственной пошлины» [10].

Как отмечает В.В. Пухова, готовность застройщиков к переходу на новые условия финансирования определяется возможностью, во-первых, выдержать дополнительную кредитную нагрузку, а во-вторых, — соблюсти соответствие всем требованиям банка. Напротив — неготовность — может повлечь рост числа банкротств строительных организаций, уход с рынка части застройщиков [11]. В таких условиях отдельные

Таблица 3 / Table 3

Взаимодействия экономических субъектов в процессе строительства жилья в условиях проектного финансирования / Interactions of economic entities in the construction process housing under project financing

Экономические субъекты	Особенности взаимодействия
С позиции государства	(1) Государство для регулирования деятельности строительных организаций создает единую политику в сфере жилищного строительства, разрабатывает нормативно-правовые документы градостроительного и технического содержания, осуществляет государственный надзор и строительный контроль. (2) Государство повышает возможности населения по приобретению или строительству жилья, предлагая различные программы (например, национальный проект «Жилье и городская среда»). (3) Государство контролирует деятельность банков и утверждает список тех, которые могут сотрудничать с застройщиками
С позиции застройщиков	(4) Застройщики формируют предложение жилья на рынке. (6) Застройщики обеспечивают доход и возврат привлеченных денежных средств
С позиции банков	(5) Банки предоставляют кредиты населению для приобретения жилья. Для тех, кто приобретает жилье в стадии строительства, в банке открываются счета эскроу. (6) Банки в случае необходимости формируют денежный поток для реализации проекта жилищного строительства, за счет этого происходит перераспределение рисков выполнения проекта
С позиции населения	(4) Население формирует спрос на жилье и удовлетворяет свои потребности в нем. (5) Население за пользование заемными средствами платит банку проценты

Источник / Source: [8].

застройщики открыто провозглашают, что банки «стали палачами» строителей. Однако и сами банки должны соответствовать определенным требованиям, чтобы иметь возможность открывать и финансировать такие проекты. Например, в зарубежной практике к классическим участникам проектного финансирования добавляется «независимый инженер», который играет роль суперпартнера, и его просят высказать мнение относительно осуществимости проекта, провести опрос для его оценки и выступить в качестве контролера, чтобы защитить проект и, прежде всего, тех, кто вкладывает деньги в финансирование. В то время как строительные и инженерные особенности проекта могут быть понятны спонсорам, часто это не относится к кредиторам, которым нужен специалист, способный оценить сделку и решить, поддерживать ее или нет [12].

Таким образом, оценка банковского сектора позволит сформировать пул уполномоченных банков, реализующих проектное финансирование с использованием эскроу-счетов. И хотя последние подразумевают «условное депонирование» («условное» в широком смысле означает приостановление не только неопределенных, но определенных, а также неизбежных действий и событий) [13], оценка возможности поэтапного раскрытия эскроу-счетов позволит сделать выводы о том, как введение новых условий финансирования скажется на финансовом состоянии застройщиков и, как следствие, на потенциальных потребителях (гражданах) [11].

Согласование разнонаправленных интересов экономических субъектов жилищного строительства является нетривиальной задачей. Это не просто расчет разных видов эффективности одного проекта [14], — речь идет о постановке оптимизационной задачи поиска наилучшего решения для всех участников. В работах отечественных ученых были попытки согласования интересов экономических субъектов. В частности, Р.И. Абдразаков и Е.Г. Кравченко построили экономико-математическую модель, в которой согласовываются интересы населения и застройщика в малоэтажном жилищном строительстве [15]. О.И. Горбанева и А.Д. Мурзин описывают динамическую социо-эколого-экономическую модель синергетического развития отдельных экономических субъектов, позволяющую согласовать их общие и частные интересы [16]. О.П. Смирнова, В.В. Шергин рассматривают последовательность решения многокритериальной задачи по принятию инвестиционных решений в жилищном строительстве [17]. Д.А. Макаров, М.Н. Юденко системно моделируют экономические взаимодействия участников в сфере жилищного строительства [18]. Несмотря на значительное количество работ, имеющих теоретическое и практическое значение, не хватает модели, которая позволила бы понять и оценить экономические последствия выбора сочетания значений ключевых показателей, характеризующих каждый проект жилищного строительства с позиции всех экономических субъектов, из всех возможных вариантов.

Ряд вопросов, связанных с учетом интересов экономических субъектов в строительстве доступного жилья (в том числе, проблемы внедрения проектного финансирования в жилищном строительстве и его последствия для компаний-застройщиков), требуют детального изучения. Отличительной особенностью нашей модели является то, что в ней конкретно выписаны критерии оптимизации для каждого экономического субъекта и учтено допустимое множество. Решение многокритериальной задачи позволяет определить варианты, которые возникают при взаимодействии субъектов.

МНОГОКРИТЕРИАЛЬНАЯ ОПТИМИЗАЦИОННАЯ ЗАДАЧА СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

В рамках модели мы рассматриваем на первичном рынке однокомнатные, двухкомнатные, трехкомнатные, четырех- и более комнатные квартиры. Исходим из того, что каждый экономический субъект преследует свой интерес. Учитываем, что количество строящегося жилья ограничено «снизу» разностью между потребностью в жилье и наличием его в жилищном фонде; «сверху» — плановым показателем ввода жилья. В случае превышения количества квартир определенного вида, имеющихся в жилищном фонде, над потребностью в жилье определенного вида, застройщикам нет необходимости делать их. Для формализации задачи согласования интересов экономических субъектов жилищного строительства введем следующие обозначения.

Пусть $i = 1, n$ — номер вида квартир;

T — срок строительства многоквартирных домов;

t — номер года в сроке строительства, $t = 1, T$.

Ниже введенные величины будут рассматриваться в t году.

X_i — количество жилья i вида, необходимое для увеличения жилищного фонда (искомая величина в оптимизационной задаче) (в m^2);

V — планируемый ввод жилья (в m^2);

N_i — количество квартир i вида, имеющихся в жилищном фонде;

U_i — потребность в жилье i вида домохозяйствами (в квартирах);

S_i — средняя площадь жилья i вида;

C — себестоимость $1 m^2$ жилья;

P_i — цена для потребителя при покупке $1 m^2$ квартиры i вида;

β — доля заемных денежных средств, выданных банком застройщикам для реализации проектов;

r — процентная ставка по кредиту для застройщика;

γ — доля заемных денежных средств, выданных банком населению для покупки жилья;

h — процентная ставка по ипотеке для населения.

Для постановки многокритериальной экономико-математической модели необходимо определить такой вектор переменных

$$X = (X_1, X_2, \dots, X_n)$$

из множества допустимых решений, при котором значение векторной функции векторного аргумента достигает своего экстремума (максимума или минимума).

$$F(X) = \{B(X), S(X), N(X)\} \rightarrow \text{ext},$$

где $B(X)$, $S(X)$, $N(X)$ — целевые функции, которые выражают:

максимизацию дохода банков

$$B = \sum_{i=1}^n r \beta X_i C + \sum_{i=1}^n h \gamma X_i P_i \rightarrow \max, \quad (1)$$

$$0 < \beta \leq 0,9, \quad 0 < \gamma \leq 0,85;$$

максимизацию прибыли застройщика

$$S = \sum_{i=1}^n (P_i - C) X_i \rightarrow \max; \quad (2)$$

минимизацию средней цены $1 m^2$ для потребителя

$$N = \frac{\sum_{i=1}^n P_i X_i}{\sum_{i=1}^n X_i} \rightarrow \min. \quad (3)$$

Множество допустимых решений задано ограничением на количество строящегося жилья (4) и условиями неотрицательности:

$$\sum_{i=1}^n (U_i - N_i) \cdot S_i \leq \sum_{i=1}^n X_i \leq V, \quad (4)$$

$$X_i \geq 0. \quad (5)$$

Таким образом, мы получили модель, которая позволяет увидеть множество вариантов, возникающих при взаимодействии экономических субъектов в жилищном строительстве.

Таблица 4 / Table 4

Парето-оптимальные решения для согласования интересов субъектов: «банк» и «население» /
Pareto-optimal solutions for harmonizing the interests of banks and the population

Индекс	Доход банка, руб.	Минимальная средняя цена 1 м ² жилья, руб.	Площадь однокомнатных квартир, м ²	Площадь двухкомнатных квартир, м ²	Площадь трехкомнатных квартир, м ²	Площадь четырех и более комнатных квартир, м ²
1	-18279573215	97713	1155000	-	-	-
2	-17961166276	94766	763189	-	-	391811
3	-17623778285	91643	348066	-	-	806922
4	-17341207005	89025	-	-	-	1155000
5	-17791329680	93194	554218	-	-	600776
6	-17500977069	90780	232855	-	-	920187
7	-18002598043	95518	861250	-	-	291203
8	-18216486152	97130	1077494	-	-	77505
9	-17385330771	89509	64254	-	-	1090208
10	-17925773424	94439	719742	-	-	435251
11	-17729827222	92627	478835	-	-	676141
12	-17884200521	94054	668512	-	-	486484
13	-18169634891	96696	1019819	-	-	135180
14	-17870448289	93927	651722	-	-	503266
15	-18279446165	97713	1155000	-	-	-
16	-17712571355	92540	467049	-	-	687416
17	-17447439649	90031	133682	-	-	1021160
18	-18085718122	95919	916520	-	-	238479

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

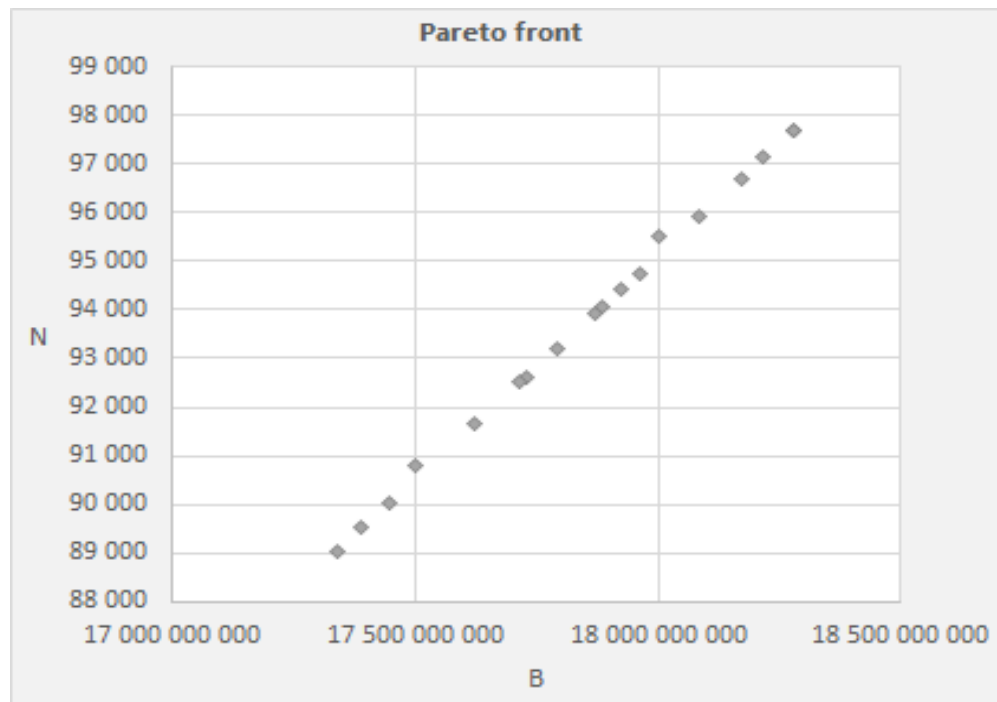

Рис. 2 / Fig. 2. Парето-фронт для задачи согласования интересов субъектов: «население» и «банки» / Pareto front for the problem of harmonizing the interests of the subjects “population” and “banks”

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

В данной задаче каждый из субъектов, вовлеченных в процесс, является лицом, принимающим решение.

В теории многокритериальной оптимизации показано, что искать решения (при которых значения целевых функций приемлемы для таких субъектов), следует только среди Парето-оптимальных [19].

Определим Парето-оптимальные решения задачи (1)–(3) с ограничениями (4), (5). Любой набор $X = (X_1, X_2, X_3, X_4)$, удовлетворяющий условиям (4), (5), будем называть допустимым. Допустимый набор X^* является Парето-оптимальным, если не существует другого допустимого набора X' , для которого

$$B(X^*) < B(X'), S(X^*) < S(X'), N(X^*) \geq N(X')$$

или

$$B(X^*) \leq B(X'), S(X^*) \leq S(X'), N(X^*) > N(X')$$

или других аналогичных комбинаций.

Иными словами, решение X^* оптимально по Парето, если не существует другого допустимого решения, в котором значение хотя бы одного критерия было лучше, а других — не хуже, чем в X^* .

Для решения задачи (1)–(5) используем пакет прикладных программ MATLAB, реализующий один из

методов многокритериальной оптимизации. Функция gamultiobj входит в состав пакета Global Optimization. Она использует контролируемый генетический алгоритм с элитизмом, в котором хороший компромисс между временем вычислений и размером искомого решения [20]. Функция gamultiobj создает множество Парето-оптимальных решений путем минимизации многомерной целевой функции. Допускается наличие границ на переменные, а также линейных неравенств и равенств, но нелинейные ограничения неприемлемы. Для минимизации использует контролируемый элитарный генетический алгоритм.

Для нахождения численного решения были выбраны следующие данные:

- Планируемый ввод жилья за 2021 г. (взят из паспорта регионального проекта Иркутской области «Жилье»)².
- Показатели фактического наличия квартир в жилищном фонде Иркутской области в 2021 г. (получены по запросу из Иркутстата).
- Доля заемных денежных средств, выданных банками застройщикам, — для реализации проектов (считаем ее равной 90%) и населению — для покупки жилья (85%).

² URL: <https://irkobl.ru/sites/irkstroy/working/gilstroy/pasportj/>

Таблица 5 / Table 5

Парето-оптимальные решения для согласования интересов субъектов: «застройщик» и «население» /
Pareto-optimal solutions to harmonize the interests of the developer and the population

Индекс	Доход банка, руб.	Минимальная средняя цена 1 м ² жилья, руб.	Площадь однокомнатных квартир, м ²	Площадь двухкомнатных квартир, м ²	Площадь трехкомнатных квартир, м ²	Площадь четырех- и более комнатных квартир, м ²
1	-55 620 187 237	97 713	1 155 000	0	0	0
2	-17 387 157 505	89 403	317	71 640	9 913	354 485
3	-46 075 392 813	92 665	371 529	266 158	106 517	324 627
4	-42 659 148 314	91 845	244 090	285 042	130 713	348 927
5	-36 036 395 261	90 959	111 800	282 290	123 379	352 933
6	-34 043 996 113	90 979	108 225	275 661	85 786	352 214
7	-55 620 178 206	97 713	1 155 000	0	0	0
8	-44 809 692 705	92 581	353 425	253 283	103 523	331 282
9	-25 239 394 897	89 899	1146	235 951	35 236	353 303
10	-49 582 384 894	93 239	473 440	270 769	103 410	287 451
11	-54 684 541 565	96 972	1 034 398	71 623	29 143	18 147
12	-38 471 556 675	91 429	173 587	281 668	111 300	352 242
13	-53 493 341 707	96 026	880 852	162 811	66 247	41 252
14	-27 202 954 376	90 006	3006	280 475	36 311	352 740
15	-21 147 658 194	89 720	3129	149 362	20 776	353 284
16	-30 856 915 890	90 041	7 899	280 502	120 701	353 095
17	-42 719 360 274	91 841	244 090	285 042	130 713	350 452
18	-51 528 114 377	94 272	642 444	182 098	86 611	241 203

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

• Ставка по кредитам для застройщиков (считаем ее равной 15%), ставка по ипотеке (11%) — на основании постановления правительства РФ от 31.03.2022 № 534 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2020 г. № 629».

ЧИСЛЕННОЕ РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Несмотря на то что все субъекты вовлечены во взаимодействие, оно происходит совсем неодновременно.

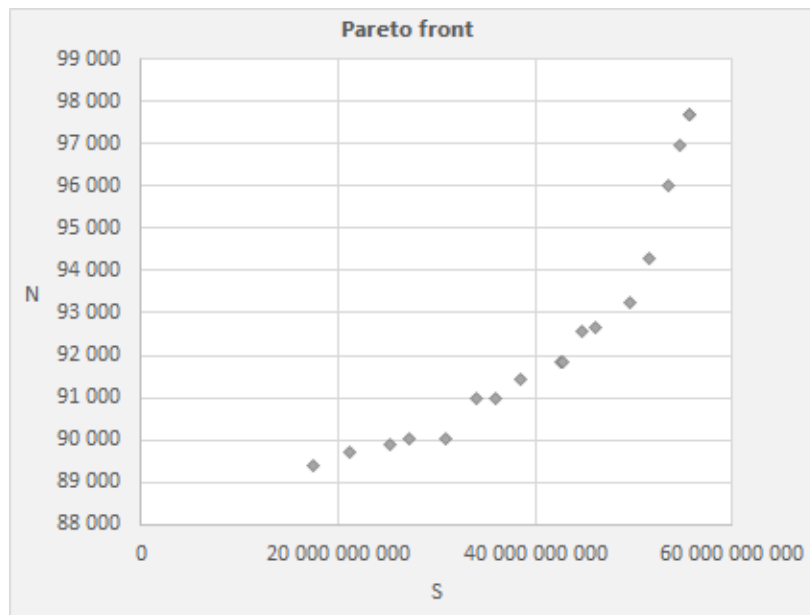

Рис. 3 / Fig. 3. Парето-фронт для задачи согласования интересов субъектов: «население» и «застройщик» /
Pareto front for the problem of harmonizing the interests of the subjects "population" and "developer"

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

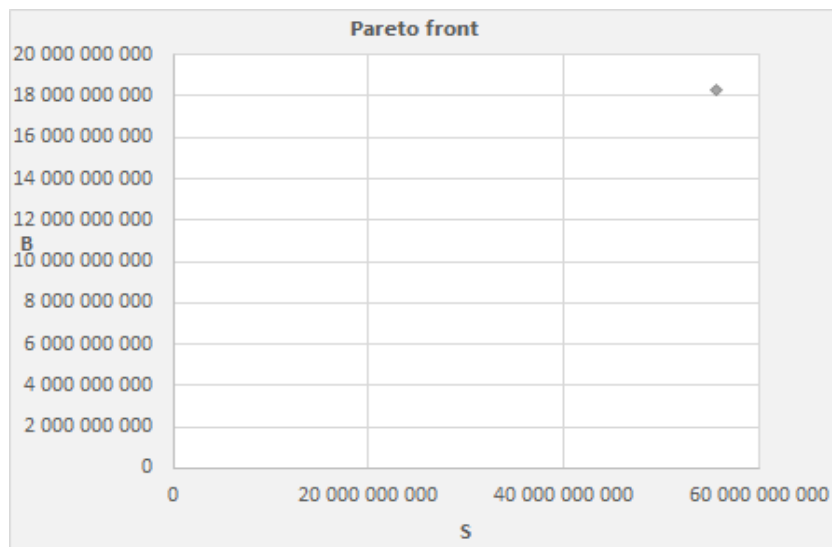

Рис. 4 / Fig. 4. Парето-фронт для задачи согласования интересов субъектов: «банк» и «застройщик» /
Pareto front for the task of harmonizing the interests of the subjects "banks" and "developer"

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

но, т.е. потребитель взаимодействует с банком либо до выбора объекта покупки, либо после того, как уже выбрал его у застройщика. Не бывает так, чтобы все три субъекта встретились и приняли единое решение — они учитывают чужие мнения, но не согласовывают их друг с другом.

В рамках решения задачи мы сначала согласовали интересы субъектов попарно, а затем — всех трех вместе. Для этого в MATLAB были созданы три

функции, которые включали в себя две целевые, представляющие интересы субъектов, участвующих в задаче, а также необходимые числовые данные. С помощью встроенной функции gamultiobj были найдены оптимальные решения данных многокритериальных задач.

Полученные решения представлены в табл. 4–6. Графические изображения Парето-фронта для каждой задачи представлены на рис. 2–5.

Таблица 6 / Table 6

Парето-оптимальные решения для согласования интересов субъектов: «банк», «застройщик» и «население»
/ Pareto-optimal solutions for coordinating the interests of the subjects
of the “bank”, “developer” and “population”

Индекс	Доход банка, руб.	Минимальная средняя цена 1 м ² жилья, руб.	Минимальная средняя цена для населения, руб.	Площадь однокомнатных квартир, м ²	Площадь двухкомнатных квартир, м ²	Площадь трехкомнатных квартир, м ²	Площадь четырех- и более комнатных квартир, м ²
1	-45 585 539 785	-17 341 207 454	89 025	0	0	0	1 155 000
2	-48 746 998 289	-17 636 803 876	91 762	278 742	291 751	131 964	452 543
3	-45 585 540 268	-17 341 207 321	89 025	0	0	0	1 155 000
4	-46 425 774 836	-17 419 545 071	89 753	74 078	77 822	35 323	967 757
5	-48 380 052 370	-17 601 748 111	91 447	246 374	258 827	117 478	532 255
6	-45 802 030 437	-17 361 449 180	89 212	19 088	19 979	9 037	1 106 897
7	-47 195 266 159	-17 490 857 252	90 421	141 982	149 418	67 968	795 556
8	-46 136 224 164	-17 392 111 728	89 504	48 409	51 987	23 898	1 030 654
9	-48 115 327 058	-17 576 921 212	91 218	223 100	234 286	106 338	591 203
10	-47 766 488 269	-17 544 806 185	90 914	192 416	201 282	91 042	670 233
11	-47 592 859 626	-17 528 016 700	90 766	177 074	186 020	84 480	707 349
12	-46 695 719 184	-17 444 416 342	89 988	97 921	103 049	46 876	907 103
13	-46 742 280 093	-17 419 064 968	90 120	119 113	83 570	55 955	893 687
14	-47 440 586 908	-17 514 361 746	90 632	163 485	171 775	77 888	741 826
15	-48 540 132 138	-17 614 044 433	91 594	263 037	268 092	122 982	500 586
16	-48 746 998 289	-17 636 803 876	91 762	278 742	291 751	131 964	452 543
17	-46 516 194 394	-17 428 087 130	89 831	82 108	85 891	38 849	948 140
18	-45 585 539 785	-17 341 207 454	89 025	0	0	0	1 155 000

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

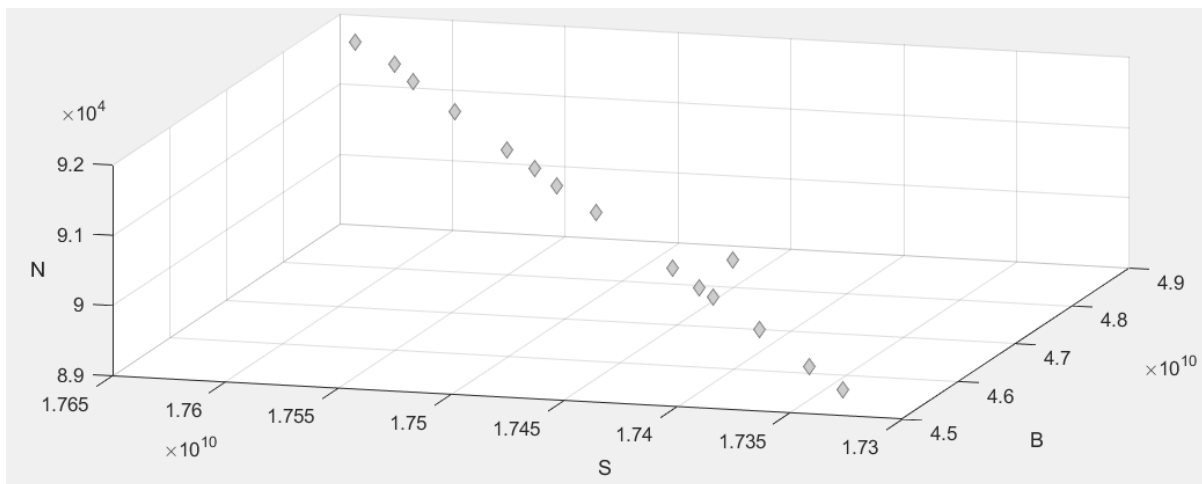

Рис. 5 / Fig. 5. Парето-фронт для задачи согласования интересов субъектов: «банк», «застройщик» и «население» / Pareto front for the task of harmonizing the interests of the subjects of the “bank”, “developer” and “population”

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Значения дохода банка f_1 , представленные в табл. 4, отрицательны, так как gamultiobj минимизирует функцию. При минимальной средней цене от 89 до 97 тыс. руб. за 1 м² банк получит от 17 до 18 млрд руб. Компромисс при согласовании интересов — когда банк кредитует, а население приобретает однокомнатные и четырехкомнатные квартиры. Зависимость между f_1 и f_2 , представленную на Парето-фронте (рис. 2), можно аппроксимировать линейной функцией.

Из табл. 5 видно, что прибыль застройщика f_1 колеблется от 17 до 55 млрд руб. Наибольшее значение этот показатель достигает только при продаже однокомнатных квартир. Если у застройщика имеются квартиры всех видов, то он значительно теряет в прибыли. Определенные восемнадцать оптимальных по Парето точек позволяют найти компромисс между потребностями населения и интересом застройщика.

При согласовании интересов банка и застройщика найдено единственное решение, удовлетворяющее интересам обоих субъектов. Наибольший доход банка — 55 620 200 614 руб., а прибыль застройщика — 18 279 453 191 руб. В такой ситуации и банк, и застройщик предпочтут строительство однокомнатных квартир, общая площадь которых составит 1 550 000 м².

Согласуем интересы всех трех субъектов, инициализируем необходимые данные и используем функцию gamultiobj, а также функцию построения трехмерного графика plot3.

Полученные результаты приведены в табл. 6 и на рис. 5.

Восемнадцать точек представляют собой множество Парето-оптимальных решений для трех субъектов. Причем банк получит доход f_1 от 45 до 48 млрд руб., в зависимости от спектра видов продаваемых квартир. Застройщик получит прибыль f_2 порядка 17 млрд руб., а минимальная средняя цена для населения f_3 будет около 90 тыс. руб. за 1 м².

Какой вариант из множества оптимальных по Парето решений будет выбран, зависит от лица, принимающего решения.

Если бы сами субъекты пытались найти оптимальные решения согласования интересов, им имело бы смысл перебирать только решения оптимальные по Парето, так как в остальных случаях для кого-то из них положение будет хуже.

Субъектом, роль которого — согласовывать интересы застройщика, банка и населения, является государство, которое должно создать такие условия на рынке жилищного строительства, чтобы экономические субъекты были в этом заинтересованы. С нашей точки зрения, в построенную модель целесообразно ввести четвертую целевую функцию, которая будет соответствовать государству, например:

$$\sum_{i=1}^n (U_i - X_i)^2 \rightarrow \min.$$

Данный критерий отличается единицами измерения от критериев (1)–(3). Расширенная модель с помощью введения четвертого субъекта — дальнейшее направление для наших исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Gruneberg S., Francis N. The economics of construction. Newcastle upon Tyne: Agenda Publishing; 2019. 208 p.
2. Грушина О.В., Красноштанова Т.А. Отрицательный синергизм пандемии COVID-19 в сфере жилищного строительства на примере Иркутской области. *Жилищные стратегии*. 2021;8(1):47–68. DOI: 10.18334/zhs.8.1.111955
3. Чибикова Т.В. Динамика цен на рынке жилой недвижимости в 2020–2021 гг. на примере г. Омск. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*. 2021;10(3):90–98. DOI: 10.24412/2225–8264–2021–3–90–98
4. Pinto J.M. What is project finance? *Investment Management and Financial Innovations*. 2017;14(1):200–210. DOI: 10.21511/imfi.14(1–1).2017.06
5. Müllner J. International project finance: Review and implications for international finance and international business. *Management Review Quarterly*. 2017;67(2):97–133. URL: 10.1007/s11301–017–0125–3
6. Mawutor J.K.M., Obeng K. The role of project finance in contemporary financing: “Theoretical perspective”. *Accounting and Finance Research*. 2014;3(4):181–185. DOI: 10.5430/afr.v3n4p181
7. Finnerty J.D. Project financing: Asset-based financial engineering. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc.; 2007. 496 p.
8. Шеломенцева Н.Н. Формирование стратегии предложения жилья застройщиками в условиях проектного финансирования. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Иркутск: БГУ; 2021. 24 с.
9. Грушина О.В., Шеломенцева Н.Н. Интересы экономических субъектов жилищного строительства в условиях проектного финансирования. Проблемы экономики и управления строительством в условиях экологически ориентированного развития. Мат. 6-й Междунар. науч.-практ. онлайн-конф. (11–12 апреля 2019 г.). Братск: Изд-во БрГУ; 2019:147–154.
10. Светник Т.В., Вахнович В.С. Система долевого строительства и оценка механизмов ее замещения. *Известия Байкальского государственного университета*. 2016;26(6):907–918. DOI: 10.17150/2500–2759.2016.26(6).907–918
11. Пухова В.В. Система развития первичного рынка жилой недвижимости в условиях проектного финансирования. *Известия Байкальского государственного университета*. 2021;31(1):90–97. DOI: 10.17150/2500–2759.2021.31(1).90–97
12. Gatti S. Project finance in theory and practice: Designing, structuring, and financing private and public projects. London: Academic Press; 2018. 634 p.
13. Ballantine H.W. Delivery in escrow and the parol evidence rule. *The Yale Law Journal*. 1920;29(8):826–840. DOI: 10.2307/786946
14. Астафьев С.А., Сарченко В.И., Якубовский А.В., Хиревич С.А., Пухова В.В. Формирование механизма оценки социально-экономической эффективности градостроительных проектов органами местного самоуправления. *Baikal Research Journal*. 2020;11(2):6. DOI: 10.17150/2411–6262.2020.11(2).6
15. Абдразаков Р.И., Кравченко Е.Г. Многокритериальная экономико-математическая модель удовлетворенности спроса населения на малоэтажное жилищное строительство в регионе. *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. 2012;(4):94.
16. Горбанева О.И., Мурзин А.Д., Угольницкий Г.А. Моделирование согласования общих и частных интересов развития экономических субъектов. *Кибернетика и программирование*. 2020;(1):1–8. DOI: 10.25136/2644–5522.2020.1.33213
17. Смирнова О.П., Шергин В.В. Теоретические аспекты формирования системы поддержки управления инвестиционным процессом в жилищном строительстве на уровне региона. *Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством*. 2012;(4):33–37.
18. Макаров Д.А., Юденко М.Н. Системное моделирование экономического взаимодействия участников в сфере жилищного строительства. *Экономика строительства*. 2021;(2):28–38.
19. Подиновский В.В., Ногин В.Д. Парето-оптимальные решения многокритериальных задач. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит.; 1982. 256 с.
20. Costa L., Oliveira P. An elitist genetic algorithm for multiobjective optimization. In: *Metaheuristics: Computer decision-making*. Boston, MA: Springer-Verlag; 2003:217–236. (Applied Optimization. Vol. 86). URL: 10.1007/978–1–4757–4137–7_10

REFERENCES

1. Gruneberg S., Francis N. The economics of construction. Newcastle upon Tyne: Agenda Publishing; 2019. 208 p.
2. Grushina O.V., Krasnoshtanova T.A. Negative synergy of the COVID-19 pandemic in housing construction on the example of the Irkutsk region. *Zhilishchnye strategii = Russian Journal of Housing Research*. 2021;8(1):47–68. (In Russ.). DOI: 10.18334/zhs.8.1.111955
3. Chibikova T.V. The dynamics of prices in the residential real estate market in 2022–2021 on the example of Omsk. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii = Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*. 2021;10(3):90–98. (In Russ.). DOI: 10.24412/2225–8264–2021–3–90–98
4. Pinto J.M. What is project finance? *Investment Management and Financial Innovations*. 2017;14(1):200–210. DOI: 10.21511/imfi.14(1–1).2017.06
5. Müllner J. International project finance: Review and implications for international finance and international business. *Management Review Quarterly*. 2017;67(2):97–133. URL: 10.1007/s11301–017–0125–3
6. Mawutor J.K.M., Obeng K. The role of project finance in contemporary financing: “Theoretical perspective”. *Accounting and Finance Research*. 2014;3(4):181–185. DOI: 10.5430/afr.v3n4p181
7. Finnerty J.D. Project financing: Asset-based financial engineering. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc.; 2007. 496 p.
8. Shelomentseva N.N. Formation of a housing supply strategy by developers in terms of project financing. Cand econ. sci. diss. Synopsis. Irkutsk: Baikal State University; 2021. 24 p. (In Russ.).
9. Grushina O.V., Shelomentseva N.N. Interests of economic subjects of housing construction in the conditions of project financing. In: Problems of economics and management of construction of environmentally oriented development. Proc. 6th Int. sci.-pract. online conf. (April 11–12, 2019). Bratsk: Bratsk State University Publ.; 2019:147–154. (In Russ.).
10. Svetnik T.V., Vakhnovich V.S. The shared construction system and evaluation of mechanisms for its replacement. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*. 2016;26(6):907–918. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500–2759.2016.26(6).907–918
11. Pukhova V.V. The system of developing the primary market of residential real estate in terms of project financing. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*. 2021;31(1):90–97. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500–2759.2021.31(1).90–97
12. Gatti S. Project finance in theory and practice: Designing, structuring, and financing private and public projects. London: Academic Press; 2018. 634 p.
13. Ballantine H.W. Delivery in escrow and the parol evidence rule. *The Yale Law Journal*. 1920;29(8):826–840. DOI: 10.2307/786946
14. Astafyev S.A., Sarchenko V.I., Yakubovsky A.V., Khirevich S.A., Pukhova V.V. Developing evaluation mechanism of socioeconomic efficiency of urban planning projects by local government bodies. *Baikal Research Journal*. (In Russ.). DOI: 10.17150/2411–6262.2020.11(2).6
15. Abdrazakov R.I., Kravchenko E.G. Multi-criteria economic and mathematical model of satisfaction of the population's demand for low-rise housing construction in the region. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal = Management of Economic Systems: Scientific Electronic Journal*. 2012;(4):94. (In Russ.).
16. Gorbaneva O.I., Murzin A.D., Ougolnitsky G.A. Modeling the coordination of general and private interests of the development of economic entities. *Kibernetika i programmirovaniye = Cybernetics and Programming*. 2020;(1):1–8. (In Russ.). DOI: 10.25136/2644–5522.2020.1.33213
17. Smirnova O.P., Shergin V.V. Formation of system support investment management in housing construction at the regional level: Theoretical aspects. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya: Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom = News of Higher Educational Institutions. Series: Economy, Finance and Production Management*. 2012;(4):33–37. (In Russ.).
18. Makarov D.A., Yudenko M.N. Systemic modelling of economic interaction in sphere of housing construction. *Ekonomika stroitel'stva = Economics of Construction*. 2021;(2):28–38. (In Russ.).
19. Podinovskii V.V., Nogin V.D. Pareto-optimal solutions of multiobjective problems. Moscow: Nauka; 1982. 256 p. (In Russ.).
20. Costa L., Oliveira P. An elitist genetic algorithm for multiobjective optimization. In: Metaheuristics: Computer decision-making. Boston, MA: Springer-Verlag; 2003:217–236. (Applied Optimization. Vol. 86). URL: 10.1007/978–1–4757–4137–7_10

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Наталья Николаевна Шеломенцева — кандидат экономических наук, доцент кафедры вычислительной математики и оптимизации, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Natalya N. Shelomentseva — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Department of Computational Mathematics and Optimization, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5644-3455>

Автор для корреспонденции / Corresponding author

natshelom@gmail.com

Ольга Валерьевна Грушина — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики строительства и управления недвижимостью, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

Olga V. Grushina — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Department of Construction Economics and Real Estate Management, Baikal State University, Irkutsk, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-1986-308X>

olga7771972@mail.ru

Татьяна Алексеевна Красноштанова — аспирант кафедры экономики строительства и управления недвижимостью, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

Tatyana A. Krasnoshtanova — postgraduate student, Department of Construction Economics and Real Estate Management, Baikal State University, Irkutsk, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-1198-6915>

tkrasnoshtanova@spm-7.ru

Заявленный вклад авторов:

Н.Н. Шеломенцева — выявление субъектных взаимодействий в процессе строительства жилья в условиях проектного финансирования, разработка многокритериальной экономико-математической модели согласования интересов экономических субъектов в жилищном строительстве.

О.В. Грушина — разработка общей концепции статьи, анализ последствий введения проектного финансирования на фоне кризисов 2020 и 2022 гг.

Т.А. Красноштанова — поиск и подготовка исходных данных для апробации модели.

Authors' declared contribution:

N.N. Shelomentseva — identification of subject interactions in the process of housing construction in the conditions of project financing, development of a multi-criteria economic and mathematical model for coordinating the interests of economic entities in housing construction.

O.V. Grushina — development of the general concept of the article, analysis of the consequences of the introduction of project financing against the background of the crises of 2020 and 2022.

T.A. Krasnoshtanova — search and preparation of initial data for testing the model.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.12.2022; после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 30.01.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.12.2022; revised on 10.01.2023 and accepted for publication on 30.01.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.